

AARDM Reprint - 1986

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АЛЕКСИЙ

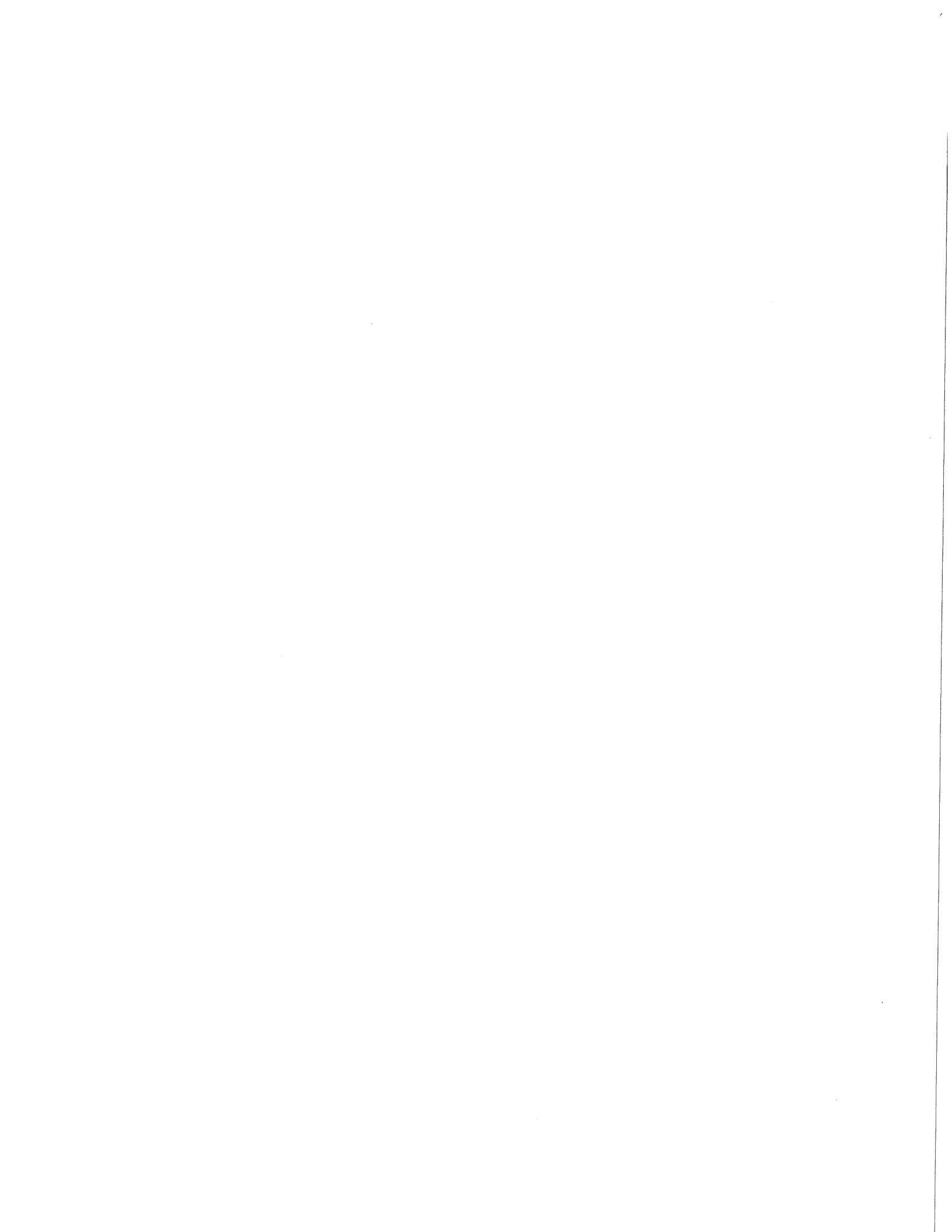
АРХИЕПИСКОПЪ ЛИТОВСКІЙ И ВИЛЕНСКІЙ.

Пресвитера московскаго придворнаго Благовѣщенскаго собора
магистра богословія,

Н. Д. Извъкова.

МОСКВА

1896.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АЛЕКСІЙ

АРХІЕПИСКОПЪ ЛИТОВСКІЙ И ВИЛЕНСКІЙ.

Пресвитера московскаго придворнаго Благовѣщенскаго собора
магистра богословія,

Н. Д. Извъкова.

МОСКВА.

—
1896.

Library of Congress Catalog Card No.

86-071484

Archives of Americans of Russian Descent
in Minnesota
3217 - 32nd Avenue N.E.
Minneapolis, MN. 55418
U.S.A.

ВВЕДЕНИЕ

Александр Феодорович Лавров, сын священника Ярославской епархии, родился в 1829 году. Он окончил курс ярославской духовной семинарии и поступил в московскую духовную академию где получил в 1854 г. степень магистра за сочинение "Обетования и пророчества о Христе в пятокнижии Моисеевом". После получения степени магистра он остался при академии бакалавром, преподавая греческий язык, церковную словестность и церковное право. Во время преобразования судебной части по Духовному Ведомству, Лавров, как канонист, участвовал в комиссии, защищая епископское право на суд. Результатом участия в этой комиссии было опубликование им ряда статей и исследований из которых нужно отметить "Предполагаемая реформа церковного суда".

После смерти супруги, 49 летний Лавров принял монашеский постриг с именем Алексия. Вскоре он был возведен в сан архимандрита и настоятеля Саввина Сторожевского монастыря, а 30-го апреля 1878 г. он был хоротонисан во епископа Можайского, второго викария Московской митрополии. В 1883 г. епископ Алексей был назначен первым викарием, а 9 марта 1885 г. – епископом Таврическим. Однако назначение было отменено и 11 мая он был послан на Литовскую кафедру, где еще не зажили раны католического и польского преследования православного населения. Он приехал в епархию где в 1839 году полтора миллиона униатов вернулись в лоно Православной Церкви, отторгнутые путем обмана и насилия от Православия к единению с Римом. Будучи на Литовской кафедре, преосвященный Алексей заслужил всеобщее уважение и любовь даже не православного населения. Для старообрядцев он совершал службы по старым богослужебным книгам и они высказали желание чтобы он возглавил их при условии их присоединения к единоверию. Напомним, что преосвященный Тихон, бывший архиепископом в Америке и ставший впоследствии патриархом всея Руси, был в 1914 году назначен на Литовскую и Виленскую епархию. Это были уже военные годы и Владыке Тихону пришлось встретиться с явлениями против которых боролся Его предшественник Арх. Алексей. В период между двумя мировыми войнами, к сожалению, в этой области, как и везде в восточной Польше, прокатилась волна страшных преследований православного населения и уничтожения храмов.

Умер владыка Алексей в 1890 году. Из его печатных трудов необходимо отметить:

Жизнь св. Иоанна Дамаскина, Приб. к творениям св. отцов 1857

Архимандрит Порфирий, настоятель православной церкви в Риме, Душ. Чтение 1866, №2

Новый вопрос в православной русской церкви, Приб. к творениям св. отцов 1871

Памяти Филарета, митрополита московского, Душ. Чтение 1868, №1

Вторая апология по новому вопросу, там-же

Третья апология по новому вопросу, Московские Епархиальные Ведомости, 1872 март

Вдовы священнослужители, Христианское Чтение, 1870, №12 и 1871, №1

Предполагаемая реформа церковного суда, 1873, 2 выпуска

Кроме вышеуказанных печатных работ Владыки Алексея были еще и другие, которые мы

не помещаем в перечне, но необходимо отметить что под его редакцией Московское Общество Любителей Духовного Просвещения начало в 1875 году и окончило в 1884 году капитальный труд под заглавием "Правила св. апостол, св. соборов вселенских и поместных и св. отец с толкованиями".

Данная книга о высокопреосвященном святителе является одной из работ посвященных истории Православной Церкви в Литве и возвращению православных в веру своих праотцев. Другие книги заслуживающие внимания по этому вопросу:

Торжество пятидесятилетия воссоединения униатов с православной церковью 8 июня 1889 г. в Вильне и других местах Западной России. Вильна, 1889 г.

Краткий исторический очерк Виленского женского училища духовного ведомства, Вильна, 1886 г.

Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский, Вильна, 1889

Некоторые черты деятельности Высокопреосвященного Макария (Булгакова) по управлению Литовскою епархией, Сергиев Посад, 1892

Несколько документов по вопросу об открытии в Вильне Духовной Академии, Сергиев Посад, 1893

История Литовской Духовной Семинарии, Вильна, 1892

Статистическое описание православных приходов Литовской епархии, Вильна, 1893

Печальная страница из истории церкви в северо-западном крае, Русское Обозрение, ноябрь 1894

Пятидесятилетие со дня перенесения в Вильну Литовской православной кафедры, Русское Слово, 1895, № 124

Митрополит Макарий в его деятельности по управлению Литовской епархией, Христианское Чтение, 1898, январь-февраль

Религиозно-нравственное состояние православного населения в северо-западном крае, Московские Церковные Ведомости, 1898, № 37-40

Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени, Вильна, 1895

Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической Комиссией, СПб 1846-1851

Лаппо И.И. Западная Россия и ее соединение с Польшей, Прага, 1924

Прот. Г. Шорец, Иосиф Семашко, Митрополит Литовский и Виленский, и воссоединение униатов с Православной Церковью, Православный Путь, 1960

В Свято-Троицкой Духовной Семинарии в 1959 г. Иоанном Евсеенко была написана работа на тему "Церковные унии в Великом Литовском княжестве при первых Ягеллонах". Замечательное описание сделал К. Николаев в книге "Восточный обряд", ИМКА, Париж, 1950.

В Мюнхене вышло несколько статей Н. Теодорович на эту тему. Имеется также обширная литература на эту тему на польском языке.

Мы надеемся что книга о святителе Алексие заинтересует читателя в истории Великого княжества Литовского и причин перехода населения под защиту и власть Московского царства.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АЛЕКСІЙ

архіепископъ Литовскій и Виленскій.

„Тѣхъ хвалить ничто не препятствуетъ, которые уже переселились отъ насъ, которымъ и льстить уже поздно, потому что они оставили какъ все прочее, такъ и хвалителей и порицателей“. (Твор. св. Григ. Бог. въ переводѣ на русскій языкъ. Ч. 1, стр. 269).

Всего только пять лѣтъ прошло со времени кончины приснопамятнаго святителя. Полная характеристика его дѣятельности принадлежитъ, конечно, будущему времени. Но въ виду того, что и въ настоящее время очень много благоговѣйныхъ почитателей памяти пр. Алексія, особенно въ Московской епархіи, которымъ или мало, или даже и совсѣмъ не была извѣстна жизнь и дѣятельность его, по отбытіи изъ Москвы въ Вильну, а также и въ виду того, что и вообще жизнь и дѣятельность Владыки представляютъ очень много поучительнаго, мы взяли на себя посильный трудъ составить хотя краткій очеркъ жизни и дѣятельности пр. Алексія, и преимущественно за время его пастырской дѣятельности въ Вильнѣ. Высокопреосвященный Алексій ¹, въ мирѣ Александръ Федоровичъ Лавровъ, былъ ро-

¹ Матеріаломъ для составленія нашего очерка служили *Литовскія Епархіальныя Вѣдомости*, на страницахъ которыхъ было занесено не мало замѣтокъ о служебной дѣятельности пр. Алексія; далѣе—*Душеполезное Чтеніе*, *Московскія Церковныя Вѣдомости*, *Церковныя Вѣдомости* и, наконецъ, *Богослов. Вѣстникъ* за 1895 г., въ которомъ также были напечатаны нѣкоторыя воспоминанія о немъ. Но главнѣйшій матеріалъ доставленъ рукописными данными, извлеченными нами изъ архивовъ Литовской духовной консисторіи, Литовской духовной семинаріи и др., а отчасти нашими собственными воспоминаніями о немъ и воспоминаніями нѣкоторыхъ

домъ изъ Ярославской губерніи, сынъ священника села Семеновскаго, Пошехонскаго уѣзда. Приводимъ здѣсь дословную записъ самого покойнаго Владыки, которую онъ сдѣлалъ о своей родословной въ сороковой день по кончинѣ своей матери, 25 января 1876 г., и въ которой живо рисуеть свою нѣжную любовь къ ней.

„Въ Бозѣ почившая незабвенная маменька наша, Александра Ивановна, пишетъ Владыка, родилась въ 1808 г. отъ священника села Семеновскаго (Ярославской епархіи, Пошехонскаго уѣзда) Іоанна Васильевича Казанскаго и жены его Екатерины Θεодоровны. Дѣдъ мой родомъ былъ изъ села Васильевскаго, что въ бывшей вотчинѣ князей Ухтомскихъ, въ 7 верстахъ отъ Семеновскаго, священнической сынъ и студентъ Ярославской семинаріи, окончившій въ ней курсъ въ 1800 г., а бабушка была дочь священника изъ села Мартынова. Нѣкоторое время дѣдъ былъ священникомъ въ селѣ Васильевскомъ, на мѣстѣ своего отца, но потомъ—году, вѣроятно, въ 1804 или 1805—перешелъ въ Семеновское. Кромѣ маменьки, дѣдъ имѣлъ еще двухъ сыновей—старшаго всѣхъ Василя, бывшаго послѣ священникомъ въ селѣ Θεодорковѣ, и скончавшагося въ 1864 году,—и Петра, въ монашествѣ Дмитрія, нынѣ іеродіакона Спаса-Геннадіева монастыря. Рано маменька лишилась своей матери, скончавшейся отъ горячки. Маменька тогда была 9 лѣтъ. Послѣ матери хозяйствомъ занималась тетка матери, Марѳа Θεодоровна, дѣвица. А маменька до замужества вела уединенную домашнюю жизнь и почти нигде не ходила. Сверстницы и подружки ея были: Елизавета Ивановна, дяконова дочь, и Анна Васильевна Рычкова. Въ бѣдахъ, а не въ радостяхъ прошла и дѣвическая ея жизнь. Воры ограбили дѣдушку и лишили ихъ всего достоянія. Въ 1828 г. маменька вышла за мужъ за студента Ярославской духовной семинаріи, Θεодора Ивановича Лаврова, дяконскаго сына, изъ села Зиновьева, которому дѣдушка сдалъ свое мѣсто, а самъ удалился въ Андріановъ монастырь, гдѣ и постригся въ монашество, съ именемъ Израїля. Въ супружествѣ маминька не была счастлива: ея удѣломъ во всемъ и здѣсь были заботы, труды, терпѣніе, самоотверженіе; радостей же было очень мало. Отецъ нашъ былъ депутатомъ и лѣтъ пять благочиннымъ. Родители наши имѣли четверыхъ дѣтей: 1) старшаго—меня, Александра, родившагося 22 августа 1829 г., 2) втораго—Николая, родившагося въ іюлѣ 1831 г., 3) дочь Надежду, родившуюся въ

другихъ лицъ, сообщившихъ намъ оныя. Особенную благодарность приносимъ брату почившаго святителя, Н. Θ. Лаврову, за любезно сообщенную имъ намъ рукопись пр. Алексія, и о. Ризничему Покровскаго монастыря въ Москвѣ, о. Макарію, который, какъ бывший эконокъ при немъ, близко зналъ домашнюю жизнь Владыки и также не отказался подѣлиться воспоминаніями своими о незабвенномъ святителѣ.

сентябрѣ 1834 г. и 4) дочь Ольгу, родившуюся въ іюлѣ 1838 г. Въ супружествѣ жила маминька 13 лѣтъ съ небольшимъ. 30 ноября 1841 г. отецъ нашъ скончался послѣ продолжительной чахоточной болѣзни. Всѣ попеченія о дѣтяхъ, изъ коихъ старшему было 12 лѣтъ, а младшей—3 года, легли тогда на маминьку. По ходатайству дяди нашего, Никиты Ивановича, въ Возѣ почившій преосвященный Ярославскій Евгеній далъ намъ вспомошествованіе въ формѣ обязательства отъ поступившаго на мѣсто нашего отца, Александра Іосифовича Крылова, который, при поступленіи, обязался давать намъ третью часть священнической земли и 50 р. асс. деньгами ежегодно, въ теченіе десяти лѣтъ. Своими собственными трудами она обрабатывала землю и содержала насъ двоихъ въ училищѣ и потомъ въ семинаріи, а сестеръ нашихъ воспитывала дома при себѣ. Въ 1854 году я окончилъ курсъ въ Академіи и получилъ мѣсто бакалавра. Въ томъ же году, осенью, маминька выдала старшую дочь Надежду Θεодоровну за священника въ село Мечеходово, Василія Ивановича Мартынова, съ хорошимъ награжденіемъ. Въ 1855 г. вступилъ въ бракъ старшій ея сынъ и осенью того же года маминька выдала младшую свою дочь, Ольгу Θεодоровну, за священника села Инжевьера, Іоанна Филипповича Всесвятскаго, и въ томъ же году младшій ея сынъ, Николай, поступилъ на службу въ губернское правленіе. Лучшимъ временемъ своей жизни покойная маминька почитала то, когда подросли ея дочери и помогали ей въ ея тяжкихъ трудахъ. Въ 1856 г. маминька оставила Семеновское и переселилась въ Инжевьеръ въ дочери Ольгѣ Θεодоровнѣ, домъ же Семеновскій проданъ послѣ бывшаго въ Семеновскомъ пожара, крестьянину Кузнецову.

„Въ Инжевьерѣ жизнь маминьки не была легче. Приходъ бѣдный, и существовать можно было только трудами. Маминька трудилась, какъ и всегда, болѣе всѣхъ. Попытки перейти на лучшій приходъ не удавались до 1871 г., когда въ мартѣ зять перемѣщенъ былъ въ село Срѣтенское, близъ Рыбинска. Переебрались туда всѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1871 г. Такимъ образомъ въ Инжевьерѣ маминька прожила 15 лѣтъ.

„Жизнь въ Срѣтенскомъ была нѣсколько легче. Но недолго судилъ Господь пожить здѣсь маминькѣ. Только четыре года съ половиною продолжалась здѣсь ея жизнь. Въ 1872 г. маминька была въ Петербургѣ у меня. Приѣхала туда 26 сентября, а отъправилась 5 октября. Петербургъ ей очень понравился, а въ особенности Зимній дворецъ.

„Въ 1874 г. апрѣля 4-го маминька въ Срѣтенскомъ ходила въ церковь въ валяныхъ сапогахъ. Возвращаясь изъ церкви, промочила ноги, не обратила вниманія тогда на это и получила воспаленіе легкихъ.

„Въ августѣ Троицкій докторъ Вѣтровъ осматривалъ маминьку и такъ опредѣлилъ ея болѣзнь: предписалъ молоко съ вельтерскою водою и успокоилъ, что съ этою болѣзнію можно прожить не мало времени, но не такъ было суждено свыше. Лѣченія ма-

менька не употребляла, потому что никогда не любила лѣчиться. Кашель не прекращался, мучилъ ее и сушилъ. Лѣтомъ 1875 г. 2 и 3 іюля я нашелъ ее сильно похудѣвшею. Но и по дому все она дѣлала,—и сѣно шевелила. Такъ было и въ сентябрѣ, когда она отпустила Олю къ Троицѣ. Суровая и ранняя зима 1875 г. оказала свое вредное вліяніе на здоровье маменьки. Въ ноябрѣ она раза три прихварывала, но чрезъ сутки опять все проходило. 8 числа декабря 1875 г., въ понедѣльникъ, вставши здоровою и напившись чаю, часовъ около 10 утра, она сходила въ подполье за картофелемъ и, возвратившись, тотчасъ легла, сказавъ, что ей очень нездоровится, и силы у нея нѣтъ. Болѣзнь приняла опасный характеръ. Въ среду (10) исповѣдывалась и приобщилась, въ пятницу 12 соборовалась. Въ субботу мнѣ дали знать телеграммою, и тогда же я отправился съ Александрою Ивановною, то-есть, съ женою. Въ Рыбинскѣ встрѣтили мы брата и отца Іоанна (то-есть, зятя), и взяли доктора С. Маменька обрадовалась намъ и спросила о здоровьи московскихъ. Докторъ не подалъ ни надежды и не внушалъ особыхъ опасеній. Данныя имъ лѣкарства съ опіемъ произвели только то дѣйствіе, что маменька вторникъ провела во снѣ и забытьи и не чувствовала страданій. Все время болѣзни была въ полномъ и ясномъ сознаніи. Бреду не было, хотя жаръ былъ очень сильный; пульсъ показывалъ 104—120. Голова была совершенно свѣжа. Страданія были очень велики, но терпѣливица не произнесла ни одной жалобы. Сознаніе близости кончины и на минуту не оставляло ея. Часто смотрѣла она на ногти свои,—не почернѣли-ли, считая это признакомъ приближенія смерти. Въ понедѣльникъ 17-го въ 1-мъ часу дня пополудни насъ благословила всѣхъ иконами.—Меня—иконою Ѳедора Тирона, бывшею въ Семеновскомъ, написанной еще по мысли дѣдушки Израиля. При этомъ сказала: „трудись, будь милостивъ къ нищимъ“ (это предсмертное завѣщаніе горячо любимой матери пр. Алексіей свято исполнялъ до самой своей смерти) и велѣла еще купить икону Рождества Пресвятыя Богородицы, сказавши: „я всегда молилась Божіей Матери о тебѣ и нарочито ходила въ Адриановъ монастырь (въ 1873 г.), когда у тебя были непріятности въ Петербургѣ. Между тѣмъ облегченія болѣзни маменьки не было замѣтно и отъ лѣкарствъ, привезенныхъ изъ Рыбинска. Вечеромъ во вторникъ предложили ей опять приобщиться, но она сказала: „ночь-то я еще переживу“. Рано утромъ въ среду заѣхалъ фельдшеръ и посовѣтовалъ приобщиться немедля, не дожидаясь окончанія обѣдни. Позвали о. Михаила, и въ 7-мъ часу маменька исповѣдывалась и приобщилась св. таинъ. Скончалась 1875 г. декабря 17, въ среду утромъ, въ началѣ 10-го часа. Отходную читалъ я и потомъ о. Іоаннъ. Погребеніе было въ субботу 20-го; отпѣвали три священника: отецъ Михаилъ, отецъ Іоаннъ и отецъ Николай—отъ Архангела“.

Прочитавшій сію собственноручною записъ Владыки невольно сдѣлаетъ изъ нея то заключеніе, что главное мѣсто въ семьѣ принадлежало именно его матери, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ которой изъ него самого выработался неутомимый и въ то же время чрезвычайно скромный труженникъ на всякомъ посту, каковой только приходилось ему занимать во все послѣдующее время своей многотрудной жизни.

По окончаніи курса въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, Александръ Θεодоровичъ для дальнѣйшаго образованія поступилъ въ Ярославскую духовную семинарію, гдѣ является прилежнѣйшимъ и трудолюбивѣйшимъ ученикомъ, обращающимъ на себя вниманіе не только своихъ наставниковъ, но и высшаго начальства. Такъ ректоръ Московской Духовной Академіи, архимандритъ Алексій, бывшій въ 1850 г. на ревизіи Ярославской духовной семинаріи, обратилъ особенное вниманіе на Ал. Θεодоровича и, вручая ему награду за успѣхи и прилежаніе 1 октября 1851 года, въ день академическаго праздника и акта, сказалъ ему привѣтствіе: „мы съ вами давно знакомы“. Обладая многосторонними познаніями и основательно изучивши новыя и особенно древнія языки, Александръ Θεодоровичъ въ 1850 г., по окончаніи курса въ Ярославской духовной семинаріи, былъ посланъ на казенной счетъ для дальнѣйшаго образованія въ Московскую духовную академію. Здѣсь не обнаруживъ на приемныхъ экзаменахъ большой бойкости и развязности въ устныхъ отвѣтахъ, онъ, надо думать посему, и принятъ былъ не очень высоко: десятымъ студентомъ. Но прошло два года и онъ занялъ первое мѣсто, которое сохранялъ за собою до самого окончанія курса въ академіи. Среди своихъ товарищей онъ былъ замѣтенъ своею необычайною услужливостію, рѣдкою готовностію, послужить всякому изъ нихъ своими познаніями и трудомъ. Относительно его ученыхъ занятій не было замѣтно, чтобы онъ особенно любилъ какую-нибудь науку въ ущербъ другимъ. А въ занятіяхъ его сочиненіями замѣчалась тщательная осторожность и какъ-бы недовѣріе своей мысли. Онъ отыскивалъ всевозможные пособія и источники, перечитывалъ, дѣлалъ выписки и потомъ уже принимался за работу. Вообще въ посѣщеніи лекцій и занятіяхъ сочиненіями А. Θ. отличался полнымъ усердіемъ и тщательностію. Въ обращеніи съ товарищами онъ былъ привѣтливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и остороженъ. Особенно замѣтны были въ немъ самообладаніе, кротость и стараніе о томъ, какъ бы не оскорбить товарища. А потомъ въ разговорахъ о спор-

онѣхъ предметахъ. Онъ весьма искусно умѣлъ выражать свое несогласіе съ мнѣніемъ другаго. Еще товарищамъ показалось, что онъ не любилъ принимать участія въ шумныхъ спорахъ и не любилъ становиться во главѣ какого-либо, повидимому, и добраго студенческаго предпріятія. Въ немъ не замѣчали большой откровенности, а какое-то самоуглубленіе и собранность. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался скромностію, искреннимъ благочестіемъ, благоговѣніемъ и усердіемъ къ церковному богослуженію¹, каковыя черты характера онъ сохранилъ и до самой смерти своей.

По окончаніи курса въ академіи первымъ магистромъ въ 1854 г., Александръ Θεодоровичъ Лавровъ-Платоновъ, право на эту прибавку своей родовой фамиліи онъ получилъ именно, какъ первый студентъ своего курса, по распоряженію митрополита Филарета, такъ умѣвшаго угадывать и цѣнить людей, былъ опредѣленъ бакалавромъ по кафедрѣ духовной словесности и каноническаго права въ академіи. Относясь, какъ и во всемъ, съ полнымъ усердіемъ къ исполненію возложенной на него обязанности по преподаванію сихъ предметовъ, тѣмъ не менѣе онъ чрезъ восемь лѣтъ, затрудняясь преподаваніемъ науки духовнаго краснорѣчія, взялъ на себя съ ноября 1862 г. по 1870 г. преподаваніе греческаго языка и должность бібліотекаря, а съ сего времени—преподаваніе одного каноническаго права. Горячо полюбивъ этотъ послѣдній предметъ, Александръ Θεодоровичъ скоро такъ изучилъ его, что, какъ канонистъ, приобрѣлъ себѣ всеобщую извѣстность въ Россіи. Въ 1865—67 гг. онъ для ученыхъ занятій по каноническому праву ѣздилъ въ С.-Петербургу, гдѣ и занимался во время лѣтнихъ каникулъ въ архивѣ Св. Синода. Во всѣ эти годы живя вдали отъ родной академіи, Александръ Θεодоровичъ не переставалъ поддерживать съ нею живыя сношенія, находясь въ частой перепискѣ съ ректоромъ академіи, протоіереемъ Горскимъ, котораго онъ глубоко уважалъ и взаимно пользовался со стороны послѣдняго искреннимъ расположеніемъ. Занимаясь въ это время въ архивѣ Св. Синода и въ бібліотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, А. Θ. встрѣтилъ въ началѣ своихъ занятій не мало неудобствъ, даже въ послѣдней: благодаря бібліотекарю и доступъ къ академическимъ рукописямъ получилъ только вслѣдствіе непримѣрной обязательности о. ректора академіи², нынѣ Духовника Ихъ Величествъ, о. прото-

¹ Душановъ. Именіе 1891 г. 554 стр.

² Богосл. Вѣстн. 1895 г. январь 128 стр.

пресвитера Іоанна Леонтьевича Янышева, который самъ водилъ его въ бібліотеку. А насколько усердно занимался онъ въ С.-Петербургѣ, видно изъ того, что въ одномъ синодальномъ архивѣ онъ просиживалъ отъ 9 часовъ утра до 4-хъ часовъ по полудни. На вопросъ же о ректора Московской Духовной Академіи о количествѣ сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеній для науки, А. Θ. въ іюлѣ 1867 г. писалъ ему, что, хотя онъ и не знаетъ, какъ опредѣлительно отвѣтить на сей вопросъ, но утвердительно можетъ сказать, что старается, по возможности, не терять времени и доселѣ не воспользовался ни однимъ приглашеніемъ провести вечеръ на дачѣ, что трудится иногда съ довольнымъ успѣхомъ, иногда же съ малымъ. „Впрочемъ,—съ обычнымъ смиреніемъ прибавилъ онъ,—отъ меня зависитъ только желаніе трудиться, успѣхъ же отъ воли Божіей¹”.

Между тѣмъ во время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ въ 1867 г. А. Θ. получилъ отъ оберъ-прокурора Св. Синода, графа Д. А. Толстаго, предложеніе занять должность ревизора въ духовноучебномъ комитетѣ. Прося по сему случаю совѣта А. В. Горскаго, А. Θ. въ то же время писалъ ему, что онъ и самъ съ собою размышлялъ: а) о своей неспособности къ этому, по истинѣ труднѣйшему дѣлу—быть вѣчнымъ странствующимъ ревизоромъ, для чего нужно имѣть способность и расположеніе, какихъ у него не имѣется; б) о маломъ соответствіи предлагаемой должности съ прежними и настоящими его занятіями, которые ему нравятся, и которыя онъ долженъ будетъ бросить и в) наконецъ, о незначительности матеріальныхъ выгодъ, соединенныхъ съ предлагаемою должностію: „за трудъ новый, серьезный и громадный получать 2.000 р., изъ которыхъ онъ долженъ нанимать квартиру въ С.-Петербургѣ, гдѣ и квартиры дороги и прочее содержаніе дороже Посадскаго, тогда какъ теперь за трудъ ему сподручный и знакомый онъ получаетъ 1.200 р. съ очень хорошею квартирою и отопленіемъ. Нужно думать, что и о. ректоръ М. Д. Ак. вполнѣ раздѣлялъ эти мысли А. Θ., потому что послѣдній къ пользѣ церкви православной остался на своемъ прежнемъ посту—профессора академіи и въ семъ званіи не устранился стать на защиту каноническими правилами узаконенныхъ правъ архіереевъ противъ предложенной графомъ Толстымъ реформы церковнаго суда. Глубокое знаніе А. Θ. своего предмета, его твердость въ своихъ научныхъ убѣжденіяхъ, и въ то

¹ *Богосл. Вѣстн.*, январь 1895 г., 129—134 стр.

же время замѣчательная скромность краснорѣчиво изображены въ надгробной рѣчи надъ нимъ ученикомъ и достойнымъ преемникомъ его по кафедрѣ каноническаго права Н. А. Заозерскимъ въ слѣдующихъ словахъ: „священные церковные каноны, законодательство благовѣрныхъ греческихъ царей и все отечественное законодательство, до церкви относящееся, онъ зналъ въ такой глубинѣ и широтѣ, что требовало, конечно, напряженнаго и самоотверженнаго труда,—что приводилъ въ удивленіе въ одинаковой мѣрѣ и юристовъ-теоретиковъ и даже юристовъ-практиковъ. Но при такомъ ученomъ авторитетѣ,—это былъ мужъ, исполненный глубокаго смиренія относительно своихъ достоинствъ и христіански гуманнѣйшій человѣкъ. Чѣмъ особенно поражало въ немъ первое изъ этихъ качествъ,—это строжайшее отношеніе къ своему слову, особенно когда оно касалось любимой имъ науки. Онъ не только не искалъ ученой славы и популярности, но ревниво заботился укрыть свое имя и при изданіи тѣхъ немногихъ произведеній своего самоотверженнаго ученаго труда и таланта, которые имѣли рѣдкое по силѣ своей вліяніе на современный церковный строй. Его слово было ясно, сильно и правдиво—и нельзя было не покоряться ему. Его научныя убѣжденія были непоколебимы. Бесильны были для нихъ соблазны людей, временно-жизненной счастливой перспективы, а о невыгодахъ, соединенныхъ съ твердостью храненія этихъ убѣжденій, и говорить не стоитъ. Онъ презиралъ ихъ“. Говоря объ Александрѣ Феодоровичѣ, какъ ученomъ профессорѣ-канонистѣ, нелишнимъ считаемъ при семъ указать на его труды, извѣстные въ печати, кои хотя были немногочисленны по своему количеству, принимая во вниманіе двадцатичетырехлѣтнюю профессорскую его дѣятельность, но зато были глубоко-объемлющи по своему содержанію. Къ печатнымъ трудамъ его по каноническому праву относятся слѣдующія его статьи: 1) „Новый вопросъ въ православной русской церкви“, 1871 г., 2) „Вторая апологія по новому вопросу“, 1871 г., 3) „Третья апологія по новому вопросу“, 1872 г. Всѣ эти труды, какъ показываетъ самое названіе ихъ, стояли въ тѣсной связи съ участіемъ его въ коммисіи по преобразованію духовнаго суда. Кромѣ сего, имъ были напечатаны статьи: „Вдовы священнослужители“, „Предполагаемая реформа церковнаго суда“, два выпуска, безъ фамиліи автора, изданіе Н. Елагина. „Печатное письмо къ профессору Московскаго Университета А. С. Павлову (занимающее 158—194 стр. въ *Чтеніяхъ Общества любителей Духовнаго просвѣщенія*),

которое имѣло въ виду программу весьма важнаго труда, предпринятаго симъ обществомъ и начатаго изданіемъ въ 1875 г. подъ заглавіемъ: „Правила Св. Апостолъ, Св. Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и Св. Отецъ, съ толкованіями“, веденнаго подъ редакцію пр. Алексія и вышеозначеннаго профессора А. С. Павлова, и вышедшаго въ 3-хъ томахъ въ 1884 г. Другія его сочиненія были; „Обѣтованія и пророчества о Христѣ въ пятокнижии Моисеевомъ“ (его магистерская диссертация, часть которой напечатана въ *Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отецъ* за 1856. г. XV.); „Жизнь Св. Іоанна Дамаскина“; „Архимандритъ Порфирій, настоятель посольской церкви въ Римѣ“; „Памяти Филарета, митрополита Московскаго“; — „Слово въ день годовичнаго поминовенія ректора Московской Духовной Академіи, протоіерея А. В. Горскаго“; „Слово предъ отпѣваніемъ профессора Московской духовной Академіи П. С. Казанскаго“, Рѣчь, сказанная въ классической женской гимназій С. Н. Фишеръ въ 1882 г“. Ему же принадлежитъ не мало статей по каноническому праву и русской церковной исторіи, которыя имъ были составлены уже въ санѣ епископа, большею частію по порученію Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ. Онъ имѣлъ мысль представить оставшееся послѣ него въ рукописи обширное сочиненіе „О бражѣ“ на степень доктора; немало осталось и другихъ его трудовъ въ рукописи, благодаря его великой скромности и осторожности. Таково, напр., было его ученое изслѣдованіе о значеніи слова „ἐξαδελφῆ“, которое было написано имъ по порученію конференціи Москов. Д. Академіи. Поводомъ къ составленію онаго было то, что митрополитъ Московскій Филаретъ въ донесеніи своемъ Св. Синоду отъ 18 сентября 1865 г. указывалъ на неправильность перевода въ Книгѣ Правилъ св. Апостоловъ, св. Соборовъ и св. Отецъ, изданной отъ св. Синода въ 1839 г., греческаго слова „ἐξαδελφῆ“. Вслѣдствіе чего, духовноучебное управленіе при св. Синодѣ въ началѣ 1866 г. одѣлало предложеніе конференціямъ всѣхъ духовныхъ Академій представить свое соображеніе по сему вопросу, — и въ то время, какъ прочія академіи, хотя и въ согласіи съ Московскою, представили свои заключенія Петербургская на одной страницѣ, Казанская на трехъ и Кіевская — не больше сего, А. Ф. не далѣе, какъ чрезъ десять дней послѣ даннаго ему порученія, представилъ въ конференцію обширную и обстоятельную ученую записку въ которой, на основаніи юридическихъ каноническихъ греческихъ памятниковъ VIII—XIV в.в. и многихъ другихъ источниковъ, дока-

ывалъ, что слово „ἑτεροδελφί“ должно быть переведено словами „двоюродная сестра“. Митроп. Филаретъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ А. Θ., и слѣдствіемъ сего было измѣненіе, начиная съ 1866 г., въ Книгѣ Правиль текста перевода 54-го правила VI Вселенскаго Собора, и слова: „съ дочерію брата своего“ замѣнено выраженіемъ „съ своею двоюродною сестрой“¹. Кромѣ того, еще будучи профессоромъ Академіи и въ санѣ епископа, пр. Алексій, по порученію высшаго начальства, исполнялъ многія важныя порученія по возбуждавшимся вопросамъ, касавшимся или духовно-учебнаго дѣла, или же административнаго. Достаточно вспомнить хотя то, что онъ былъ членомъ комисіи по поводу предпологавшейся реформы церковнаго суда.

Со стороны студентовъ въ академіи Александръ Θεодоровичъ пользовался любовію и уваженіемъ. Студенты, привлекаемые его добротой и ласковостію, осаждали его просьбами о пособіяхъ по предмету своихъ диссертаций, и онъ работалъ въ холодной библіотекѣ иногда цѣлые дни, съ ними и безъ нихъ, и найденныя книги самъ приносилъ въ ихъ комнаты, что способствовало его большому сближенію со студентами. Со многими изъ нихъ онъ переписывался по окончаніи ими курса, принимая въ нихъ живое участіе и стараясь имъ быть полезнымъ². Вообще отношенія Александра Θεодоровича къ студентамъ академіи краснорѣчиво изобразилъ въ своемъ надгробномъ словѣ надъ нимъ тотъ же Н. А. Заозерскій, сказавъ; „Это былъ христіански гуманнѣйшій учитель нашъ. Какую внимательность обнаруживалъ онъ къ недоразумѣніямъ, къ заявленіямъ нашихъ ученическихъ нуждъ;—это трудно представить. Мы, ученики его, безпощадно отнимали у него время, свободное, казалось намъ, отъ служебныхъ его занятій, спрашивая его, какъ поступить тамъ, какъ тутъ, какъ преодолѣть такую-то и такую трудность въ данныхъ намъ ученыхъ работахъ. А онъ все выслушивалъ, все взвѣшивалъ, все разъяснялъ и помогалъ, совѣтовалъ, одобрялъ и утѣшалъ и все это кротко, привѣтливо, ласково. Да, поистинѣ, если слушая его лекціи, мы были наставляемы при дому его, то у него дома, о—не забыть намъ этого христіански-отеческаго, привѣтливаго и радушнаго дома! мы учились при гостепріимствѣ его. Онъ, учитель и начальникъ нашъ, былъ здѣсь между нами яко служай“.

¹ *Бол. Вѣстн.* 1895 г., январь 117 стр.

² *Церк. Вѣд.* 1890 г., стр.1626.

Теперь скажемъ о частной домашней жизни Александра Θεодоровича, въ бытность его профессоромъ Московской духовной Академіи, когда онъ жилъ въ Сергіевскомъ посадѣ.

Несмотря на то, что товарищъ его по Академіи предполагали, примѣчая его внутреннее расположеніе душевное, что онъ, по окончаніи курса въ Академіи, приметъ монашество, Александръ Θεодоровичъ чрезъ годъ, по окончаніи курса, вступилъ въ бракъ съ избранною имъ невѣстой, сестрой своего близкаго товарища, дочерью ростовскаго протоіерея, Марією Николаевною Корсунскою. Благословеніе Божіе видимо почивало на семь бракъ, потому что и Марія Николаевна, какъ и супругъ ея, была благочестива и умна, попечительна о домѣ и одарена чрезвычайно добрымъ сердцемъ.

Первые тринадцать лѣтъ супружеской жизни А. Θ. были самыми счастливыми годами его жизни. Въ домашнемъ быту они избѣгали всякой роскоши и, хотя были гостепріимны, но вели жизнь скромную. Усиленно занимаясь наукою, А. Θ. тяготился сторонними развлеченіями и, если ходилъ къ кому-либо изъ товарищей на вечеръ, по приглашенію, то, вѣроятно, изъ опасенія огорчить сослуживца своимъ отсутствіемъ. Но въ счастіи семейномъ А. Θ. не забывалъ о Богѣ. Напротивъ, его усердіе въ посѣщенію богослуженія какъ-будто увеличилось, причемъ молитвенные труды съ нимъ раздѣляла и его супруга. Лидо, хорошо знавшее Александра Θεодоровича, такъ описываетъ его молитвенное настроеніе въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ: „Благочестіе А. Θ. было въ евангельскомъ духѣ—смирненное, чуждое всякаго тщеславія и всего лицемѣрнаго. Въ бытность свою профессоромъ Академіи, онъ не только въ воскресные и праздничные дни ходилъ ко всѣмъ церковнымъ службамъ, но нерѣдко это дѣлалъ въ дни простые, будничные. Ходилъ онъ къ богослуженію большею частію въ Троицкій-Лаврскій соборъ, гдѣ почиваютъ мощи преподобнаго Сергія. Приходилъ сюда вмѣстѣ съ первымъ ударомъ колокола, становился всегда на одномъ и томъ мѣстѣ, въ самомъ задѣ храма и выстаивалъ богослуженіе до конца, несмотря на обыкновенную его продолжительность. При взглядѣ на него молящагося каждый могъ проникнуться искреннимъ къ нему уваженіемъ и почтеніемъ: онъ весь погружался въ молитву, молитва его была явнымъ отрѣшеніемъ отъ всего земнаго и временнаго, была истиннымъ возношеніемъ ума и сердца къ Богу.“¹

¹ Церк. Вид. 1890 г., стр. 1.626.

Такимъ образомъ, уже во время своего профессорскаго служенія А. Θ. приобрѣталъ навыкъ къ истовому исполненію церковнаго богослуженія и неутомимости въ ономъ, каковыми качествами онъ положительно приводилъ въ удивленіе, въ санѣ архіепископа Литовскаго, не только православныхъ, но и ино-вѣрцевъ, чрезъ что и стяжалъ глубокое уваженіе къ себѣ даже со стороны послѣднихъ. Но нѣтъ истиннаго и прочнаго счастья на землѣ.

Настало время скорбей и для А. Θ. Лѣтомъ 1868 года онъ потерялъ единственную свою дочь „Сашу“, прекраснаго ребенка, предметъ самой нѣжной любви своихъ родителей, быстро развивавшюся и физически и умственно, и скончавшюся на одиннадцатомъ году жизни, послѣ кратковременной, но тяжелой болѣзни—брупа. На могилѣ своей единственной дочери, похороненной въ стѣнахъ Лавры, около ограды, отдѣляющей Лаврское кладбище отъ академическаго, неутѣшные родители воздвигли памятникъ и въ опредѣленное время дня посѣщали дорогую могилу, орошая ее слезами печали. Между тѣмъ смерть любимой дочери тяжело отразилась на здоровьѣ отца. А. Θ. сталъ страдать отъ изнурительной бессонницы и расстройства нервовъ. Оба они съ супругою стали уединяться и какъ-бы избѣгать свиданій даже съ близкими знакомыми. Только желаніе помочь ближнему своимъ ученымъ совѣтомъ выводило А. Θ. изъ его печальной задумчивости. Всякій разъ, какъ кто-либо нуждался въ его ученой помощи и обращался къ нему за совѣтомъ, особенно по части каноническаго права, А. Θ. какъ-бы забывалъ свою скорбь, доставалъ нужныя книги, наводилъ справки и давалъ надлежащія разъясненія. Съ потерей единственной дочери, А. Θ. и его супруга перенесли свою родственную любовь на близкихъ своихъ родныхъ, которымъ и помогали словомъ и дѣломъ. Двухъ своихъ племянницъ А. Θ. воспиталъ какъ родныхъ дочерей, обезпечивши ихъ вполнѣ и послѣ смерти своей. Но много они благотворили и чужимъ людямъ, находя въ дѣлахъ благотворительности подкрѣпленіе для себя и утѣшеніе. Въ это тяжелое для А. Θ. время явилось у него сильное желаніе послужить Господу Богу въ санѣ священника, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ исполненія сего желанія во времени освященія академическаго храма въ 1870 году. Но, къ глубокому его присорбію, желаніе его не исполнилось. Господь, по неисповѣдимымъ путямъ Своего Промысла, велъ А. Θ. къ высшему сану—святительскому. Ближайшая причина, по которой было отложено его

посвященіе во іереи, былъ вызовъ его въ С.-Петербургъ для участія въ комиссіи, по поводу предполагавшагося преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, въ которой онъ и состоялъ членомъ съ 26 апрѣля 1870 по 12 декабря 1872 г. Время присутствованія его въ сей комиссіи, участіе въ которой, повидимому, должно было представляться крайне желательнымъ для кого-либо другаго, для него было однимъ изъ самыхъ важныхъ, но крайне тяжелыхъ періодовъ его службы. Здѣсь ему, скромному профессору, скромной Московской Духовной Академіи, пришлось вступить, во всеоружіи энергіи и всесторонняго знанія, а главное—съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ личнымъ интересамъ дальнѣйшей своей службы, къ общему изумленію всѣхъ другихъ членовъ этой комиссіи, въ литературную борьбу съ защитниками предполагаемой реформы, во главѣ которой стояли такія сплѣнные и вліятельныя по своему высшему положенію лица, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Д. А. Толстой и предсѣдатель комиссіи, архіепископъ Литовскій и впослѣдствіи митрополитъ Московскій, Макарій.

Насколько велики были труды за это время А. Θ., видно изъ того, что рѣдкое засѣданіе комитета по вопросу о реформѣ церковнаго суда (а ихъ было 74), проходило безъ того, чтобъ онъ словесно или письменно, въ видѣ особаго мнѣнія, притомъ обширно и обстоятельно изложеннаго, не выражалъ своего взгляда на тотъ или другой вопросъ обсуждавшійся въ комиссіи и притомъ не иначе какъ съ строго-православной канонической точки зрѣнія. Между тѣмъ, преосв. предсѣдатель комиссіи, архіепископъ Макарій возложилъ на него еще тяжелую работу—составлять журналы засѣданій комиссіи; эта работа по каждому журналу стоила ему, по его словамъ, цѣлой левціи. А такихъ журналовъ иногда приходилось составлять не менѣе двухъ въ недѣлю. Послѣ сего еще нужно было прочитать журналъ въ комиссіи, состоявшей кромѣ него еще изъ двухъ членовъ. Особенно тяжело было для А. Θ. враждебное отношеніе къ нему большинства другихъ членовъ комитета. Уже послѣ втораго засѣданія комитета, на которомъ онъ читалъ составленную имъ записку о „предметахъ церковнаго суда“, А. Θ. получалъ отъ своихъ либеральныхъ сотоварищей по комитету „прозвище „обскурантиссимуса“. Въ письмѣ своемъ къ ректору Московской Духовной Академіи, протоіерею А. В. Горскому, отъ 14 ноября 1870-г., въ которомъ благодарилъ его за сочувствіе

и одобрение къ его трудамъ по комитету, А. Θ. писалъ, что въ комитетѣ такое отношеніе къ своимъ трудамъ онъ встрѣчаетъ только у своего земляка, члена Московской Духовной Консисторіи и того же комитета — протоіерея церкви Св. Іоанна Предтечи, что „подъ Боромъ“, Іоанна Николаевича Рождественскаго († въ сентябрѣ 1894), прочая же братія, слава Богу, если относится равнодушно, свѣтская же сторона — положительно враждебно и недовѣрчиво встрѣчаетъ и его печатныя записки и являемыя имъ мнѣнія; поднята была буря даже противъ редакціи журналовъ, которую онъ держалъ. „Иногда смущаюсь этимъ, прибавляетъ А. Θ., иногда отношусь равнодушно, успокоивая себя тѣмъ, что дѣлаю дѣло по совѣсти и крайнему разумѣнію. Въ милости Божіей и помощи имѣю нужду, а все прочее пусть идетъ какъ Богу угодно.“¹ Не напрасно же называлъ онъ время своего пребыванія въ семъ комитетѣ „варварскою блокадой“ и выражалъ сердечное желаніе, „отряси прахъ сего, хотъ и царствующаго града, на крилѣхъ яко голубинѣхъ, поскорѣ полетѣть въ весь нѣкую (то-есть, въ Сергіевскій Посадъ)“.²

Словесныя и письменныя возраженія³ серомнаго профессора противъ новой реформы были настолько существенны и сильны, что проектъ новой реформы былъ признанъ неосновательнымъ почти единогласно епископами отечественной церкви, когда отъ нихъ потребовали мнѣнія относительно сего предмета. Этою борьбой противъ предполагавшейся реформы церковнаго суда, клонившейся къ умаленію до крайней степени судебныхъ правъ архіерейской власти, А. Θ. съ одной стороны оказалъ великую услугу православной церкви, на что указалъ въ своей прощальной рѣчи, произнесенной предъ отъѣздомъ преосвященнаго Алексія въ Вильну, представитель московскаго духовенства — протоіерей В. П. Нечаевъ (нынѣ преосвященный Костромской Виссаріонъ), — а съ другой весьма наглядно показалъ стойкость

¹ *Бююсл. Вѣстн.*, 1895 г., июнь, стр. 430.

² *Июнь*, стр. 412.

³ При всемъ множествѣ своихъ занятій по комитету, А. Θ., страдая въ то же время бессонницей, находилъ время исполнять различныя порученія, какія давалъ ему А. В. Горскій, относившіяся къ академіи Московской, и считалъ это прямою своею обязанностью; такъ, когда о. ректоръ Академіи прислалъ ему благодарность за исполненіе этихъ разнообразныхъ порученій, то А. Θ. въ отвѣтъ на это писалъ, что, если онъ „и дѣлалъ тутъ что-нибудь, то только то, что сдѣлалъ бы и всякій другой, принадлежащій къ Академіи и благо ея не считающій чуждымъ для себя“ (*Бююсл. Вѣстн.*, 1895 Сент. 880 стр.).

въ своихъ убѣжденіяхъ и презрѣніе къ матеріальнымъ и другимъ расчетамъ, которые могли предноситься предъ нимъ, если бы онъ сталъ на сторону защитниковъ предполагавшейся реформы церковнаго суда. Перенесши много огорченій и скорбей за свое несочувствіе этой реформѣ, А. Ѳ. долженъ былъ въ скоромъ времени по возвращеніи своемъ изъ Петербурга понести весьма тяжкія семейныя скорби. Такъ въ декабрѣ 1875 года онъ похоронилъ свою горячо любимую мать, а чрезъ два года, именно 28 августа 1877 г. потерялъ и свою дорогую подругу жизни, скончавшуюся послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, рака въ груди, образовавшагося отъ нагноенія кистами, при переноскѣ ихъ изъ одной квартиры въ другую. Мать была похоронена рядомъ съ дочерью. Очень тяжело отозвалась и эта новая потеря столь близкаго человѣка на здоровьѣ Александра Θεодоровича. Но въ то же время эта утрата указывала ему тотъ путь, вступивъ на который онъ такъ многоплодно потрудился для блага церкви православной,—путь святительскаго служенія. Тотчасъ же послѣ смерти своей супруги, А. Ѳ. оставилъ свою квартиру въ Сергіевскомъ посадѣ и переселился въ стѣны Академіи, чтобы быть ближе къ церкви и дорогимъ могиламъ жены и дочери. Прошло четыре мѣсяца по смерти жены, и А. Ѳ. 9 января 1878 г., на сорокъ восьмомъ году жизни, принялъ иноческій санъ отъ руки преосвященнаго Игнатія, епископа Дмитровскаго, въ крестовой церкви Саввинскаго подворья, съ именемъ Алексія. Это имя было дано ему, по желанію митрополита Иннокентія, который, узнавъ, что день ангела А. Ѳ. приходился 30 августа, въ день Святаго Александра Невскаго, рѣшился вручить его покровительству того же Святаго, названнаго въ иночествѣ Алексіемъ, и днемъ ангела его стало уже 23 ноября. На другой день, то-есть, 10 января, тотъ же преосвященный Игнатій рукоположилъ его въ іеродіакона въ Чудовомъ монастырѣ, а 12 числа, въ университетской церкви—въ іеромонаха. Съ полученіемъ благодати священства, о. Алексій не имѣлъ большей радости и утѣшенія духовнаго, какъ привоситъ безкровную жертву,—и слова святаго псалмопѣвца: „возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ“—стали какъ-бы девизомъ его. Высокій свой взглядъ на благодать, сообщаемую таинствомъ священства, онъ высказалъ въ скоромъ времени, послѣ своего посвященія въ іеромонахи, въ письмѣ къ о. архимандриту Григорію, который былъ наставнымъ отцемъ по служенію въ церкви своего бывшаго учителя и въ которомъ

въ то же время выразилось и его глубокое смиреніе. Поздравляя о. архимандрита со днемъ ангела, о. Алексій между прочимъ писалъ ему: „Ваше Высокопреподобіе, досточтимый и любезный отецъ мой, примите паки и паки мою глубочайшую благодарность за воспріятіе меня недостойнаго въ ваше духовное сыновство. Вашею любовію покройте мое духовное убожество и вашими святыми молитвами испросите моему достоинству милость Божію и всеильную помощь Господню въ достиженіи спасенія. Преклоняя колѣна, молю васъ о семъ, любвеобильнѣйшій мой отецъ!.. Господь милостію своею и за ваши святія молитвы доселѣ хранилъ меня въ здоровьѣ. Послѣ посвященія моего (въ іеромонахи) я служилъ непрерывно 21 день, а послѣ того съ промежутками. Не можетъ быть для человѣка высшаго утѣшенія на землѣ, какъ служеніе предъ престоломъ Господнимъ и приношеніе безкровной жертвы. Не могу скрывать отъ васъ, любвеобильный отецъ мой, что служу доселѣ еще не безъ ошибокъ. Глубокая благодарность старцамъ лаврскимъ и академическимъ,—наставляютъ меня невѣжду и любовію своею покрываютъ мое невѣдѣніе. Спаси ихъ, Господи!.. Преклоняя колѣна и смиренно прося себѣ благословенія и молитвъ Вашего Высокопреподобія, съ глубочайшимъ почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю счастье пребыть Вашего Высокопреподобія, милостивѣйшаго моего отца, преданнѣйшій сынъ и низжайшій послушникъ, экстра-ординарный профессоръ, іеромонахъ Алексій. 1878 г. марта 11“.

17 марта того же 1878 г. іеромонахъ Алексій былъ посвященъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Саввинскаго монастыря, по представленію митрополита Иннокентія, пожелавшаго имѣть его своимъ викаріемъ, а 30 апрѣля въ Исаакіевскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ онъ былъ хиротонисованъ во епископа Можайскаго, втораго викарія московской каѳедры. Хиротонія была совершена митрополитомъ Исидоромъ, архіепископомъ Филоеемъ—Тверскимъ и Макаріемъ—Литовскимъ, и епископами: Феогностомъ—Подольскимъ (нынѣ архіепископъ Новгородскій), Гермогеномъ—Ладожскимъ и Варлаамомъ—Выборгскимъ. Самъ преосвященный Алексій усматривалъ замѣчательное совпаденіе въ томъ обстоятельстве, что рукоположеніе его во епископа состоялось 30 апрѣля, въ тотъ день, когда въ 1870 г. онъ читалъ въ засѣданіи комитета свою ученую записку, направленную къ защитѣ правъ епископа. Въ своей рѣчи при нареченіи во епископа, которую онъ, по своей глубокой

серомности, не напечаталъ, преосвященный Алексій ясно выразилъ мысль о самопожертвованіи, которому онъ обрекалъ себя, принимая высокой санъ епископа, каковую мысль и на дѣлѣ открыто осуществилъ въ своей святительской дѣятельности. Вотъ эта рѣчь:

„Ваше святѣйшество, богомудрые архипастыри и отцы!
„Неизреченнымъ Божиимъ смотрѣніемъ, избраніемъ вашего святѣйшества и соизволеніемъ благочестивѣйшаго Государя, призываюсь я, недостойнѣйшій, къ великому и страшному служенію епископства. Что реку и возглаголю о такомъ Божиимъ благоволеніи? Уже изрекъ я слово благодаренія и послушанія призывающему гласу. Преклоняя колѣна сердца моего, яко рабъ недостойный, приношу благодареніе Господу Богу, тако благоволившему. Смирненное и вседушевное благодареніе приношу вамъ, богомудрые архипастыри и отцы, возглаголавшіе благая о моемъ достоинствѣ. Но богомудрые архипастыри и отцы, благодарною мыслию, благодарнымъ сердцемъ приѣмля сіе великое и страшное призываніе въ настоящую великую и торжественную минуту всей моей жизни, я не долженъ и не дерзну срыватъ отъ васъ и того, что при семъ благодареніи и послушаніи страхъ и трепеть объемлетъ мою душу.

„Страшусь и трепещу, помышляя высоту и чистоту жизни, требуемую отъ епископа, и величіе дѣла, ему ввѣряемаго. Епископу заповѣдано: образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (1 Тим. 4, 12); о всемъ самъ себѣ подавай образъ добрыхъ дѣлъ (Тим. 2, 7). Епископъ долженствуетъ не только себя управить по пути къ царствію небесному, но и ввѣрлемыя ему души освѣщать, согрѣвать и содѣлывать храмомъ Божиимъ, дабы съ дерзновеніемъ рещи въ страшный оный день воздаянія: се азъ и дѣти, яко ми далъ еси Господи.

„Страшусь и трепещу, помышляя, како къ симъ доволенъ буду я немощнѣйшій, не имѣющій силы и самъ одинъ твердою стною и прямою стезею идти къ царствію небесному, я, неопытнѣйшій, сорокъ лѣтъ проводшій въ церковныхъ училищахъ, какъ ученикъ и учитель, и почти вовсе не видѣвшій жизни міра и въ мірѣ, которая должна быть освѣщаема вліяніемъ и дѣятельностію пастыря!

„Сія помышляя со страхомъ и трепетомъ, дерзаю усматривать одно свѣтлое и успокаивающее мою душу обѣтованіе, именно, обѣтованіе о жертвѣ, которую Господь благоволилъ принимать отъ немощнаго человѣка. Эта жертва: духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно. Если и такую жертву Богъ не уничтожитъ, то готово сердце мое, Боже, готово сердце мое, сердце сокрушенное о немощахъ моихъ, сердце смиренное предъ великимъ и страшнымъ дѣломъ, мнѣ вручаемымъ. Наипаче же обрѣтаю успокоеніе въ дерзновеніи чаянія милости Божіей и содѣйствія благодати св. Духа, немощная врачующей и оскудѣвающія восполняющей. Если верховному Апостолу, восхищену

бывшу даже до третьяго небесе, если и ему потребна была благодать Божія, дабы сила Божія въ немощи человѣческой совершилась, то въ великой мѣрѣ благодать и сила Божія необходимы немощнѣйшему рабу Божію, призываемому къ продолженію Апостольскаго служенія, и сколь постоянна и сколь пламенна должна быть молитва о семъ къ Богу? Но у немощнаго немощно все, и самая молитва. Сіе помышляя, богомудрые архипастыри и Отцы, къ вамъ обращаю мое сердце и уста съ теплымъ моленіемъ, Вашею дѣйственною къ Богу молитвою: испросите мнѣ благодатную помощь въ великомъ и страшномъ служеніи, къ которому меня призываете, избыткомъ вашей любви восполните мое убожество, Вашею духовною и опытною мудростію просвѣтите мое невѣдѣніе, во всякомъ образѣ ведите мою немощь благимъ путемъ дѣланія подлежащаго мнѣ великаго дѣла Христова“.

Смиреніе свое пр. Алексій, еще по поводу только предстоявшаго ему сана епископскаго, ясно высказалъ въ письмѣ своемъ къ тому же своему наставнику въ монашествѣ—о. архимандриту Григорію въ отвѣтъ на поздравленіе о. Алексія съ званіемъ архимандрита.

„Ваше Высокопреподобіе, писалъ ему о. Алексій, высокопреподобнѣйшій и достопочтеннѣйшій отецъ архимандритъ, отче мой милостивѣйшій, земнымъ поклономъ приношу мое благодареніе вамъ за поздравленіе съ возведеніемъ меня недостойнѣйшаго въ высокій и святой санъ архимандрита. Дивны судьбы Господни о мнѣ многогрѣшнѣйшемъ. Не съ большимъ два мѣсяца прошло, какъ я рожденъ вами въ иночество, и вотъ я уже архимандритъ. Слышаны мнѣ милости Твоя Господи, слышаны мнѣ милости Твоя, не по беззаконіямъ моимъ. Помолитесь о мнѣ многогрѣшномъ, мой любвеобильнѣйшій отче, да исправитъ Господь стопы моя. Крѣпкую надежду полагаю на ваши отеческія о мнѣ молитвы. Что касается до поздравленія вашего Высокопреподобія съ избраніемъ меня во епископа, то не положите на меня гнѣвъ, любвеобильнѣйшій отче, еслибы я отложилъ принятію сего поздравленія на нѣкоторое время. Никакъ еще не могу заставить себя вѣрить этому. Я вѣрю чудесамъ, но это было бы чудо изъ чудесъ. Простите меня за сіе, Господа ради. Смиренно прошу вашихъ наставленій во иночествѣ; прошу себѣ вашего благословенія и отеческихъ святыхъ молитвъ и съ глубочайшимъ почитаніемъ и сыновнею преданностію, имѣю счастье пребыть Вашего Высокопреподобія, милостивѣйшаго и любвеобильнѣйшаго моего отца, смиренный и преданнѣйшій сынъ,—недостойнѣйшій архимандритъ Алексій, 19 марта 1878 г.“.

Съ посвященіемъ во епископа, настало время пр. Алексію оставить служеніе въ дорогой для него Московской Академіи: тяжела была эта разлука и для самого Владыки, и для его то-

варищей по службѣ и слушателей-студентовъ. Утѣшеніемъ въ сей разлукѣ была, впрочемъ, та надежда, что пр. Алексій, по близости мѣста своего новаго служенія—въ Москвѣ, не оставитъ Академію своими посѣщеніями.

Между тѣмъ совѣтъ Академіи, высоко цѣня ученые труды Владыки по академической службѣ, чрезъ полтора мѣсяца, по выходѣ его изъ состава профессоровъ Академіи, на торжественномъ актѣ въ Академіи, 1 октября 1878 г. провозгласилъ его почетнымъ членомъ оной, какъ „знаменитаго церковнаго законовѣда, почти четверть вѣка посвятившаго ученому служенію въ Академіи“. Съ глубокою благодарностію и вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубокимъ смиреніемъ принялъ пр. Алексій это новое доказательство уваженія и любви академической корпораціи къ своему бывшему сотоварищу. Въ своемъ письмѣ къ бывшему въ то время ректоромъ Московской Духовной Академіи протоіереемъ Сергѣю Константиновичу Смирнову, пр. Алексій, по поводу своего избранія въ почетные члены Академіи писалъ между прочимъ слѣдующее:

„Высоко цѣню и глубоко чувствую оказанную мнѣ Вами честь и, скажу по сердцу, милость. Духовная Академія въ современномъ строѣ жизни православной русской церкви, по моему скромному убѣжденію, есть центръ, изъ котораго разливается духовный свѣтъ и нравственная теплота на всѣ и самыя отдаленнѣйшія края православной русской церкви. Отсюда и непосредственно и чрезъ посредство среднихъ и низшихъ духовныхъ училищъ льются эти блага на служителей церкви, а чрезъ нихъ и на всѣхъ православныхъ вѣрующихъ христіанъ путемъ наставленія, путемъ церковной проповѣди, путемъ печатнаго слова, образцомъ жизни. Здѣсь закладываются основы умственнаго и нравственнаго характера юношей, которыя крѣпнуть потомъ въ мужество и незыблемыми остаются до старости. Московская Духовная Академія—моя „*alma et benignissima mater*“. Могу-ли я безъ сердечнаго умиленія и благоговѣнія произнести твое имя, припомнить твой ликъ, твоихъ членовъ, твоихъ юношей, твой духъ, твои преданія, правила, обычаи, твое святое мѣсто въ святой обители? Здѣсь все для меня дорого, священно-приснопамятно. Еще въ ранней юности, не видѣвъ еще тебя, я уже слышалъ слухъ твой, слухъ Голубинскаго, Делицина, Горскаго. Сдѣлавшись, по милости Божіей, твоимъ воспитанникомъ и потомъ однимъ изъ наставниковъ и всѣмъ, еже есмь, обязанный тебѣ, я увидѣлъ и узналъ мужей, составлявшихъ и составляющихъ твою славу и твое величіе,—мужей, которыхъ безримѣрные труды, обширная ученость и великія таланты побѣждаются только однимъ—это ихъ же скромностію, смиренномудріемъ, обиліемъ любви и самоотверженіемъ. Я ви-

дѣль и узналъ твои преданія, правила и обычаи, въ которыхъ господствующая черта—беззавѣтная любовь къ труду, идеализмъ, безкорыстіе, отсутствіе хвастовства и практичности нынѣшняго вѣка! И удивительно-ли послѣ этого, что быть въ Академіи, всегда принадлежать къ ней стало для меня высшею мечтой, идеаломъ, счастіемъ. Оказанною мнѣ честію и милостію, Ваше Высокопреподобіе и достопочтеннѣйшіе члены академическаго совѣта, подаете мнѣ великое утѣшеніе—считать себя по-прежнему принадлежащимъ къ составу академической, не скажу,—корпораціи, а скажу—къ семьѣ, ибо таковы были всегда взаимныя отношенія членовъ Академіи, унаслѣдованныя отъ лѣтъ древнихъ. Примите, высокопреподобнѣйшій и достопочтеннѣйшій отецъ ректоръ и достопочтеннѣйшіе мужи и науки и совѣта мое глубокое сердечное благодареніе за оказанную моему смиренію честь и милость, трогательныя для меня и тѣмъ, что вслѣдствіе сего мнѣ почти не было времени почувствовать мое отчужденіе отъ Академіи. Не упустите мнѣ указывать случаи, въ которыхъ я могъ бы моей дорогой Академіи служить службу ей потребную и полезную“.

Таеъ горячо любилъ и уважалъ свою Академію Владыко. И за все время своего служенія въ Москвѣ въ званіи викарія московскихъ митрополитовъ, пр. Алексій не прерывалъ своихъ близкихъ—личныхъ отношеній къ Академіи, посѣщая ее, и притомъ очень нерѣдко, по случаю магистерскихъ и докторскихъ диспутовъ въ Академіи, или же для совершенія богослуженія въ академической церкви наканунѣ и въ самый день храмоваго праздника въ оной—1 октября, причемъ послѣ богослуженія присутствовалъ на академическомъ актѣ и раздавалъ награды студентамъ, а послѣ акта принималъ участіе въ праздничной трапезѣ съ академическою корпораціей. Пріѣзды Владыки изъ Москвы въ Лавру всегда вызывалъ усердіе у многихъ студентовъ Академіи, хотя уже не удостоившихся счастья быть его слушателями, явиться для встрѣчи его на вокзалъ и принять отъ него благословеніе. Особенно благотворно было служеніе пр. Алексія для родной ему Академіи, въ бытность его викаріемъ московскимъ, въ званіи предсѣдателя новоотерывшагося братства пр. Сергія для вспомошествованія бѣднымъ студентамъ Академіи. Подъ его мудрымъ руководствомъ это братство начало свою жизнь и постепенно крѣпло, причемъ, кромѣ личныхъ пожертвованій его въ пользу сего учрежденія много поступило пожертвованій на оное отъ разныхъ лицъ во имя любви и уваженія къ предсѣдателю сего братства.

Сдѣлавшись епископомъ, пр. Алексій, можно сказать, осуществилъ въ значительной степени въ своемъ лицѣ тотъ высо-

кій идеаль пастырскаго служенія, который рисуеть намъ св. Иоаннъ Златоустъ въ слѣдующихъ словахъ. „Священникъ (вообще и епископъ въ особенности) долженъ быть всегда дальновиденъ, долженъ смотрѣть тысящю глазъ, потому-что живетъ не для одного себя, а для такого множества людей, долженъ быть въ отношеніи къ подчиненнымъ ему таковъ, каковы бываютъ отцы въ отношеніи къ своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ. Но кто раздѣлилъ себя на такое множество народа и взялъ на себя столько различныхъ заботъ, тотъ можетъ-ли истинно споспѣшествовать благу ихъ, если не будетъ имѣть души ерѣпкой и мужественной?.. Съ другой стороны священникъ (и тѣмъ болѣе епископъ) долженъ быть не только чистъ, но и весьма благоразуменъ и опытенъ въ разныхъ житейскихъ дѣлахъ. Такъ какъ ему нужно обращаться съ мужами, которые имѣютъ чинъ, воспитываютъ дѣтей, владѣютъ слугами, обладаютъ большимъ богатствомъ, исполняютъ общественныя должности и облечены властію, то онъ долженъ быть разностороненъ; разностороненъ, но не лукавъ, не льстець, не лицемѣръ; долженъ имѣть полную свободу и смѣлость и, однако же, когда потребуютъ обстоятельства, долженъ умѣть принаравливаться съ пользою; ему должно быть и ласковымъ и вмѣстѣ строгимъ“. А насколько пр. Алексій осуществилъ этотъ идеаль пастырскаго служенія въ своемъ лицѣ, это покажетъ дальнѣйшее разсмотрѣніе его жизни и дѣятельности въ санѣ викарнаго епископа въ Москвѣ и самостоятельнаго архипастыря въ Литовской епархіи.

Прежде всего нужно отмѣтить изъ сей его жизни то, что онъ самымъ очевиднымъ образомъ доказалъ, то самопожертвованіе, какому онъ обрекалъ себя, произнося свою рѣчь предъ поставленіемъ во епископа. Почти цѣлый день владыки былъ отданъ служенію пастырскому. Въ Москвѣ очень часто и притомъ продолжительно совершалъ пр. Алексій богослуженіе въ храмѣ по разнымъ случаямъ, а когда не служилъ самъ, то непременно два раза въ день присутствовалъ за богослуженіемъ въ своей крестовой церкви, ссылаясь, въ объясненіе сего, при своей скромности, на строгость духовника. Кромѣ сего, разныя епархіальныя и другія дѣла, разбиравшіяся имъ съ тщательностію, и особенно многочисленныя посѣтители, шедшіе къ нему, кто—по дѣлу, кто, чтобы удостоиться получить отъ него благословеніе, и которые приходили къ нему и утромъ, и днемъ, и вечеромъ, и которыхъ онъ одинаково принималъ со вниманіемъ и любовію,—все это, конечно, отнимало у него очень много

времени и отвлекало отъ занятій любимой его наукой и составляло для него, какъ онъ самъ высказалъ одному изъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ по академіи, „большое лишеніе“.

Приходившіе къ нему посѣтители глубоко назидались отъ него апостольскимъ духомъ любви и участливымъ отношеніемъ къ каждому. Онъ производилъ неизгладимое впечатлѣніе на всякаго, кто хотя только одинъ разъ имѣлъ счастье быть участникомъ или свидѣтелемъ его бесѣды.

При приемѣ просителей, пр. Алексій обыкновенно самъ отбиралъ отъ нихъ прошенія и всѣхъ самъ подробно разспрашивалъ о предметѣ просьбы, обстоятельствахъ, ее вызвавшихъ, и тутъ же однимъ подавалъ надежду на исполненіе просьбы, а другимъ говорилъ о неудобоисполнимости ея, указывая при семъ основанія къ тому и давая совѣтъ, что имъ сдѣлать и какъ поступить. Иногда же онъ тутъ же дѣлалъ и распоряженія объ исполненіи просьбы, налагая на прошеніи соотвѣтствующую резолюцію и съ самимъ же просителемъ отсылая его прошеніи въ то или другое учрежденіе, или же къ тому или другому лицу, которому надлежало привести въ исполненіе резолюцію.

Неисполнимыхъ обѣщаній онъ не давалъ и напрасныхъ ожиданій и надеждъ никогда ни въ комъ не возбуждалъ. Стороннихъ просьбъ и ходатайствъ за кого-либо онъ вообще не любилъ и тяготился ими. „Если, говорилъ онъ, исполнять всѣ просьбы и удовлетворять всѣмъ ходатайствамъ, то нужно отвѣтяться отъ высокой правды и совершенно устранить законъ, какъ ненужный. Само дѣло должно говорить за себя. Оно само покажетъ, заслуживаетъ или не заслуживаетъ оно удовлетворенія, законно оно или незаконно“¹. Такого принципа въ своей архипастырской дѣятельности владыко держался какъ въ Москвѣ, будучи викарнымъ епископомъ, такъ и въ Вильнѣ, занимая уже мѣсто самостоятельнаго Архіерея. Одно удивляло всѣхъ въ пр. Алексія, это то, что онъ, въ санѣ святительскомъ, никогда не говорилъ поученій съ церковной кафедры. Одни думали, что это происходило отъ того, что онъ не обнаруживалъ большой бойкости и развязности въ устной бесѣдѣ, что было замѣчено за нимъ еще при поступленіи его въ академію, другіе, — отъ большой его скромности, почему онъ, напр., никогда не снималъ съ себя фотографической карточки и положительно отказался отъ ея, когда воспитанникъ VI кл. Литовской духовной семинаріи,

¹ Церк. Вѣд. 1890 г. стр. 1626—29

при окончаніи курса, въ 1890 г., просили его сняться съ ними и семинарскою корпораціей на карточкѣ. Наконецъ, нѣкоторые предполагали, что пр. Алексій добровольно наложилъ на себя этотъ обѣтъ молчанія съ церковной кафедры изъ подражанія Кіевскому митрополиту Филовею, къ которому онъ питалъ особенное и глубокое уваженіе. На обращенный же къ нему самому однажды вопросъ, почему онъ не говоритъ проповѣдей, Владыко отвѣчалъ: „признаю себя слабымъ; впрочемъ, стараюсь“, но и послѣ того продолжалъ хранить безмолвіе. Впрочемъ, если не устами, то своимъ глубоко благоговѣющимъ и истовымъ служеніемъ владыко назидалъ всѣхъ, какъ вельможей, такъ и простолюдиновъ и даже иновѣрцевъ. Одно лицо, хорошо знавшее пр. Алексія по Москвѣ и пользовавшееся его расположеніемъ, даетъ слѣдующую справедливую характеристику владыки, какъ архипастыря:

„Не мало зналъ я, пишетъ онъ, и знаю архипастырей нашей православной церкви, и не могу не имѣть, по мѣрѣ моего разумѣнія, такого искренняго убѣжденія, что во главѣ нашей церкви дѣйствительно стояли и стоятъ ярею свѣтящіяся свѣтильники и по своему образованію и по жизни (конечно, не безъ исключеній, но самыхъ-самыхъ рѣдкихъ), и среди этихъ архипастырей одно изъ первенствующихъ мѣстъ безспорно принадлежитъ въ Божѣ почившему¹ высокопреосвященному Алексію. Я думаю, что всего соотвѣтственнѣе назвать его воплощеннымъ смиренномудріемъ. Если кто, то этотъ мужъ высокого разума и ангельской кротости выну памятовалъ слово псалмопѣвца: „Кто есть неловѣкъ, хотяй и животь любити и видѣти дни благи? Удержи языкъ твой отъ зла и устнѣ твои еже не глаголати дѣсти“. Въ самомъ дѣлѣ, исходило-ли изъ устъ этой, такъ бодрственно стоявшей на стражѣ своей жизни, личности, праздное слово? Обижда ли она кого-нибудь своими словами? Не были-ли ея слова для всѣхъ и каждаго поучительными? Почившій святитель не былъ витіемъ, но его жизнь—жизнь, всецѣло преданная истинѣ и св. церкви, его растворенное любовью ко всему доброму сердце, его отечески-дружеская привѣтливость, его свѣтлый умъ, свѣтившійся въ каждомъ его словѣ и поступкѣ,—всѣ эти и подобныя имъ качества были живою проповѣдью для всѣхъ, соприкасавшихся съ этимъ истинно-смиренномудрымъ святителемъ

¹ Эти строки были написаны и напечатаны въ *Московскихъ Церков. Вѣдомостяхъ*, послѣ его смерти, въ № 42 въ 1890-мъ году.

нашей церкви. „Научитесь отъ меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обряцете покой душамъ вашимъ“, сказалъ Спаситель міра. Думаю, что каждый смотрѣвшій на почившаго архипастыря и слушавшій его задушевныя, исполненныя одной святой правды и любви рѣчи, невольно повторялъ: „научимся отъ него, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ“. Неудивительно послѣ сего, что истовое совершеніе богослуженія и необычайная привѣтливость владыки ко всѣмъ привлекали на его богослуженія такъ много народа, и служили причиной того, что москвичи наиболѣе всего приглашали именно пр. Алексія служить въ томъ или другомъ храмѣ, по тому, или другому знаменательному случаю. Въ большой восторгъ приходили и старообрядцы, когда пр. Алексій служилъ въ единовѣрческой церкви, конечно, по старопечатнымъ книгамъ и съ соблюденіемъ допущенныхъ въ сихъ церквахъ отступленій. „Мы, говорили старообрядцы, должны учиться у него, какъ сердцемъ служить истово, по старому“. Даже закоренѣлые раскольники говорили: „пусть дадутъ намъ въ архіереи Алексія, и мы перейдемъ въ единовѣріе“.¹ Слѣдующій безъискусственный отзывъ о владыкѣ, сдѣланный уже во время его служенія въ Вильнѣ однимъ изъ московскихъ купцовъ, очень рельефно изображаетъ отношеніе къ нему простаго народа въ Москвѣ. Одинъ изъ московскихъ купцовъ, бывшій за - границею въ то время, какъ состоялось перемѣщеніе пр. Алексія изъ Москвы въ Вильну, и не знавшій еще о томъ, зашелъ, проѣздомъ изъ-за границы въ Москву, въ Виленскій Каѳедральный соборъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней, чтобы побывать на архіерейскомъ служеніи. Посмотрѣлъ онъ издали на архіерея—и подумалъ: „Ужь очень-то архіерей похожъ на нашего пр. Алексія“. Подошелъ поближе,—еще болѣе сталъ удивляться сходству лица служившаго архіерея съ лицомъ пр. Алексія. Но, не спросивши объ имени служившаго архипастыря, купецъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ.

Въ вагонѣ, встрѣтившись съ однимъ изъ священниковъ Литовской епархіи, купецъ этотъ рассказалъ ему о своемъ наблюденіи въ соборѣ. Каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ, что этотъ архіерей и былъ именно пр. Алексій! Удивленный симъ открытіемъ, купецъ спросилъ собесѣдника: „за что же такъ обидѣли владыку и взяли его отъ насъ изъ Москвы“? И только тогда онъ успокоился духомъ за любимаго архипастыря,

¹ Моск. Цер. Вид. 1890 г. № 49.

когда священникъ разъяснилъ ему, что пр. Алексій назначенъ самостоятельнымъ архіереемъ и что у него такъ же, какъ у московскаго митрополита, два викарныхъ епископа.

Многополезное служеніе преосвященнаго Алексія, какъ викарія московскаго, цѣнили и митрополиты Иннокентій и Макарій. Первый изъ нихъ—митрополитъ Иннокентій, по желанію котораго преосвященный Алексій и былъ назначенъ викаріемъ, будучи уже престарѣль и слабъ зрѣніемъ, имѣлъ особенное расположеніе къ нему, утѣшался его служеніемъ и помощію и, можно сказать, на рукахъ его и скончался. Въ санѣ епископа Можайскаго, втораго викарія московской каедръ, преосвященный Алексій оставался до 22 января 1883 г., когда былъ назначенъ епископомъ Дмитровскимъ, первымъ викаріемъ сей каедръ. По смерти митрополита Иннокентія, Московскимъ митрополитомъ былъ назначенъ архіепископъ Литовскій и Виленскій Макарій. Естественно было ожидать, судя по человѣческимъ, конечно, соображеніямъ, что между бывшимъ предсѣдателемъ комисіи и горячимъ сторонникомъ реформы церковнаго суда и не менѣе горячимъ, искуснымъ и самоотверженнымъ противникомъ сей реформы, нанесшимъ своею, поистинѣ, змѣнною мудростью, такое уязвленіе предполагавшейся судебной реформѣ, что она была отвергнута, возникнуть, по меньшей мѣрѣ, холодныя отношенія. Но преосвященный Алексій и здѣсь проявилъ отличавшія его черты: величайшее смиреніе, послушаніе и тактъ по отношенію къ митрополиту Макарію, такъ что послѣдній питалъ къ нему уваженіе и доброе расположеніе. Преосвященный Алексій былъ одинъ изъ первыхъ лицъ, явившихся въ Черкизово и присутствовавшихъ при высокопреосвященномъ Макаріи предъ его смертію. Почти чрезъ два года послѣ смерти сего митрополита, преосвященный Алексій, уже удостоенный, по представленію владыкъ московскихъ, между прочимъ Высочайшей награды—орена Св. Анны первой степени, 9 марта 1885 года былъ назначенъ на самостоятельную каедръ—епископа Таврическаго и Симферопольскаго. Но, не выѣзжая еще изъ Москвы къ мѣсту своего новаго служенія, получилъ 11 мая новое назначеніе на высокую каедръ архипастыря Литовскаго и Виленскаго, и притомъ только еще въ санѣ епископа, тогда какъ до него эту каедръ занимали митрополиты Іосифъ, архіепископы Макарій и Александръ.

Грустно было первопрестольной столицѣ разставаться съ любимымъ архипастыремъ. Нелегко и ему была разлука съ до-

рогою для него Москвой. Знаменитый наш покойный публицист М. Н. Катковъ, въ своемъ органѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, чутко отозвался на это новое назначеніе владыки, явившись въ семь случаевъ во главѣ всего московскаго общества. „Съ сердечнымъ чувствомъ и горячими благожеланіями“, писалъ онъ въ передовой своей статьѣ, по поводу отбытія преосвященнаго Алексія въ Вильну, „проводили мы владыку. Грустно намъ было разставаться съ нимъ, грустно было и ему разставаться съ Москвой. Здѣсь онъ получилъ свое образованіе, здѣсь протекли плодотворные годы его служенія и учительскаго въ Академіи и священительскаго при московской кафедрѣ. Кто въ московской пастырѣ не знаетъ его, и не оцѣнилъ, не полюбилъ его? Непоколебимо твердый ревнитель истины православія, хранимаго нашимъ отечествомъ и его хранящаго, преосвященный Алексій приобрѣлъ всеобщую любовь своею кротостію, добросердечіемъ, неизсѣкающимъ ко всѣмъ благожелательствомъ, снисходительностью, простотою и скромностію. Какъ всегда бываетъ, чѣмъ онъ болѣе утаивалъ себя, тѣмъ болѣе онъ свѣтился; чѣмъ менѣе старался онъ выказываться, тѣмъ болѣе чувствовалось всѣми его пастырское достоинство“¹.

Другой органъ московской печати, уже по поводу извѣстія о кончинѣ преосвященнаго Алексія, указываетъ съ неменьшею рельефностію тѣ черты, за которыя владыка былъ любимъ всею Москвой, почему послѣдняя съ глубокою скорбію провожала его въ Вильну и еще съ большею печалію встрѣтила вѣсть о его неожиданной кончинѣ. „Москва, писалъ *Московский Листокъ* въ 315 № за 1890 г., въ ея образованномъ обществѣ и простомъ народѣ, любила и чтла великую звѣзду православной церкви, горѣвшую яркимъ теплымъ свѣтомъ на нашемъ священительскомъ небосклонѣ. Кто не помнитъ въ Москвѣ глубоко-благоговѣйнаго и апостольски величественнаго служенія сего святителя въ Кремлевскихъ соборахъ и другихъ храмахъ нашей первопрестольной столицы, на которое стекались даже старообрядцы, чтившіе истовую его уставность? Кто не знаетъ задушевной теплоты этого архипастыря, его сердечной доброты, готовой помочь всякому нуждающемуся, его свѣтлаго и разумнаго патріотизма, его мудрой изящно-простой бесѣды?“ Особенно грустно было разставаться съ преосвященнымъ Алексіемъ московскому духовенству, которое, вслѣдствіе частыхъ отношеній

¹ *Московскія Вѣдом.* 1885 г. № 165.

къ нему по разнымъ дѣламъ, наиболѣе другихъ сословій, цѣнило и любило его. Прощаясь съ владыкою, это духовенство преподнесло ему 5 іюня весьма цѣнную икону Св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, причемъ говорившій отъ имени духовенства протоіерей (нынѣ преосвященный епископъ Костромской Виссаріонъ) В. П. Нечаевъ высказалъ съ одной стороны—глубокое сожалѣніе по поводу разлуки съ нимъ, а съ другой—и сердечныя благожеланія по поводу назначенія его на таковую епархію, которая занимаетъ высое мѣсто среди другихъ. При семъ ораторъ справедливо высказалъ ту мысль, что новое служеніе владыки будетъ сопряжено съ большими трудностями, вслѣдствіе, между прочимъ, разноплеменнаго населенія Литовской епархіи, почему ему, по преимуществу, потребуется руководствоваться въ своей дѣятельности словами Спасителя: „будите мудры, яко змии, и цѣли яко голубіе“. „И мы, говорилъ досточтимый о. протоіерей, уповаемъ, что Вы съ честью удержитесь на высотѣ положенія, ибо знаемъ, что у Васъ нѣтъ недостатка ни въ голубиной цѣлости, ни въ зминой мудрости. Голуби, какъ извѣстно, пользуются особенною ласкою народа за то, что эти птицы—смирныя и безобидныя и легко привыкающія къ человѣку. Голубиною цѣлостію и Вы, преосвященнѣйшій владыко, живя среди насъ, привлекли сердца всѣхъ. Всякому, кто бы онъ ни былъ, Вы были въ высшей степени доступны, со всякимъ обращались просто, мягкосердечно, всякому готовы были оказать добрыя услуги, всякое чужое горе, радость, нужду, принимали къ сердцу, всякаго трогали необычайнымъ смиреніемъ, всякій уносили отрадное впечатлѣніе отъ любвеобильной бесѣды Вашей. Должно надѣяться, что, благодаря этимъ достолюбезнымъ качествамъ души Вашей способности обезоружить даже враговъ, Вы сумѣете поставить себя въ наилучшія отношенія къ Вашей новой паствѣ и, можетъ быть, благотворно воздѣйствовать на согражданъ иной вѣры, но мирно расположенныхъ къ общему русскому отечеству, ихъ православной церкви“. Въ доказательство духовной зминой мудрости преосвященнаго Алексія, о. протоіерей указалъ между прочимъ и на то, что еще до принятія преосвященнымъ Алексіемъ монашества, онъ выступилъ борцомъ противъ церковной реформы въ области суда. Въ заключеніе своей рѣчи ораторъ сказалъ: „честь и слава Вашей духовной мудрости, столь благотворной для Церкви. Подобную силу мудрости Вамъ, преосвященнѣйшій, предстоитъ проявить въ неизбежныхъ столкновеніяхъ со вра-

гами православной Церкви на новомъ поприщѣ вашего служенія, и мы надѣемся, что, при благословеніи Божиємъ, Вы съ успѣхомъ будете поддерживать господство православной Церкви въ Литовскомъ краѣ, будете достойнымъ подражателемъ того дѣла, которому дано первоначальное движеніе знаменитымъ восстановителемъ православія въ этомъ краѣ—митрополитомъ Іосифомъ. Знаменательно, что соименный Вамъ Св. Благовѣрный князь Александръ Невскій—въ иночествѣ—Алексій, боролся съ тѣми же врагами православія, отъ которыхъ вы призваны охранять его въ Литовской области. Онъ побѣждалъ ихъ не только силою вещественнаго оружія, но вмѣстѣ и силою духовной мудрости. Римскій первосвященникъ пытался привлечь его на сторону свою, предложивъ ему прислать къ нему своихъ учителей. Благовѣрный князь съ твердостію отвѣчалъ ему: „мы знаемъ исторію вѣры и церкви; къ чему намъ новые учителя?“ „Дай Богъ, чтобы примѣръ стойкости и мужества въ защитѣ православной церкви соименнаго Вамъ по иночеству ревнителя вѣры и его, какъ вашего покровителя, молитвенное предстательство за Васъ укрѣпили Васъ въ предстоящемъ вамъ трудномъ служеніи святой Церкви въ краѣ, не довольно умиреномъ. Ваше преосвященство, московское духовенство, поднося Вамъ на прощаніе съ Вами икону Вашего ангела, св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ иночествѣ Алексія, просить васъ принять ее, какъ напоминаніе о тѣхъ благожеланіяхъ, какими оно напутствуетъ Васъ, и вмѣстѣ какъ выраженіе искреннѣйшаго желанія, чтобы Вы, разставаясь съ нами тѣломъ, не прекращали духовнаго общенія съ нами, не преставали творить о насъ молитвенную память. Будьте увѣрены, что и всѣ мы, глубоко чтущіе Васъ и любящіе, не престанемъ возносить Ваше боголюбезное имя въ нашихъ молитвахъ“. Отвѣтомъ на эту прочувствованную рѣчь о. протоіерея былъ земной поклонъ Владыки, обращенный ко всѣмъ присутствовавшимъ. Простившись съ Москвою, пр. Алексій посѣтилъ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ полагалъ начало своего иноческаго житія, простился здѣсь съ родною ему Академіей, въ которой прослужилъ 24 года, простился навсегда и съ дорогими ему могилами жены и дочери и побывалъ на своей родинѣ въ Ярославской епархіи, а 16 іюня съ почтовымъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги выѣхалъ въ С.-Петербургъ, оставивши, какъ оеазалось, навсегда Москву. Впрочемъ, и будучи въ Вильнѣ, Владыка не прервалъ своего духовнаго общенія съ дорогою ему первопрестольною столицей

и поддерживалъ оное и молитвою и письменными привѣтствіями того или другаго изъ почитаемыхъ имъ лицъ въ Москвѣ по различнымъ поводамъ. Непосредственное же личное сношеніе съ Москвою Владыко поддерживалъ между прочимъ чрезъ бывшаго московскаго генераль-губернатора, нынѣ покойнаго князя В. А. Долгорукаго, который, питая глубокое уваженіе къ пр. Алексію, всякій разъ, какъ возвращался изъ-за границы (куда ѣздилъ для лѣченія), заѣзжалъ въ Вильну, чтобы навѣстить Владыку и принять участіе въ устрояемой въ честь его пр. Алексіемъ радушной трапезѣ. Свое уваженіе и расположеніе къ князю Долгорукому Владыко выразилъ, между прочимъ, и въ томъ, что, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія служенія Владиміра Андреевича въ должности московскаго генераль-губернатора, когда Москва торжественно праздновала это событіе, послалъ изъ Вильны въ Москву въ качествѣ своего представителя бывшаго въ то время о. намѣстника Свято-Духовскаго монастыря, архимандрита Кирилла, съ иконою въ благословеніе князю.

Съ отъездомъ изъ Москвы на самостоятельную каведру Литовскаго архипастыря, начинается новый періодъ въ жизни пр. Алексія. Но и здѣсь, на новомъ—весьма видномъ и въ то же время весьма трудномъ и отвѣтственномъ посту, пр. Алексій явилъ въ себѣ образецъ благоговѣйнѣйшаго служителя церкви, опытнаго и мудраго администратора, хорошо узнавшаго мѣстныя условія края, попечительнаго отца о сирыхъ и бѣдныхъ, щедраго благотворителя, вполне доступнаго для всѣхъ, имѣвшихъ въ немъ нужду, начальника и твердаго защитника православія, такъ что, по справедливости говорили по поводу назначенія его на Литовскую каведру, что едва-ли можно было избрать другаго болѣе русскаго въ государственномъ смыслѣ и болѣе ревностнаго въ церковномъ отношеніи святителя для Литовской епархіи.

Уже чрезъ четыре дня, послѣ погребенія пр. архіепископа Литовскаго и Виленскаго Александра, сталъ носиться въ Вильнѣ слухъ о томъ, что на его мѣсто назначается пр. Алексій, слухъ этотъ вообщемъ былъ принятъ съ удовольствіемъ, потому-что и до Вильны доходили самые лестные отзывы о Владыкѣ, которые подтверждались лицами, хорошо знавшими его въ Москвѣ и служившими въ это время въ Вильнѣ. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ глубоко чтимый и незамѣнимый представитель православія и русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ бывшій командующій войсками Виленскаго военнаго округа, генераль-отъ-инфантеріи Николай Степановичъ Гонецкій, который

незадолго до назначенія пр. Алексія въ Вильну, и самъ былъ назначенъ на этотъ постъ командующаго изъ командировъ Гренадерскаго корпуса, и жилъ потому ранѣе въ Москвѣ. Впрочемъ, нѣкоторымъ лицамъ изъ Виленскаго духовенства болѣе было желательно назначеніе въ Вильну пр. Никанора, бывшаго Одесскаго, какъ бѣлорусса по происхожденію. И это желаніе было небезъизвѣстно и самому пр. Алексію. Но какъ бы то ни было, встрѣча, оказанная ему при его прїѣздѣ въ Вильну, была необычайна торжественная. Прибылъ онъ сюда 26 іюня, во второмъ часу дня по с.-петербургско-варшавской желѣзной дорогѣ. На вокзалѣ онъ былъ встрѣченъ новоназначеннымъ епископомъ Могилевскимъ, впоследствии архіепископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ Сергіемъ, бывшимъ до того времени епископомъ Ковенскимъ, первымъ викаріемъ Литовской каедры, и пр. Анастасіемъ, епископомъ Брестскимъ, вторымъ викаріемъ той же каедры, (нынѣ епископомъ Чебоксарскимъ) и другими духовными лицами, а также бывшими Виленскимъ генераль-губернаторомъ И. С. Кохановымъ, командующимъ войсками Виленскаго военного округа Н. С. Гонецкимъ,¹ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и другими высокопоставленными лицами. Владыка каждому привѣтствовалъ и каждому преподалъ свое святительское благословеніе и цѣлованіе мира и любви. При входѣ въ вокзалъ пр. Алексія городской голова съ членами управы поднесъ ему на особомъ блюдѣ хлѣбъ-соль отъ города Вильны, сказавъ при семъ краткую привѣтственную рѣчь.

Принявъ благосклонно хлѣбъ-соль² и высказавъ благопожеланіе представителямъ городского управленія, Владыка съ вокзала отбылъ въ Свято-Духовскій монастырь, а встрѣчавшее его на вокзалѣ общество—въ кафедральный соборъ.

¹ Нынѣ члены Государственнаго Совѣта.

² Блюдо это—снимокъ съ весьма древняго церковнаго блюда IX—X в византійскаго стиля. На днѣ блюда находится рельефное изображеніе распятія Іисуса Христа съ предстоящими Божіею Матерію и Апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. Кругомъ распятія сдѣлана надпись греческая: „Примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое во оставленіе грѣховъ“, а предъ ликомъ Богоматери и Іоанна Богослова: „Се сынъ твой“, „Се мати твоя“. На обложкѣ блюда находятся рельефныя изображенія Святителейъ восточной церкви: св. Николая Чудотворца, Спиридона, Висилія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и др., а на стѣнѣ, соединяющей ободокъ съ дномъ блюда, рельефныя изображенія св. Великомучениковъ: Никиты, Димитрія Солунскаго, Феодора Тирона, Феодора Стратилата и др. Изображенія эти сдѣланы въ духѣ восточной церкви и всѣ надписи—греческія.

Послѣ торжественной встрѣчи въ монастырѣ, приложившись къ мощамъ св. Виленскихъ мучениковъ и благословивъ всѣхъ, желавшихъ получить отъ него благословеніе, Владыка прибылъ въ кафедральный соборъ, переполненный народомъ всякаго званія и вѣроисповѣданія. Всѣ съ нетерпѣніемъ хотѣли видѣть новаго православнаго архіерея. Кафедральный протоіерей встрѣтилъ Владыку рѣчью. Всѣ ожидали услышать отъ него привѣтственную рѣчь съ церковнаго амвона. Но преосвященный Алексій и на этотъ разъ не измѣнилъ обѣту безмолвія. Благословивъ народъ, онъ отправился изъ собора въ архіерейскій домъ, въ которомъ уже собрались духовныя и свѣтскія лица. Послѣ нѣсколькихъ минутъ взаимнаго обмѣна мыслей, всѣ бывшіе простились съ Владыкою. На всѣхъ онъ произвелъ чарующее впечатлѣніе какъ своею величественною осанкой, такъ и привѣтливымъ обращеніемъ со всѣми. „Такимъ образомъ, гласилъ официальный органъ Литовской епархіи, по поводу прибытія преосвященнаго Алексія въ Вильну, давно ожидаемый нашъ Владыка съ 26-го іюня вступилъ въ управленіе ввѣренною ему Литовскою епархіей. Пожелаемъ ему поднаго здравія и крѣпости силъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ, для успѣшнаго, при помощи Божіей, прохожденія труднаго и высокаго архипастырскаго служенія въ нашемъ краѣ. Съ своей стороны душепастыри Литовской епархіи пусть усугубятъ свои заботы о томъ, чтобы точнымъ исполненіемъ принятыхъ на себя обязанностей и своимъ образцовымъ поведеніемъ споспѣшествовать благимъ стремленіямъ Владыки“. Къ сожалѣнію, эти благожеланія выраженныя на бумагѣ, не исполнились: всего только пять съ половиною лѣтъ прожилъ Владыка въ Вильнѣ и палъ подъ тяжестью болѣзни, значительно осложнившейся отъ тѣхъ, можно сказать, непосильныхъ трудовъ и огорченій, какія выпали на его долю на новомъ поприщѣ его служенія, и притомъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ лицъ, которыя должны были „точнымъ исполненіемъ припятахъ на себя обязанностей и образцовымъ поведеніемъ“ споспѣшествовать благимъ стремленіямъ Владыки. Въ самомъ дѣлѣ развѣ легко было преосвященному Алексію вступать въ управленіе Литовскою епархіей, которая, по особенноти своего положенія, духовенства и проч., требовала отъ архипастыря очень большой осторожности въ дѣйствіяхъ и немалой способности самому тщательно всматриваться въ дѣла, а не подпасть подъ чье-либо вліяніе. Тяжесть эта еще болѣе увеличивалась отъ того, что, по причинѣ тяжелой и продолжительной болѣзни

предмѣстника его преосвященнаго архіепископа Александра, дѣла по епархіальному управленію не были въ надлежащемъ порядкѣ и вся вообще епархія нуждалась въ опытномъ и строгомъ администраторѣ. При этомъ, бывшій при преосвященномъ Александрѣ первымъ викаріемъ преосвященный Сергій, который, уже достаточно познакомившись съ Литовскою епархіей, могъ бы оказать дѣйствительную помощь преосвященному Алексію въ дѣлѣ управленія оною, получилъ назначеніе на самостоятельную Могилевскую кафедру. Что же касается до другаго викарія, преосвященнаго Анастасія Брестскаго, то онъ всего только два мѣсяца предъ тѣмъ былъ рукоположенъ во епископа. Такимъ образомъ вся тяжесть управленія новою епархіей всецѣло пала на одного Владыку; но онъ съ честью и славою выносилъ эту тяжесть, удивляя всѣхъ своимъ трудолюбіемъ, и до послѣдней минуты жизни твердо держалъ бразды правленія Литовскою епархію.

Первые дни по своемъ пріѣздѣ въ Вильну преосвященный Алексій дѣлалъ визиты, осматривалъ городскія церкви, монастыри и разныя учрежденія и въ то же время принималъ посѣтителей и читалъ журналы, представляемые ему изъ разныхъ учреждений. А такихъ журналовъ накопилось въ его пріѣзду не мало. Съ 4-го іюля начинаются его резолюціи на журналахъ, изъ коихъ первая была положена на журналѣ правленія Виленскаго духовнаго училища по поводу неимѣнія воспитанниками онаго наперсныхъ крестиковъ и которую мы приведемъ въ другомъ мѣстѣ. 7-го іюля преосвященный Алексій устроилъ проводы преосвященному Сергію въ Могилевъ. А проводы были такіе, что едва-ли раньше кого провожали такъ изъ преосвященныхъ викаріевъ Литовской кафедры, а что послѣ смерти преосвященнаго Алексія такихъ не было проводовъ никому изъ преосвященныхъ,¹ — это несомнѣнно. Во всѣхъ распоряженіяхъ, какія преосвященный Алексій сдѣлалъ, чтобы возможно торжественнѣе устроить прощаніе съ преосвященнымъ Сергіемъ, сказалась, какъ и во всемъ другомъ, отличительная черта характера его — крайняя предупредительность и деликатность. Въ

¹ Въ 1892 г., при отъѣздѣ изъ Вильны бывшаго Ковенскаго епископа Григорія на самостоятельную кафедру въ Туркестанъ, ему не было оказано даже малѣйшаго вниманія со стороны представителей Виленскаго духовенства хотя бы наружнаго, предъ иновѣрцами, не могшими не видѣть, что православнаго епископа никто изъ духовныхъ лицъ, даже оофициально обязанныхъ, не явился проводить на вокзалъ.

Алексія, Іоны и Филиппа, гдѣ былъ встрѣченъ законоучителемъ гимназій, пишущимъ сіи строки. Въ пять часовъ вечера состоялся торжественный обѣдъ, на которомъ Владыка занималъ мѣсто между генераль-губернаторомъ — по правую сторону и римско-католическимъ епископомъ — по лѣвую; съ послѣднимъ Владыка во все время обѣда велъ оживленную бесѣду и на прощаніи любезно облобызался съ нимъ. Послѣ обѣда отбылъ въ Вильну, оставивъ у всѣхъ видѣвшихъ его самое пріятное воспоминаніе о себѣ.

Начало 1886 г. ознаменовалось для преосвященнаго Алексія скорбію о скончавшемся 27 января, въ 7^{1/2} часовъ вечера уважаемомъ имъ московскомъ знакомцѣ — извѣстномъ славяно-филѣ и публицистѣ — Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ. На другой же день послѣ его смерти, получивши о томъ телеграмму отъ его супруги, Владыка совершилъ о немъ паннихиду въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, а 30-го января самъ совершилъ литургію и паннихиду въ томъ же монастырѣ, въ присутствіи начальствующихъ лицъ города Вильны, воспитанниковъ и воспитанницъ Виленскихъ духовно-учебныхъ заведеній, которыхъ онъ обязывалъ присутствовать при подобнаго рода службахъ, собственнымъ примѣромъ назидая ихъ, какъ нужно чтить память тѣхъ лицъ, которыя съ пользою послужили церкви православной и дорогому Отечеству. Жонѣ покойнаго Ивана Сергѣевича Владыка отправилъ отвѣтную телеграмму такого содержанія: „Плачу съ вамъ о кончинѣ великаго славянина и истиннаго русскаго гражданина. Великія дѣла, славная память; великая скорбь славянству и всей Россіи! Да утѣшитъ васъ Господь. Сейчасъ совершилъ первую паннихиду. Литургію и паннихиду совершу 30-го января, тоже будетъ и во всѣхъ церквахъ города Вильны. Будетъ поминать и вся православная Литовская церковь“.

Въ семь же году владыка впервые со всею очевидностію показалъ жителямъ г. Вильны свою замѣчательную неустойчивость и любовь къ совершенію богослуженія, а именно, начиная съ малой вечерни въ Лазареву субботу, послѣ окончанія которой совершается крестный ходъ изъ кафедральнаго собора въ Свято-Духовскій и затѣмъ въ Троцкій монастырь, гдѣ совершается торжественное всенощное бдѣніе съ участіемъ архіерея, и кончая Ѳоминымъ воскресеньемъ, владыка ежедневно совершалъ все богослуженіе, положенное по уставу въ извѣстный день. Въ великій пятокъ Царскіе часы онъ слушалъ въ Крестовой церкви, а вечерню и выносъ плащаницы совершалъ въ Свято-

покои, занимаемые преосвященнымъ Сергіемъ въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, прибыли преосвященный Алексій и преосвященный Анастасій, епископъ Брестскій, а также городское духовенство и служащіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. По входѣ въ свои покои преосвященнаго Сергія, который предъ тѣмъ совершилъ литургію въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, преосвященный Алексій, передавая ему отъ себя икону Спасителя, сердечно привѣтствовалъ его съ назначеніемъ на видную Могилевскую кафедру, и, высказавъ радость свиданія съ нимъ здѣсь въ Вильнѣ и сожалѣніе, что узы долговременнаго знакомства и искренней пріязни, соединявшія ихъ обоихъ около 30 лѣтъ, видимо прерываются, пожелалъ ему полного успѣха въ управленіи Могилевскою епархіей на благо и славу церкви Божіей и отечества. По его же желанію, были поднесены преосвященному Сергію икона отъ Свято-Духовскаго братства—Святителя Николая и отъ Свято-Духовскаго монастыря, въ келіяхъ котораго жилъ онъ,—Св. Виленскихъ мучениковъ. 10-го іюля состоялся самый отъѣздъ преосвященнаго Сергія въ Могилевъ. Проводить его прибыли на вокзалъ преосвященный Алексій, преосвященный Анастасій, высшія должностныя лица города Вильны и городское духовенство, такъ что проводы были весьма торжественныя.

Къ важнѣйшимъ событіямъ изъ пастырской дѣятельности преосвященнѣйшаго Алексія за 1885 годъ въ новой своей епархіи нужно отнести посѣщеніе имъ губернскаго города Ковны, куда онъ былъ приглашенъ для освященія новоустроенной женской гимназіи вмѣстѣ съ Виленскимъ генераль-губернаторомъ. Съ вокзала Владыка прибылъ прямо въ городской соборъ, изъ котораго послѣ обычной встрѣчи, прослѣдовалъ въ архіерейскіе покои, гдѣ ему представлялось все Ковенское православное духовенство. Послѣ совершенія обряда освященія гимназіи, Владыка самъ окропилъ св. водой средній этажъ зданія, послѣ чего состоялся актъ въ гимназіи, на которомъ награды православнымъ воспитанницамъ раздавалъ преосвященный Алексій, католическимъ — католическій епископъ и еврейскимъ — генераль-губернаторъ. По окончаніи акта, Владыка въ сопровожденіи ковенскаго благочиннаго обозрѣвалъ городскія церкви: Воскресенскую, откуда заѣхалъ въ квартиру мѣстнаго священника о. Т. Лубянскаго, гдѣ помѣщалась церковно-приходская школа, затѣмъ въ единовѣрческую церковь и, наконецъ, гимназическую Четырехсвятительскую во имя св. митрополитовъ Московскихъ Петра,

духовскомъ монастырѣ. По окончаніи вечерни, отсюда бываетъ крестный ходъ съ плащаницею, которую архіерей несетъ на главѣ въ кафедральный соборъ. Здѣсь же происходитъ цѣлованіе плащаницы. При семъ крестномъ ходѣ присутствуютъ начальствующія лица г. Вильны, и по всему пути до собора располагаются войска шпалерами съ музыкой, которая исполняетъ гимнъ „Коль Славенъ“¹. Въ великую субботу утреню владыка совершалъ въ Свято-духовскомъ монастырѣ въ 6 часовъ утра, и обѣдню тамъ же — въ 12 часовъ, оканчивая оную только къ 4 часамъ пополудни. Утреню и литургію въ первый день Пасхи онъ служилъ въ кафедральномъ соборѣ, причемъ впервые познакомилъ духовенство и вообще православное населеніе г. Вильны съ тою торжественностью, съ которою совершается въ этотъ день служба въ Москвѣ. Все богослуженіе въ этотъ день оканчивалъ владыка къ 6 часамъ утра. Затѣмъ во всю пасхальную седмицу² владыка служилъ вечерню и утреню пасхальныя вмѣстѣ въ 6 часовъ вечера, а литургію въ 9 часовъ утра. При семъ онъ строго требовалъ, чтобы звонъ на колокольняхъ Виленскихъ церквей производился въ теченіе цѣлой недѣли пасхальной. Подобнаго распредѣленія служебнаго времени и порядка во время Пасхи пр. Алексій держался и въ послѣдующіе годы своего пребыванія въ Вильнѣ. Пасхальное торжество сего года было ознаменовано для владыки возведеніемъ его въ санъ архіепископа. На поздравленія, которыя ему приносились отовсюду, по сему случаю, владыка отвѣчалъ, что онъ возведенъ въ сей высочій санъ не за свои личныя заслуги, а въ уваженіе къ той кафедрѣ, которую онъ занимаетъ. 27 апрѣля, наканунѣ дня кончины своего предмѣстника, преосвященнаго архіепископа Александра, Владыка, въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ и воспитанницъ духовно-учебныхъ заведеній г. Вильны, совершилъ въ Свято-духовскомъ монастырѣ, — мѣстѣ погребенія преосвященнаго Александра, заупокойное всенощное бдѣніе по Кіевскому чину, съ которымъ онъ впервые познакомилъ православныхъ

¹ Впрочемъ, присутствіе сей музыки, заглушающей трогательное церковное пѣнопѣніе: „Благообразный Іосифъ“ и придающее всей церемоніи отбѣнокъ чего-то несвойственнаго воспоминаемому событію изъ земной жизни Спасителя, представляется, и по нашему мнѣнію и по мнѣнію многихъ другихъ, — совершенно излишнимъ.

² Которая въ Вильнѣ и вообще въ Сѣверо-западномъ краѣ послѣ трехъ дней почти и не почитается за праздникъ, суда, напр., по отсутствію положеннаго по уставу церкви цѣлодневнаго звона.

жителей Вильны, а на другой день служилъ заупокойную литургію. Въ семь же году, лѣтомъ, преосвященный Алексій впервые совершилъ большое путешествіе по епархіи, знакомясь со всѣми важнѣйшими пунктами оной. И у всѣхъ онъ оставлялъ по себѣ отрадное воспоминаніе, начиная съ свѣтскихъ лицъ и кончая простымъ крестьяннномъ—даже иновѣрцемъ. И вездѣ встрѣчали его съ неподдѣльною радостію и съ почетомъ. Такъ 17 мая онъ впервые посѣтилъ Гродну; на вокзалѣ онъ былъ встрѣченъ викаріемъ—преосв. Анастасіемъ, епископомъ Брестскимъ, Гродненскимъ губернаторомъ, начальникомъ 28-й пѣхотной дивизіи г.-лейтенантомъ Малаховымъ ¹ и другими высокопоставленными лицами. На пути отъ вокзала до собора въ трехъ мѣстахъ хоры военной музыки исполняли гимнъ „Коль Славеи“. Въ соборѣ, куда Владыка прибылъ въ 9 часовъ вечера и гдѣ онъ былъ встрѣченъ рѣчью настоятеля собора, который при семъ поднесъ ему икону Успенія Пресвятой Богородицы, владыка совершилъ всенощное бдѣніе и помазывалъ народъ, собравшійся въ такомъ количествѣ, что преосвященный Алексій могъ выдти изъ собора только въ 11½ часовъ вечера. Полное освѣщеніе собора, переполненнаго народомъ, торжественное богослуженіе въ необычайное время, благоговѣйное служеніе владыки, его спокойно-величавый и привлекательный видъ, — все это придало торжеству встрѣчи владыки что-то необычайное и, насколько помнили жители Гродны, невиданное еще въ церковной жизни сего города. Послѣ всенощнаго бдѣнія, преосвященный Алексій отбылъ въ архіерейскій домъ, гдѣ ему было приготовлено помѣщеніе. При выходѣ его изъ собора, были зажжены бенгальскіе огни, соборъ и соборный погостъ были иллюминированы разноцвѣтными фонарями. На другой день владыка съ преосвященнымъ Анастасіемъ служилъ литургію въ соборѣ. Въ 4¼ часа состоялся въ честь преосвященнаго Алексія обѣдъ въ помѣщеніяхъ преосвященнаго викарія, въ присутствіи представителей всѣхъ вѣдомствъ и учреждений города. Во время этого обѣда слышалось пѣніе духовныхъ концертовъ, которые исполнялъ архіерейскій хоръ, находившійся на закрытомъ балконѣ, обращенномъ къ обширному архіерейскому саду. 19 мая преосвященный Алексій обзрѣвалъ городскія церкви. Въ церкви св. Александра Невскаго онъ былъ встрѣченъ представителями всѣхъ частей войскъ, расположенныхъ въ Гроднѣ, и церковнымъ хоромъ офицеровъ.

¹ Нынѣ командиромъ гренадерскаго корпуса въ Москвѣ.

Здѣсь владыка обратился къ собравшимся съ краткою рѣчью, въ которой выразилъ, между прочимъ, ту мысль, что мы чувствуемъ себя вполне безопасными, когда видимъ свое христолюбивое воинство, вооруженное не только обычнымъ ему оружіемъ, но и одушевленное вѣрой. Въ тюремной церкви онъ благословилъ узниковъ, а въ тюремномъ лазаретѣ бесѣдовалъ съ больными арестантами. Въ церкви Борисоглѣбскаго монастыря онъ благословилъ питомцевъ брагской школы, раздавалъ имъ крестики, молитвенники и пр. Послѣ обѣда у губернатора, владыка отбылъ на вокзалъ, гдѣ ко времени его прибытія собрались учащіеся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Гродны. Тутъ же были представители города и толпа народа. Любезно распростившись со всѣми, преосвященный Алексій отбылъ въ Вильну. Черезъ нѣсколько дней, онъ вторично посѣтилъ Ковну, куда прибылъ 24 мая. На вокзалѣ онъ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Смарагдомъ, епископомъ Ковенскимъ, и другими высокопоставленными лицами. Отслуживъ всенощное бдѣніе въ соборѣ и на другой день литургію, владыка вторично посѣтилъ нѣкоторыя Ковенскія церкви и Пожайскій монастырь,—лѣтнее пребываніе Ковенскихъ епископовъ, гдѣ и ночевалъ, а въ понедѣльникъ 26 мая посѣтилъ женскую и мужскую гимназію, изъ коихъ въ послѣдней присутствовалъ нѣкоторое время на экзаменѣ по латинскому языку. При посѣщеніи Воскресенской кладбищенской церкви преосвященный Алексій выказалъ еще одну прекрасную черту своего характера—это глубокое почтеніе къ памяти усопшихъ, соединенное съ глубокимъ смиреніемъ, а именно: здѣсь онъ выразилъ желаніе отслужить панихиду на могилѣ недавно предъ тѣмъ скончавшагося настоятеля Ковенскаго собора и благочиннаго, протоіерея В. Попова. А такъ какъ псаломщика въ то время при сей церкви еще не было, то владыка не счелъ для себя унизительнымъ пѣть панихиду за псаломщика. Трогательную внимательность къ сему протоіерею преосвященный Алексій оказалъ еще при жизни его. Узнавъ о его тяжелой болѣзни, владыка прислалъ ему въ благословеніе отъ себя икону, съ которою больной не разлучался до самой смерти своей, неоднократно прикладывая ее съ благоговѣніемъ къ головѣ и груди и выказывая сильнѣйшее желаніе послужить хотя бы еще одинъ годъ съ такимъ архипастыремъ, какъ преосвященный Алексій. 6 іюня онъ посѣтилъ уѣздный городъ Виленской губерніи Лиду, въ которомъ пробылъ 7 часовъ. Отслуживъ молебенъ въ церкви и благословивъ народъ, собравшійся въ большомъ количествѣ, при

чемъ всѣхъ подходившихъ за благословеніемъ онъ надѣлилъ книжками и крестиками, въ тотъ же день возвратился въ Вильну. А на другой день неутомимый архипастырь предпринялъ уже новое и неблизкое путешествіе въ знаменитый въ исторіи православія въ сѣверо-западномъ краѣ — Жировицкій монастырь, находящійся въ Слонимскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи. Ковстрѣчѣ владыки собрались въ 7½ часовъ утра въ монастырскій храмъ—братія обители, учащіе и учащіяся въ находящемся въ семъ монастырѣ издавна духовномъ училищѣ, и жители мѣстечка Жировицы, чтобы впервые увидѣть и принять благословеніе отъ своего новаго архипастыря. Въ 8½ часовъ прибылъ владыка, посѣтивъ при томъ еще церкви въ мѣстечкѣ Бытенѣ и Миронимѣ, лежавшія ему по пути, и, пріѣхавъ въ монастырь, прямо отправился въ храмъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ подобающею честью благочиннымъ монастырей и настоятелемъ монастыря съ братіей. Послѣ встрѣчи, преосвященный Алексій, не смотря на утомленіе отъ продолжительнаго пути, присутствовалъ на литургіи, по окончаніи которой въ настоятельскихъ покояхъ ему представлялась братія монастыря и училищный штатъ. Затѣмъ онъ отправился въ училище на экзаменъ учениковъ I класса по Св. Исторіи. Спросивъ четырехъ учениковъ по сему предмету, Владыка вызвалъ по нѣскольку учениковъ II, III и IV классовъ и экзаменовалъ ихъ по всѣмъ предметамъ училищнаго курса. По окончаніи экзамена, онъ отправился въ училищную столовую, гдѣ благословилъ пищу учениковъ и пробовалъ хлѣбъ. Въ этотъ же день онъ совершилъ съ обычною ему торжественностію всенощное бдѣніе, а на другой день и литургію, при стеченіи массы народа, которая послѣ подходила къ нему за благословеніемъ. И, несмотря на естественное утомленіе послѣ такого продолжительнаго молитвеннаго подвига, Владыка не преминулъ прочитывать въ 5 часовъ вечера, по заведенному обычаю въ Жировицкомъ монастырѣ, акаѣистъ Божіей Матери, а по окончаніи онаго—осмотрѣть храмъ монастырскій и ризницу, и въ 8 час. вечера присутствовать на ужинѣ и вечерней молитвѣ учениковъ духовнаго училища. 9 іюня въ 12 час. дня, отслуживъ молебенъ предъ чудотворнымъ образомъ Жировицкой Божіей Матери и преподавъ благословеніе братіи монастыря и ученикамъ училища, владыка отправился въ г. Слонимъ и посѣтилъ по пути нѣкоторыя села. Самое мѣстечко Жировицы, по своему живописному положенію, произвело на него пріятное впечатлѣніе и напомнило ему Виѣанскую духовную семина-

рію, находящуюся въ такомъ-же уединеніи и въ такихъ-же климатическихъ условіяхъ, какъ и Жировицкое духовное училище. 21 іюня, по приглашенію военнаго начальства прибыть на освященіе памятника Скобелеву, пр. Алексій служилъ въ м. Оранахъ, въ церкви артиллерійскаго вѣдомства. На вокзалѣ „Ораны“ онъ былъ встрѣченъ офицерами, а вблизи церкви генераль-лейтенантомъ Евреиновымъ и другими генералами и офицерами, а также войсками, расположенными шпалерами вокругъ церкви на большомъ пространствѣ. Послѣ представленія офицеровъ и ихъ семействъ, Владыка съ крестнымъ ходомъ прибылъ въ церковь, гдѣ былъ встрѣченъ мѣстнымъ священникомъ. Въ 7 ч. вечера было совершено всенощное бдѣніе, причемъ литія и благословеніе хлѣбовъ были совершены Владыкою подъ открытымъ небомъ¹, на обширной площади, предъ памятникомъ по убиеннымъ воинамъ. Въ 10 часовъ вечера богослуженіе окончилось, и Владыка былъ радушно принятъ гостепріимнымъ хозяиномъ, генераломъ Евреиновымъ, въ своей квартирѣ. На другой день, въ 10 ч. утра, при колокольномъ звонѣ, съ военною музыкой, сопровождаемый всѣмъ генералитетомъ, Высокопреосвященный, въ предшествіи сослужащаго духовенства, прибылъ въ церковь, гдѣ и совершилъ литургію, а послѣ оной молебень. Затѣмъ Владыка окропилъ святою водою начальниковъ и войска по фронту. Въ предшествіи же крестнаго хода и въ преднесеніи иконы св. Троицы и Евангелія окропленъ былъ святою водою и лазаретъ съ больными солдатами. Только въ 2 часа Владыка „со славой“ и при исполненіи хорами военной музыки гимна „Коль Славенъ“ прослѣдовалъ въ отведенное ему помѣщеніе, откуда, впрочемъ, въ скоромъ времени отбылъ на мѣсто, гдѣ поставленъ былъ памятникъ, отстоящее отъ церкви въ 1½ верстахъ и куда уже отправилось духовенство, военное начальство и народъ... По прибытіи Владыки, котораго военная музыка снова встрѣтила гимномъ „Коль Славенъ“, отслуженъ былъ водосвятный молебень. Во время окропленія памятника, снято было скрывавшее его покрывало, и предъ глазами зрителей предсталъ прекрасный гранитный памятникъ, устроенный въ память пребыванія въ Оранахъ М. Д. Скобелева. Во время многолѣтня Царствующему дому грянулъ залпъ изъ орудій. Затѣмъ умили-

¹ Нужно замѣтить, что пр. Алексій и въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ, когда позволяла погода, совершалъ литію на всепошномъ бдѣніи въ храме, что производило весьма сильное впечатлѣніе не только на православныхъ, но и на вновѣрцевъ.

тельно-торжественно была отслужена панихида по М. Д. Скобелеву и другим генералам и воинам, павшим на поле битвы в последнюю войну. Пѣніе „вѣчная память“ также сопровождалось пушечными залпами. Вокругъ памятника „бѣлому генералу“ стояли при своихъ складныхъ богатыхъ иконахъ Скобелевскіе солдаты. Только въ 4 часа окончилось богослуженіе. Послѣ обѣда въ квартирѣ генерала Евреинова, Владыка въ 7¹/₂ ч. вечера еще разъ посѣтилъ Оранскую церковь, изъ которой, послѣ молитвы и благословенія, преподаннаго войскамъ, отбылъ на вокзалъ, въ сопровожденіи военныхъ чиновъ, для слѣдованія въ Вильну. Прошла только одна недѣля, и Владыка снова отправился въ путешествіе въ г. Бѣлостокъ, весьма важный уѣздный городъ Гродненской губерніи, гдѣ, на пути въ соборъ, посѣтилъ церковь драгунскаго полка, у которой хоръ военной музыки встрѣтилъ его гимномъ „Коль Славень“. Изъ Бѣлостока въ 5¹/₂ часовъ вечера пр. Алексій прибылъ въ Супрасльскій монастырь, при чемъ карета и лошади для владыки были предложены однимъ изъ мѣстныхъ фабрикантовъ, нѣмцемъ католическаго вѣроисповѣданія, Альтомъ. Послѣ обычной встрѣчи, преосвященный совершилъ всенощное бдѣніе, начавшееся въ 7 ч. и окончившееся въ 11¹/₂ ч. вечера, при чемъ до литіи Владыка стоялъ на настоятельскомъ мѣстѣ, прекрасной работы, устроенномъ при первомъ отъ иконостаса столбѣ—въ полуоборотѣ, по образцу устройства таковыхъ мѣстъ въ церквахъ восточныхъ. На другой день, то-есть, 29 іюня, Владыка служилъ литургію, которая съ молебномъ окончилась въ 2 ч. дня, послѣ чего благословлялъ народъ и раздавалъ ему крестики и книжки. Въ 6 ч. вечера онъ подробно осматривалъ монастырь и затѣмъ слушалъ всенощную. 30-го іюня, въ 8¹/₂ ч. утра, пр. Алексій пришелъ въ церковь и, приложившись къ св. иконамъ, преподалъ свое благословеніе съ земнымъ поклономъ всѣмъ собравшимся въ церкви братіи и народу. Прощаніе съ братіей было вообще трогательное: многіе изъ оной послѣ плакали, видя въ своемъ архипастырѣ такое глубокое смиреніе. А міряне, какъ православные, такъ и иновѣрные, не находили словъ для выраженія тѣхъ своихъ чувствъ, какія они испытывали, присутствуя при богослуженіи владыки. Прибывъ изъ Супрасля въ Бѣлостокъ, пр. Алексій совершилъ литургію въ церкви Драгунскаго полка и, затѣмъ, посѣтивъ институтъ благородныхъ дѣвицъ и сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, отбылъ въ Вильну. 20-го сентября онъ ѣздилъ въ Молодечно, мѣстечко, находящееся въ

Виленьскай губерніі, Вилейскаго уѣзда, гдѣ 21-го числа служилъ литургію въ приходской церкви, а наканунѣ — всенощное бдѣніе въ домовоі церкви молодечненской учительской семинаріі. Послѣ литургіі, онъ посѣтилъ семинарію и далъ при семъ наставленіе ученикамъ. Въ книгѣ, заведенной для подписи почетныхъ посѣтителей, онъ росписался такъ: „20 и 21 сентября 1886 г. Алексій, архіепископъ литовскій, слышалъ прекрасное чтеніе воспитанниковъ въ церкви и посѣтилъ семинарію, призвавъ благословеніе Божіе въ помощь трудящимся въ обученіи другихъ и себя“. При семъ не неумѣстно будетъ замѣтить, что владыка по нѣскольку разъ въ годъ посѣщалъ свѣтскія среднія учебныя заведенія г. Вильны, присутствуя на урокахъ закона Божія. Между прочимъ, при посѣщеніи одного изъ сихъ заведеній въ постный день, на приглашеніе директора посѣтитъ столовую учениковъ и благословитъ трапезу, владыка, узнавъ, что обѣдъ воспитанникамъ подается скоромный, отвѣтилъ отказомъ на приглашеніе, выразивъ чрезъ это довольно внушительное назиданіе кому слѣдуетъ. Кажется, что это именно обстоятельство имѣло своимъ послѣдствіемъ отиѣну скоромнаго стола въ постные дни для воспитанниковъ сего заведенія. Въ дни храмовыхъ праздниковъ церквей Виленьскихъ учебныхъ заведеній владыка также всегда, по приглашенію начальствъ оныхъ, служилъ въ нихъ. Экзамены по закону Божію въ высшихъ классахъ гимназій непремѣнно прозводились въ присутствіи Владыки, который почти весь экзамень выслушивалъ, предлагая при семъ вопросы экзаменующимся съ обычною ему привѣтливостію и снисходительностію, такъ что учащіеся считали за счастье отвѣчать при немъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ своей поѣздки въ Молодечно, для посѣщенія учительской семинаріі въ ономъ, преосвященный Алексій потерялъ одного изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ—пр. Смарагда, епископа Ковенскаго, скончавшагося отъ тифозной горячки. Слабое здоровье сего епископа, приѣхавшаго на новое поприще служенія изъ Константинополя въ Ковну, отличающуюся переменнымъ нездоровымъ климатомъ, всегда вызывало большое вниманіе высокопреосвященнаго. Онъ очень заботился о томъ, чтобы не давать ему какого-либо порученія, непосильнаго для него, и очень радовался, когда узнавалъ, что здоровье пр. Смарагда хотя настолько удовлетворительно, что онъ могъ въ тотъ или другой день совершать богослуженіе. А тяжеляя болѣзнь пр. Смарагда вызвала самое трогательное

участіе со стороны пр. Алексія къ болящему. Узнавъ о болѣзни его, владыка 26-го сентября, тотчасъ же послѣ литургій, отслуженной имъ въ церкви Свято-Троицкаго монастыря, по случаю храмоваго праздника, отбылъ въ Ковну, чтобы навѣстить болящаго пр. Смарагда, чѣмъ весьма его обрадовалъ. Когда же онъ скончался—2-го октября, то пр. Алексій первымъ дѣломъ распорядился чрезъ консисторію, чтобы по всеѣмъ церквамъ литовской епархіи въ теченіе года совершалось поминовеніе усопшаго съ особыми заупокойными литургіями и панихидами во дни кончины, 9, 20 и 40 день, полугодовой и годовой. Самое погребеніе тѣла почившаго святителя было совершено пр. Алексіемъ съ такою торжественностію, какую могъ устроить, кажется, только онъ одинъ. 3-го октября Владыка отбылъ изъ Вильны въ Ковну и тотчасъ же, по пріѣздѣ, совершилъ выносъ тѣла изъ архіерейскихъ покоевъ въ соборъ, и затѣмъ, послѣ панихиды, отслужилъ заупокойное всенощное бдѣніе по кievскому чину, а на другой день служилъ литургію и панихиду послѣ одной. Вечеромъ, 4-го октября, вмѣстѣ съ пр. Анастасіемъ, епископомъ Брестскимъ, коего онъ пригласилъ прибыть изъ Гродны и принять участіе въ погребеніи пр. Смарагда, совершилъ всенощное бдѣніе, а 5-го октября—литургію, начавшуюся въ 8 ч. утра. По его приказанію, прибыли въ Ковну почти все члены консисторіи изъ Вильны, привезена была хоругвь свято-духовскаго братства, предсѣдателемъ котораго былъ покойный. Точно также были отправлены въ Ковну ко дню погребенія 6 учениковъ Литовской духовной семинаріи и 4 ученика Виленскаго духовнаго училища. Послѣ чина отиѣванія, совершеннаго безъ всякихъ пропусковъ, Владыка, предложивъ пр. Анастасію отправиться въ покои, самъ, на протяженіи 4-хъ верстъ, начиналъ отъ собора и до вокзала желѣзной дороги, сопровождалъ пѣшкомъ гробъ, несмотря на дождливую погоду. Изъ уваженія, конечно, къ пр. Алексію, на отиѣваніе тѣла пр. Смарагда прибылъ изъ Вильны и Виленскій генераль-губернаторъ. Дошедши до вокзала, Владыка затѣмъ отправился въ каретѣ впередъ въ Пожайскій монастырь, лѣтнее мѣстопробываніе Ковенскихъ епископовъ, гдѣ была приготовлена и могила для тѣла пр. Смарагда. Погребальная процессія производила особенно торжественное впечатлѣніе, когда вступила, при захожденіи дня, въ глубокой сосновый лѣсъ, находившійся около монастыря. Насталъ уже ранній осенній вечеръ, при чемъ дождливая погода еще болѣе увеличивала темноту вечера. Впереди гроба, везомаго на погре-

бальной колесницѣ, несли фонари съ зажженными свѣчами, хоругви, иконы и регалии усопшаго и шли священники. Далекое по лѣсу раздавалось пѣніе пѣвчихъ и надъ всѣмъ этимъ раздавались медленные заунывные звуки колоколовъ на колокольнѣ Пожайскаго монастыря; уже въ седьмомъ часу вечера процессія прибыла къ воротамъ монастырскимъ, гдѣ и была встрѣчена пр. Алексіемъ. Послѣ краткой литіи, гробъ былъ опущенъ въ могилу, устроенную въ склепѣ, въ монастырскомъ храмѣ. Несмотря на то, что владыка находился въ служебнѣ съ 8 ч. утра и, конечно, нуждался въ подкрѣпленіи себя пищей и отдыхомъ, а также на шедшій сильный дождь, онъ не отказался отслужить двѣ литіи на могилахъ около храма, по просьбѣ двухъ участвовавшихъ на похоронахъ генераловъ, по распоряженію которыхъ были выстроены шпалерами войска съ музыкой, при слѣдованіи погребальной процессіи отъ собора до вокзала. И уже только въ 8 ч. вечера состоялся номинальный обѣдъ. Предоставляемъ читателямъ судить о томъ, какое глубокое чувство благодарности къ себѣ оставилъ пр. Алексій въ сердцахъ сихъ генераловъ. И въ 9 и 20 день по кончицѣ пр. Смарагда, Владыка служилъ заукойную литургію въ свято-духовскомъ монастырѣ, при чемъ обязательно присутствовали воспитанники и воспитанницы Виленскихъ духовно-учебныхъ заведеній. Въ сороковой день заукойное богослуженіе совершено было Владыкой въ Пожайскомъ монастырѣ, при чемъ и въ Вильнѣ, въ Свято-духовскомъ монастырѣ, было также совершено торжественное заукойное моленіе, какъ и въ 9 и 20 день, въ присутствіи учащихся. Такъ Владыка почтилъ память своего сотрудника по управленію Литовской епархіей, хотя сотрудника очень кратковременнаго и очень болѣзненнаго, а потому весьма мало что могшаго сдѣлать въ помощь пр. Алексію.

Говоря объ отношеніяхъ его къ пр. Смарагду, неумѣстно будетъ сдѣлать здѣсь замѣчаніе объ отношеніяхъ высокопреосвященнаго и ко всѣмъ вообще своимъ викаріямъ. Отношенія эти были проникнуты духомъ братской любви и уваженія. При той полнѣйшей самостоятельности, какую Владыка сохранялъ въ управленіи епархіей, пр. викаріямъ оставалось исполнять только то, что имъ предлагалось имъ. И пр. Алексій, давалъ какое-либо порученіе пр. викаріямъ, дѣлалъ это съ величайшею деликатностію. Это подтверждается нѣкоторыми его резолюціями: такъ на протоколѣ консисторіи о необходимости совершить освященіе Лосинской церкви, владыка написалъ: „Преосвящен-

нѣйшаго Антонина прошу, если окажется для него удобнымъ, совершить освященіе вновь устроенной церкви. Докладъ сей и другія относящіяся къ нему бумаги препроводить въ подлинникъ къ пр. Антонину¹. Точно также, при назначеніи уѣздовъ, которые слѣдовало обозрѣть при посѣщеніи церквей пр. викаріями, владыка согласовался съ ихъ собственными соображеніями по сему дѣлу, при чемъ поступался своимъ матеріальнымъ вознагражденіемъ за посѣщеніе церквей въ пользу своихъ помощниковъ. Такъ на докладъ консисторіи о распределеніи прогонныхъ денегъ въ 1887 г. между архіереями за ревизію церквей въ семь году, владыка написалъ: „Изъ имѣющихся на лицо прогонныхъ денегъ предоставить пр. Антонину 300 р., пр. Анастасію 200 р. и мнѣ остальные. О семь доложить пр. викаріямъ съ прописаніемъ опредѣленія и резолюціею и дѣло сіе считать оконченнымъ“. Особеннымъ уваженіемъ и благорасположеніемъ пр. Алексія пользовался изъ преосв. викаріевъ пр. Ковенскій Антонинъ (нынѣ Псковскій и Порховскій). Посему, когда онъ только-что прибылъ въ Вильну изъ Твери, (откуда былъ переведенъ въ викаріи), по распоряженію Владыки, все духовенство города Вильны, а также и служащіе по духовно-учебному вѣдомству, явились представиться ему; равно также Владыка, находясь самъ въ С-Петербургѣ, сдѣлалъ оттуда распоряженіе, чтобы Виленское духовенство и служащіе по духовно-учебному вѣдомству явились поздравить пр. Антонина съ назначеніемъ на самостоятельную кафедру — въ Витебскъ и устроилъ ему въ своихъ покояхъ прощальный обѣдъ, пригласивъ къ оному самолично указанныхъ имъ гостей и приказавъ, кромѣ сего, поднести въ напутствіе отъѣзжающему владыкѣ иконы. Не отказался пр. Алексій и отъ назначенія ему въ викаріи, послѣ пр. Антонина—пр. Кирилла, уволившагося ранѣе того на покой, по слабости зрѣнія и вообще здоровья. Послѣдній пережилъ пр. Алексія только на полтора мѣсяца, внезапно скончавшись 26 декабря 1890 г., между прочимъ, вслѣдствіе непосильнаго для него труда по управленію Лптовскою епархіей, который былъ возложенъ на него временно Св. Синодомъ, послѣ смерти высокопреосвященнаго Алексія¹.

¹ Пр. Кириллъ скончался въ г. Вильнѣ въ тѣхъ-же покояхъ, какіе занималъ и пр. Алексій. Внезапная смерть двухъ архіереевъ произвела удручающее впечатлѣніе на православныхъ жителей города Вильны и подала поводъ къ неблагопріятнымъ толкамъ относительно православныхъ въ католическомъ народонаселеніи.

Насталъ 1887 г. изъ наиболѣе торжественныхъ богослуженій пр. Алексія въ этомъ году особенное вниманіе обращаетъ на себя совершеніе имъ 22 февраля, въ недѣлю православія, въ Виленскомъ кафедральномъ соборѣ, обряда православія, который въ послѣдній разъ былъ совершенъ въ Вильнѣ въ 1858 г. митрополитомъ Іосифомъ въ Троицкомъ монастырѣ.

Такое долговременное несовершенство сего обряда послужило поводомъ къ разговорамъ о томъ, что въ Вильнѣ запрещено особымъ распоряженіемъ совершать сей обрядъ. Возстановленіе же совершенія сего обряда православія пр. Алексіемъ въ Вильнѣ вызвало, къ удивленію, даже нѣкоторое нареканіе на него, и при томъ со стороны, между прочимъ, нѣкоторыхъ лицъ изъ Виленскаго духовенства, за то якобы, что онъ чрезъ это могъ внушить иновѣрующимъ мысль о нетерпимости православной церкви къ послѣднимъ! Но какъ бы то ни было, обрядъ православія былъ совершенъ съ полною торжественностію, при чемъ соборъ былъ переполненъ народомъ и съ 1887 г. и доселѣ обрядъ сей совершается въ Виленскомъ кафедральномъ соборѣ, не вызывая уже тѣхъ несправедливыхъ укоризнъ, которыя пришлось перенести возстановителю сего обряда высокопреосвященному Алексію. Въ мартѣ мѣсяцѣ сего же года, за нѣсколько дней до праздника Благовѣщенія, Владыка, питая глубокое уваженіе и любовь къ бывшему своему сослуживцу по Московской Академіи, пр. Михаилу, епископу Курскому, счелъ своимъ священнымъ долгомъ съѣздить въ Курскъ для погребенія его, хотя и не былъ назначенъ для того Св. Синодомъ. Съ наступленіемъ лѣта, онъ отправился для обычнаго обозрѣнія своей епархіи, при чемъ въ Гродненской губерніи совершилъ служеніе въ городахъ: Вѣльскѣ, Брестѣ, Кобринѣ, Пружанакъ и Волковыскѣ. 29 іюня, пр. Алексій впервые служилъ въ этотъ день въ открытомъ имъ отдѣленіи Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря—въ бывшемъ Борунскомъ монастырѣ ¹.

Всенощное бдѣніе, начавшееся въ 6 ч. вечера, окончилось въ 10½ часовъ, при чемъ литія, съ хожденіемъ по четыремъ

¹ Монастырь сей былъ закрытъ еще при архіепископѣ Макаріи. Но пр. Алексій, считая возстановленіе сего монастыря полезнымъ, въ видахъ преуспѣнія православія въ Литовской епархіи, равно какъ и учрежденіе вновь женскаго въ м. Антолептахъ, Ковенской губерніи ¹, испросилъ 10.000 р. пособія изъ суммъ Св. Синода на возобновленіе его въ благолѣпномъ видѣ.

¹ Этотъ монастырь уже открытъ въ 1893 году.

сторонамъ храма, совершена была на открытомъ воздухѣ. На другой день, послѣ литургіи, начавшейся въ 10 часовъ утра, Владыка совершилъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ около церкви, съ чтеніемъ Евангелія, по сторонамъ оной, и окропленіемъ святою водою молящагося народа. Неутомимый архинастырь самъ причастилъ до 1000 человекъ народу и преподалъ благословеніе каждому богомольцу, такъ что изъ церкви онъ вышелъ только въ 5 ч. вечера, да и то благодаря полиціи, принявшей мѣры къ облегченію ему выхода изъ церкви. Такъ-же продолжительно совершено было богослуженіе преосвященнымъ Алексіемъ въ Боруцкомъ монастырѣ и 29 Іюня 1890 г., въ послѣдній годъ его жизни, и притомъ несмотря на уже явно открывшееся болѣзненное состояніе въ организмъ его. На обѣдѣ (который всегда устраивался, по распоряженію Владыки, въ этотъ день для духовенства и другихъ почетныхъ гостей), по поводу своего разговора съ начальникомъ жандармскаго управленія относительно награжденія владыкой въ тотъ день набодренникомъ іеромонаха Діонисія, преосвященный Алексій замѣтилъ, что онъ потому неожиданно для сего іеромонаха наградилъ его, что „неожиданность награды пріятнѣе награждаемому“. Изъ Боруцъ Высокопреосвященный отправился для обозрѣнія церквей по Ошмянскому уѣзду Виленской губерніи. Во всѣхъ церквяхъ, гдѣ онъ ни служилъ литургіи, владыка непременно совершалъ молебенъ храмовому празднику, при чемъ преподавалъ благословеніе каждому изъ присутствовавшихъ въ храмѣ и надѣлялъ при томъ крестикомъ и брошюрой. Изъ церкви владыка заходилъ, обыкновенно, въ домъ священника, гдѣ благодушно велъ бесѣду съ присутствующими за чаемъ или за закускою. Церковныхъ документовъ онъ не разсматривалъ, возлагая это на обязанность и отвѣтственность благочиннаго. Большой свиты съ собою онъ не бралъ, кромѣ протодіакона, ѱподіакона и келейника, справедливо считая это большимъ обремененіемъ для духовенства. Не любилъ онъ также, когда его принимали не по средствамъ, съ изысканными блюдами и винами. Хозяйку дома онъ всегда отблагодаривалъ иконою, при чемъ тамъ, гдѣ онъ только имѣлъ чай или обѣдъ, но не ночлегъ,—хозяику давалъ икону безъ ризы, тогда какъ хозяйку, позаботившейся объ устройствѣ ему ночлега, давался образокъ въ серебряной ризѣ. Какое глубокое впечатлѣніе производило это вниманіе владыки на хозяйку дома, можно судить по слѣдующему случаю: одна матушка Трокскаго уѣзда, Виленской губерніи, которая имѣла счастье устроить въ своемъ домѣ ночлегъ для вы-

сокопресвященнаго и которую онъ за то благословилъ при отъѣздѣ иконой въ серебряной ризѣ, говорила послѣ этого, что она много архіереевъ принимала у себя въ домѣ и ни отъ кого такой внимательности къ себѣ не видала, какъ отъ пресвященнаго Алексія, и завѣщала своему мужу, чтобы онъ этотъ образъ положилъ въ гробъ ея съ нею. При слѣдованіи Владыки по ревизіи; иногда трогательнымъ образомъ высказывались любовь къ нему простаго народа: такъ на половинѣ дороги, при проѣздѣ его изъ м. Вишнева въ Воложинъ, случилось обстоятельство, никѣмъ не предвидѣнное и совершенно неожиданное. Въ деревнѣ Саковцизнѣ, приписанной въ Словенской церкви, крестьяне трехъ деревень, зналъ, что владыка, по случаю поздняго времени, въ немъ не заѣдетъ, съ 12¹/₂ ч. дня и до 7 вечера, въ количествѣ 600 человекъ, ждали его проѣзда на дорогѣ, у поворота къ кладбищенской церкви. Проѣзжавшіе впереди его благочинный и исправникъ, удивленные необычайнымъ стеченіемъ народа на проѣзжемъ трактѣ, на вопросъ о причинѣ собранія получили отвѣтъ, что всѣ они являются съ просьбою, чтобы владыка благословилъ ихъ. Никакія убѣжденія и просьбы, чтобы владыку не задерживали, такъ какъ онъ спѣшитъ ко всеобщему бдѣнію въ Воложинскую церковь, не подѣйствовали, и народная толпа стояла на своемъ: „хотимъ, чтобы владыка благословилъ насъ хотя изъ кареты“. Между тѣмъ приближалась и его карета. Когда благочинный доложилъ ему о желаніи народа, владыка вышелъ изъ кареты и около часа съ любовію благословлялъ народъ, надѣляя каждого изъ подходящихъ крестиками и надѣтей возлагая свои святительскія руки. Солнце уже садилось, какъ онъ кончилъ благословлять народъ. Поблагодаривъ его за горячую любовь къ своему архипастырю, и преподавъ имъ нѣсколько религіозно-нравственныхъ наставленій, онъ затѣмъ направился въ Воложинъ, напутствуемый радостными благопожеланіями и безпредѣльною радостію осчастливленныхъ милостивымъ вниманіемъ своего архипастыря. А насколько сильное впечатлѣніе производило и въ Литовской епархіи на простой народъ благоговѣйное служеніе Владыки, видно изъ того, что, когда онъ служилъ всеобщее бдѣніе въ Опшмянскомъ храмѣ, одна изъ крестьянокъ сказала своей сосѣдкѣ въ церкви: „этакаго бискупа и не было и не будетъ; тамъ іакъ самого Бога збачили“ (т. е. такого архіерея не было и не будетъ; тамъ, т. е. въ храмѣ, мы его какъ самого Бога видѣли). Даже и евреи относились къ высокопресвященному съ чувствомъ глубокаго

уваженія, находи въ его величественной наружности сходство съ ветхозавѣтными первосвященниками, и это свое чувство они выразили нагляднымъ образомъ, въ мѣстечкѣ Воложинѣ, когда по выходѣ высокопреосвященнаго изъ церкви, его встрѣтила съ хлѣбомъ и солию и „десятословіемъ“ Моисея депутація отъ Воложинскихъ евреевъ, во главѣ съ своимъ раввиномъ, которая поднесла ему въ даръ пятокнижіе Моисея на древне-еврейскомъ языкѣ. Въ сказанной ученымъ раввиномъ рѣчи была выражена та мысль, что подносимая ему книга составляетъ главную святыню у евреевъ, которое Воложинское еврейское общество осмѣлилось поднести его высокопреосвященству и просить о принятіи этого дара на память. Высокопреосвященный поцѣловалъ „десятословіе“ и пятокнижіе, причемъ въ краткихъ, но сильныхъ словахъ, выразилъ благодарность еврейскому обществу. Поднесенное владыкѣ пятокнижіе представляло довольно объемистую книгу въ $\frac{1}{4}$ долю листа въ фіолетовомъ бархатномъ переплетѣ, съ слѣдующею тисненою на корешкѣ надписью: Еврейское общество Воложина. 1887 г.“ Нѣкоторое время евреи колебались въ своемъ намѣреніи поднести библию, предполагая, что онъ не приметъ дара отъ нихъ. Поэтому, когда высокопреосвященный поцѣловалъ „десятословіе Моисея, съ которымъ встрѣтили его евреи, а также пятокнижіе, радость и восторгъ евреевъ были велики. Къ знаменательнымъ событіямъ изъ жизни преосвященнаго Алексія въ 1888 году нужно отнести празднованіе имъ девятисотлѣтняго юбилея со времени принятія Русью христіанства 15 іюля. Къ этому дню владыка получилъ приглашеніе отъ преосв. Симферопольскаго Мартиніана прибыть на великое Всероссійское торжество въ Тавриду, архипастыремъ которой онъ состоялъ два мѣсяца. На сіе приглашеніе высокопреосвященный отвѣтилъ письмомъ слѣдующаго содержанія: отношеніемъ отъ 7 іюля сего года ваше преосвященство удостоиваете меня высокой чести приглашеніемъ къ участию въ великомъ торжествѣ, имѣющемъ быть въ Херсонскомъ монастырѣ въ память девятисотлѣтія крещенія Руси. Приношу вашему преосвященству глубокую благодарность за оказанную мнѣ честь, которою съ великимъ утѣшеніемъ воспользовался бы тѣмъ болѣе, что при этомъ имѣлъ бы увидѣть епархію, которой епископомъ я былъ нѣкоторое время, но которой не видалъ; но, къ глубокому сожалѣнію, не могу имѣть этого утѣшенія, такъ какъ въ великій день, 15 іюля, обязанъ быть на своемъ мѣстѣ, гдѣ предполагается особенное торжество, при собраніи всѣхъ граж-

данскихъ и военныхъ чиновъ, которыхъ въ Вильнѣ великое множество. Не могу предложить и викаріямъ моимъ отправиться въ Тавриду, такъ какъ каждый изъ нихъ живетъ въ губернскомъ городѣ—одинъ въ Ковнѣ, а другой въ Гроднѣ, гдѣ также полагаются торжественныя собранія на богослуженія и крестные ходы, въ присутствіи всѣхъ гражданскихъ и военныхъ властей. Смиренно прошу, ваше преосвященство, простить мнѣ, что не могу исполнить вашего желанія и доставить себѣ великое утѣшеніе видѣть благословенную Тавриду и ея святыни и красоты природы. Смиреннѣйше же прошу, ваше преосвященство, принять привѣтствіе съ великимъ Всероссійскимъ и вашимъ особеннымъ торжествомъ. Молитвами св. Равноапостольнаго князя Владиміра, да устроитъ Господь ваше торжество къ духовному утѣшенію вашего преосвященства и паствы вашей. Смиреннѣйше же испрашивая себѣ архипастырскаго благословенія Вашего преосвященства и святительскихъ молитвъ, съ глубочайшимъ почитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію имѣю честь пребыть Вашего преосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, смиреннѣйшій послушникъ Алексій, архіепископъ Литовскій и Виленскій“.

15 іюля владыка въ Вильнѣ очень торжественно отпраздновалъ этотъ Всероссійскій праздникъ. Во время всенощнаго бдѣнія, которое совершено было имъ въ кафедральномъ соборѣ, высокопреосвященный раздавалъ брошюры, относящіяся къ событію дня, такъ что всенощное бдѣніе окончилось въ 11¹/₂ часовъ вечера. Послѣ литургіи, крестный ходъ прослѣдовалъ изъ кафедральнаго собора на рѣку Вилію между войсками, расположенными шпалерами по всему пути, гдѣ и совершенъ былъ водосвятный молебенъ. При семъ умѣстно замѣтить, что съ подобнаго рода торжествомъ владыка ежегодно совершалъ великое водосвященіе 6 января, служа литургію въ этотъ день въ Пречестинскомъ соборѣ, при чемъ, при погруженіи креста въ воду, раздавался 31 пушечный выстрѣлъ изъ орудій, расположенныхъ на берегу Виліи. На обратномъ пути высокопреосвященный окроплялъ св. водой войска, расположенныя шпалерами отъ квартиры командующаго войсками до самой набережной рѣки Виліи, будучи сопровождаемъ послѣднимъ, при чемъ, при окропленіи войскъ св. водой, каждому офицеру владыка давалъ цѣловать крестъ. Нельзя не отнести къ чести владыки и то, что онъ обставилъ большою торжественностію совершеніе празднествъ по случаю царскихъ дней и нѣкоторыхъ другихъ. Въ скоромъ же времени, по своемъ прибытіи въ Вильну, высокопреосвященный Алексій

сдѣлалъ распоряженіе, чтобы все городское бѣлое и монашеское духовенство разъ навсегда, не ожидая предварительнаго оповѣщенія, являлось въ эти дни на молебны съ облаченіями въ соборъ Каѳедральный: 1 января, 26 февраля, 2 марта, 6 мая, 15 мая, 1 августа, 30 августа, 14 ноября, 6 и 25 декабря, въ день правданія возсоединенія униатовъ съ православною церковію, въ субботу Лазареву; 6 января—въ Пречистенскій соборъ, 22 іюля—въ Маріинскій женскій монастырь и въ великую пятницу—въ Свято-Духовскій монастырь. По окончаніи литургіи въ царскіе дни въ соборѣ, причемъ и всенощное бдѣніе съ литією, въ присутствіи воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, и очень нерѣдко и воспитанницъ Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства (за литургіей всегда присутствовали всѣ учащіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ г. Вильны) владыка совершалъ самъ, онъ, сопровождаемый командующимъ войсками и другими генералами, со славою шествовалъ изъ собора въ свои покои, причемъ хоръ военной музыки исполнялъ гимнь „Коль славенъ“. Съ соборной паперти владыка прежде всего истово благословлялъ всю толпу народа, собиравшагося въ большомъ количествѣ, и затѣмъ въ мантии шелъ по фронту войскъ, расположенныхъ для парада на соборной площади, въ предшествіи пѣвчихъ и сослужившаго съ нимъ въ тотъ день духовенства. На пновѣрцевъ такое торжественное шествіе владыки производило весьма сильное впечатлѣніе. А въ поколхъ владыки къ его приходу изъ собора собирались уже всѣ высокопоставленныя лица въ городѣ, во главѣ съ генераль-губернаторомъ, которые поздравляли высокопреосвященнаго съ торжественнымъ днемъ, а гостепріимный хозяинъ предлагалъ выпить шампанскаго за здоровье того изъ лицъ Царствующаго Дома, которое было виновникомъ торжества въ этотъ разъ. Но воздавая молитвой должную честь лицамъ Царствующаго Дома, находящимся въ живыхъ, владыка не оставлялъ молитвами и умершихъ Особъ Царской Семьи, а именно: онъ, по московскому обычаю, и въ Вильнѣ завелъ служеніе такъ-называемыхъ Царскихъ паннихидъ, назначивъ для того числа: въ январѣ—28 число, въ февралѣ—19, въ мартѣ—1, въ апрѣлѣ—17, а когда сіе число случится на Страстной, или Свѣтлой седмицѣ—то вторникъ на Троиной недѣлѣ; въ маѣ мѣсяцѣ—22 число, въ іюнѣ—25, въ іюль—21, въ августѣ—29, въ сентябрѣ—7, въ октябрѣ—20, въ ноябрѣ—19 и декабрѣ—5. Примѣнительно къ сему, согласно его же распоряженію, слѣдовало совершать Царскія

паннихиды и въ остальныхъ монастыряхъ и церквахъ епархіи. Впрочемъ, молитвенная заботливость архипастыря была обращена и на то, чтобы духовенство епархіи Литовской не забывало своєю молитвою и усопшихъ своихъ братьевъ, почему имъ было сдѣлано чрезъ консисторію приглашеніе священству епархіи всякій разъ, какъ прочтутъ о кончинѣ священника, чинить поминовеніе въ теченіе 40 дней, какъ о братѣ и сослужителѣ, ибо сіе и благоговѣйно, полезно и душѣ поминаемаго и душѣ помпнающихъ. „Надѣюсь, что духовенство, заключилъ свое предложеніе владыка, съ доброю и благоговѣйною совѣстію отнесется къ настоящему приглашенію“. Въ 1888 же году архипастырь былъ очень обрадованъ прошеніемъ старообрядцевъ Лазарцевской молельни, Виленскаго уѣзда, о принятіи ихъ въ церковь на правахъ единовѣрія и объ учрежденіи для нихъ особаго причта и построеніи храма. Эту свою радость онъ высказалъ, между прочимъ, въ своей резолюціи, положенной на докладѣ консисторіи по поводу сего прошенія старообрядцевъ, и которая гласила: „Слава Вседержителю Богу, всѣмъ человѣкомъ хотящему спастися и въ разумъ истины пріити“. 16 октября сего года онъ совершилъ освященіе церкви для нихъ по старопечатнымъ книгамъ, при чемъ и на Лазарцевскихъ старообрядцевъ произвелъ своимъ истовымъ служеніемъ такое же глубокое впечатлѣніе, какое производило на старообрядцевъ въ Москвѣ его служеніе. Въ этомъ же году состоялся вызовъ высокопреосвященнаго въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Самый отъѣздъ его состоялся 24 ноября. Въ 8 часовъ утра въ сей день, послѣ литургіи въ крестовой церкви, духовенство и служащіе по духовно-учебному вѣдомству собрались въ архіерейскомъ домѣ для прощанія со владыкой. Послѣдній просилъ у всѣхъ собравшихся напутственныхъ молитвъ о себѣ, обѣщая пребывать въ духовномъ союзѣ съ оставшимися пастырями и паствой, при чемъ до земли поклонился всѣмъ, каковымъ поклономъ отвѣтили ему и всѣ присутствовавшіе. Преподанъ каждому благословеніе и лобзаніе, владыка отпустилъ собравшихся со словомъ всепрощенія, мира и любви. Затѣмъ пр. Алексій посѣтилъ Свято-Духовскій монастырь, гдѣ у раки св. Виленскихъ мучениковъ слушалъ напутственный молебенъ, отслуженный братією монастыря, при пѣніи хора воспитанницъ Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства. Для проводовъ владыки на вокзалъ собралось все духовенство Виленское и очень многія высокопоставленныя лица, начиная съ генераль-губерна-

тора. И пока поѣздъ не скрылся изъ глазъ провожающихъ, Владыка не переставалъ благословлять ихъ. Возвращеніе его изъ С.-Петербурга, гдѣ онъ имѣлъ мѣстопробываніе на Ярославскомъ подворьѣ, послѣдовало 19 мая 1889 г. Послѣ встрѣчи на вокзалѣ высокопоставленными лицами, Владыка, при колокольномъ звонѣ, прослѣдовалъ въ Свято-Духовскій монастырь, гдѣ была ему устроена торжественная встрѣча. Приложившись къ мощамъ св. Виленскихъ мучениковъ и благословивъ каждого изъ присутствующихъ въ храмѣ, въ которомъ были и всѣ воспитанники и воспитанницы духовно-учебныхъ заведеній и множество народа, Владыка прослѣдовалъ въ каретѣ въ свой городской домъ, гдѣ собрались уже духовенство и служащіе по духовно-учебному вѣдомству. Преподавая здѣсь благословеніе каждому изъ присутствовавшихъ, Владыка, при общемъ вниманіи всѣхъ къ каждому его слову, осчастливилъ своимъ ласковымъ словомъ пишущаго сіи строки, выразивъ ему благодарность за составленную къ предстоявшему чрезъ нѣсколько недѣль послѣ сего пятидесятилѣтнему юбилею со дня воссоединенія униатовъ съ православною церковью—книгу о митрополитѣ Іосифѣ, общая и въ будущемъ не забывать своимъ вниманіемъ его трудовъ. Всѣхъ вообще присутствующихъ Владыка просилъ подумать сообща и въ отдѣльности, какъ бы получше отпраздновать приближавшійся уже юбилей 7 и 8 іюня. Дѣйствительно, времени до сего юбилея оставалось очень мало, а между тѣмъ, за отсутствіемъ Владыки изъ Вильны, почти ничего не было сдѣлано для приготовленія къ сему празднеству. И только высокопреосвященный Алексій могъ въ такое короткое время приготовить все нужное къ величественному празднованію сего юбилея. На другой день, по своемъ пріѣздѣ въ Вильну, владыка прибылъ въ консисторію для совѣщанія о томъ, какъ устроить торжество, а на слѣдующій день уже долженъ былъ, не отдохнувъ отъ дороги, выѣхать въ Минскъ, такъ какъ св. Синодомъ ему было поручено совершить погребеніе пр. Минскаго Варлаама, который участвовалъ въ хиротоніи его. И онъ совершилъ это погребеніе такъ торжественно, что, по словамъ очевидцевъ—жителей Минска, они никогда не видѣли такихъ торжественныхъ похоронъ. Своимъ служеніемъ и обходительностію со всѣми владыка положительно очаровалъ всѣхъ. Между тѣмъ напугилъ и самый день юбилея, собравшій въ Вильну множество лицъ и духовныхъ и свѣтскихъ, при чемъ среди гостей были первенствующие іерархи русской церкви. Юбилей этотъ, между прочимъ, показалъ, какимъ уваже-

ніемъ пользовался архипастырь Литовской церкви повсюду, и какъ высоко онъ старался поднять здѣсь именно своею благостію и смиреніемъ знамя православія. По поводу прїѣзда многихъ дорогихъ гостей, владыкѣ надлежало позаботиться, какъ получше принять ихъ, гдѣ помѣстить, какъ угостить. И обо всѣхъ онъ позаботился, всѣхъ удовольствовалъ, предусмотрѣлъ до мельчайшей подробности все, что относится должно было къ радушному принятію гостей ихъ и свиты. На юбилейное торжество прибыли митрополитъ Кіевскій Платонъ, архіепископъ Одесскій Никаноръ, епископъ Рижскій Арсеній, директоръ канцеляріи св. Синода, В. К. Саблеръ ¹, настоятель с.-петербургскаго Казанскаго собора, протоіерей А. А. Лебедевъ и протоіерей Наумовичъ, а также профессора—С.-Петербургской Духовной Академіи—М. О. Кояловичъ и Кіевской—Малышевскій. Всѣхъ гостей владыка встрѣчалъ на вокзалѣ. Не будемъ описывать, съ какимъ вообще торжествомъ былъ отпразднованъ юбилей. Укажемъ на тѣ только стороны праздника, въ которыхъ такъ или иначе проявилась замѣтнымъ образомъ распорядительность владыки и его внимательность по отношенію къ гостямъ. 8 іюня, въ самый день торжества, послѣ литургіи въ кафедральномъ соборѣ, совершенной митрополитомъ Платономъ, архіепископомъ Никаноромъ, самимъ высокопреосвященнымъ Алексіемъ, епископомъ (нынѣ архіепископомъ) рижскимъ Арсеніемъ, въ покояхъ владыки въ г. Вильнѣ состоялся обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ архипастыри, представители всего высшаго Виленскаго русскаго общества и учрежденій, депутаты изъ другихъ епархій, духовенство мѣстное, начальники и преподаватели духовно-учебныхъ заведеній. Во время обѣда были исполнены архіерейскими пѣвчими вмѣстѣ съ дворцовыми слѣдующіе концерты по выбору высокопр. Алексія: „Сей день“—Бортилицкаго и „Прїидите, возрадуемся Господеву“—его-же. Пѣли также кантаты св. Кириллу и Меѳодію, св. равноапостольному князю Владиміру и народный гимнъ. Во время трапезы, въ разное время, протодіаконъ провозглашалъ многолѣтія, сопровождаемыя общимъ пѣніемъ „многая лѣта“ какъ присутствующихъ на обѣдѣ, такъ и пѣвчихъ. Текстъ многолѣтія, также составленный самимъ преосв. Алексіемъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Первое многолѣтіе было возглашено Государю Императору и всему Царствующему Дому, второе — Св. Правительствующему

¹ Нынѣ товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода.

Синоду и членамъ онаго, участвовавшимъ въ великомъ дѣлѣ и святомъ трудѣ воссоединенія, высокопреосвященнѣйшему Исидору, митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому и Финляндскому и высокопреосвященнѣйшему Платону, митрополиту Кіевскому и Галицкому, „подъявшему великій трудъ любви для украшенія сего свѣтлаго торжества“ (своимъ присутствіемъ на ономъ), третье—высокопреосвященнѣйшему Никанору, архіепископу Херсонскому и Одесскому, преосвященнѣйшему епископу Рижскому и Митавскому Арсенію и всѣмъ преосвященнымъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ Православныя Россійскія Церкви, четвертое — „содѣйствовавшимъ устроенію сего свѣтлаго торжества—работъ Божіимъ боярину Константину, то-есть, оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву и трудящимся окрестъ него и вмѣстѣ съ нимъ“, пятое — „защищающимъ и охраняющимъ Святую Православную Церковь въ странѣ сей—бояринамъ Іоанну (бывшій генераль-губернаторъ Кохановъ) и Николаю (бывшій командующій войсками Виленскаго военнаго округа—генераль-отъ-инфантеріи Н. С. Ганецкій) ¹ и всѣмъ мірскаго чина людямъ, почтившимъ торжество сіе своимъ сочувствіемъ“, шестое и послѣднее—„старѣйшему въ причтѣ Литовскія церкви, свидѣтелю и участнику воссоединенія—протоіерею Виктору (каѳедральному протоіерею), всему освященному клиру и паствѣ Литовскія церкви и духовнымъ лицамъ иныхъ епархій, почтившимъ своимъ присутствіемъ сіе торжество.“

Въ отвѣтъ на сіи привѣтствія гостямъ, митрополитъ Платонъ въ концѣ обѣда возгласилъ тостъ за здоровье высокопреосвященнаго Алексія. Поблагодаривъ его за оказанное радушіе и сочувствіе, указавъ и на тѣ чувства и уваженія, какія издавна онъ питалъ къ нему, а теперь еще болѣе - благодаря близкому недавнему знакомству въ высшемъ церковномъ управленіи и добромъ общественному мнѣнію здѣсь, на мѣстѣ, указавъ и на то, что ему (митрополиту), надлежитъ уже малиться, а высокопреосвященному Алексію — расти, владыка-митрополитъ высказалъ пожеланіе, дабы мѣстная епархія, архипастыремъ которой онъ поставленъ и которая достойна вниманія и особенной заботы, благословляла имя своего архипастыря.

Послѣ обѣда, всѣ участвовавшіе въ ономъ, получили изъ рукъ митрополита Платона вмѣстѣ съ благословеніемъ и подарокъ на память о торжествѣ 8-го іюня 1889 года. Въ особые конверты

¹ Нынѣ генераль-адъютантъ.

съ печатною надписью: „Въ память 8-го іюня 1889 года, въ Вильнѣ,“ были вложены брошюры, изданныя Св. Синодомъ, Беседа митрополита Платона, произнесенная имъ въ сей день въ Виленскомъ кафедральномъ соборѣ, поученіе архіепископа Никанора, книжка въ память пятидесятилѣтія воссоединенія, изданная Свято-Духовскимъ Братствомъ, посланіе Св. Синода, брошюры: „Торжество Православія надъ уніей,“ „Что такое унія,“—изъ *Троицкихъ Листковъ*. Кромѣ того, сюда были вложены образочки и крестики, изготовленные по распоряженію Св. Синода. Передавая все это подходившимъ лицамъ, митрополитъ благословлялъ ихъ иконами, нерѣдко очень цѣнными, давалъ нѣкоторымъ лицамъ въ память торжества православія надъ уніей въ 1839 году серебряныя или бронзовыя медали; раздавалъ также нѣкоторымъ портреты дѣятелей эпохи воссоединенія униатовъ и составленную священникомъ Н. Д. Извъковымъ книгу: „Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ Литовскій и Виленскій“. При семъ нужно замѣтить, что какъ содержаніе остановившихся въ архіерейскихъ покояхъ гостей, такъ самый торжественный обѣдъ и всѣ подарки, раздававшіеся гостямъ — все это было устроено на личныя средства владыки. Самая раздача подарковъ происходила такимъ образомъ: каждый изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ, по окончаніи онаго, подходилъ подъ благословеніе къ митрополиту Платону, а преосвященный Алексій самъ подавалъ ему ту или другую икону, въ ризѣ или безъ оной и тѣмъ самымъ чрезъ внѣшнюю цѣнность иконы указывалъ какъ-бы степень своего вниманія къ тому или другому лицу. Все это, а также смиреніе хозяина и главнаго виновника устройства сего торжества, старавшагося какъ-бы отойти на задній планъ въ семъ празднествѣ, и земнымъ поклономъ поблагодарившаго митрополита Платона за его участіе въ торжествѣ, — произвело на присутствующихъ неизгладимое впечатлѣніе. А тѣ многочисленныя телеграммы, которыя высокопреосвященный получилъ, по случаю сего торжества отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ и, между прочимъ, отъ Іерусалимскаго патріарха Никодима, ясно свидѣтельствовали о томъ глубокомъ уваженіи, какимъ онъ пользовался въ глазахъ весьма многихъ лицъ. По окончаніи торжества, когда почтившіе его своимъ присутствіемъ архипастыри и другія высокопоставленныя лица-гости уѣзжали изъ Вильны, владыка почти каждого изъ нихъ проводилъ на вокзалъ, а митрополита Платона сопровождалъ въ его поѣздѣ и въ Ковну и въ мѣстечко Молодечно, гдѣ и простился съ нимъ на-

всегда. Ровно чрезъ три мѣсяца послѣ празднества юбилейнаго, архипастырь Литовскій съ великою честію похоронилъ старѣйшаго свидѣтеля и дѣятеля въ эпоху воссоединенія униатовъ, кафедральнаго протоіерея Гомолицкаго, отложивши по сему поводу свою поѣздку въ м. Дуниловичи для освященія церкви. Мало того: не смотря на то, что владыка далеко не симпатизировалъ сему протоіерею, между прочимъ, и за его крайне узкій сепаратизмъ и непріязненное отношеніе къ поступавшимъ на службу въ Литовскую епархію уроженцамъ великорусскихъ губерній¹, преосв. Алексій исполнилъ письменное желаніе умершаго протоіерея относительно того, чтобы та квартира, которую онъ занималъ по должности кафедральнаго протоіерея, оставалась за его семействомъ въ теченіе полугода². Въ сороковой день, послѣ смерти кафедральнаго протоіерея, владыка самъ отслужилъ панихиду на кладбищѣ, надъ могилой его. 17 сентября онъ, не смотря на дурную осеннюю погоду, совершилъ освященіе церкви, отложенное до сего времени, по причинѣ смерти протоіерея Гомолицкаго, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ своей епархіи—въ мѣстечкѣ Дуниловичахъ, Вилейскаго уѣзда, предпринявъ поѣздку сюда, съ одной стороны, чтобы не обременять преосв. Кирилла, епископа Ковенскаго, за слабостію вообще здоровья его, порученіемъ, можно сказать, непосильнымъ для него, освятить сію церковь, а съ другой,—чтобы самому поближе познакомиться съ этимъ, въ значительной степени, еще сохранившимъ слѣды униатства, краемъ своей епархіи. 20-го же числа сего мѣсяца владыка отправился въ противоположную сторону Литовской епархіи—въ Бѣльскій уѣздъ, Гродненской губерніи, село Тростяницу, гдѣ 21 числа служилъ литургію и осматривалъ церковно-приходскія школы. 9-го же числа октября мѣсяца владыка былъ утѣшенъ посѣщеніемъ дорогихъ гостей: высокопреосвященнаго Сергія, архіепископа Кишневскаго и Хотинскаго, нынѣ митрополита Московскаго и Коломенскаго, и преосвященнаго Симеона, епископа Минскаго и Туровскаго. Для свиданія съ ними прибылъ, по приглашенію высокопреосвящен-

¹ Фактъ существованія сего сепаратизма вообще въ сѣверо-западномъ краѣ засвидѣтельствованъ печатно, напр. въ *Церковномъ Вѣстникѣ* въ 1886 г., покойнымъ профессоромъ С-Петербургской Духовной академіи, Михаиломъ Іосифовичемъ Кояловичемъ.

² А между-тѣмъ у протоіерея Гомолицкаго былъ собственный огромный домъ, смежный съ домомъ кафедральнаго собора, въ которомъ могло бы поселиться его семейство.

наго, и пр. Кириллъ, епископъ Ковенскій, который также, какъ всѣ собравшіеся іерархи, получилъ образованіе въ Московской академіи.

Наступило 8 ноября. Владыка предпринялъ поѣздку въ м. Молодечно, Вилейскаго уѣзда, для служенія здѣсь, по случаю исполнившагося двадцати-пятилѣтія со дня основанія учительской семинаріи. Во время этой поѣздки онъ сильно простудился, и эта простуда, при появившейся въ Вильнѣ инфлюенціи, послужила причиною его тяжелой болѣзни—брюшного тифа, который принудилъ его съ 20 ноября и до самаго февраля мѣсяца 1890 г. не выходить изъ своихъ покоевъ и лишилъ его самаго величайшаго утѣшенія для него—возможности служить въ храмѣ Божіемъ, хотя всѣ дѣла по епархіи по прежнему аккуратно разсматривались имъ. При семъ нужно замѣтить, что владыка долго боролся съ своею болѣзнію. Уже чувствуя нездоровье послѣ 8 ноября, онъ не переставалъ служить и даже 20 ноября, не смотря на совѣты близкихъ лицъ, пріѣхалъ служить молебень въ зданіи судебной палаты, по случаю исполнившагося двадцати-пятилѣтія со дня введенія новыхъ судебныхъ уставовъ. Но послѣ молебна, при служеніи котораго замѣчена была необыкновенная блѣдность на лицѣ архипастыря и лихорадочное дрожаніе, онъ уже настолько ослабѣлъ, что не въ состояніи былъ служить всенощное бдѣніе подъ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, что предполагалъ сдѣлать ранѣе, и затѣмъ вынужденъ былъ заключиться въ своихъ покояхъ и прибѣгнуть къ совѣту врачей, не любя вообще, подобно матери своей, обращаться къ нимъ. 25 декабря, въ день Рождества Христова, по заведенному обычаю, — послѣ литургіи въ кафедральномъ соборѣ, всѣ высокопоставленныя начальствующія лица, а также духовенство и служащіе по духовно-учебному вѣдомству, зашли въ покои владыки принять отъ него благоволеніе и поздравить съ праздникомъ. И владыка, еще далеко не оправившійся отъ своей болѣзни, благодушно принялъ поздравителей. Въ скоромъ времени послѣ сего, также еще чувствуя себя не вполне здоровымъ, онъ сталъ посѣщать свою домовую церковь, а потомъ съ половины февраля мѣсяца 1890 г. и служить въ разныхъ церквахъ, и все такъ-же продолжительно, какъ и до болѣзни, что, конечно, отражалось неблагоприятно на его здоровьи.

1890 годъ былъ особенно тяжелъ для архипастыря, какъ въ физическомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, несмотря на то,

что онъ могъ видѣть, какъ цѣнили его труды по управленію Литовскою епархіей, ибо онъ удостоился получить къ празднику Пасхи Высочайшую награду—орденъ св. Владимира второй степени. Ноги его пухли отъ прежней болѣзни, а владыка, не приглашая докторовъ, ограничивался услугами фельдшера изъ евреевъ, который предъ каждымъ богослуженіемъ бинтовалъ ему ноги. Между тѣмъ нѣсколько послѣдовавшихъ въ семь году случаевъ самоубійствъ со стороны лицъ, носившихъ священный санъ, изъ коихъ одинъ былъ даже игуменомъ, произвели на высокопреосвященнаго потрясающее впечатлѣніе, что конечно, весьма неблагоприятно отразилось на здоровьѣ его. Не могло, конечно, благоприятствовать оному и все болѣе и болѣе выяснявшееся предъ нимъ и сильно огорчавшее его обнаруженіе сепаратизма въ средѣ большинства мѣстнаго духовенства и особенно Виленскаго, по поводу принятыхъ владыкой мѣръ относительно замѣщенія по епархіи очень многихъ незанятыхъ священническихъ мѣстъ уроженцами великорусскихъ губерній. Дѣло въ томъ, что пр. Алексій, въ виду недостатка въ кандидатахъ священства изъ окончившихъ курсъ въ Литовской семинаріи, пожелалъ выслушать мнѣніе лицъ, стоявшихъ въ близкомъ отношеніи къ епарх. управленію относительно того, не слѣдуетъ-ли пригласить изъ другихъ епархій сихъ кандидатовъ для занятія праздныхъ священническихъ мѣстъ. Когда же ему нѣкоторые изъ сихъ лицъ подали совѣтъ опредѣлять во священники діаконровъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, хотя, неокончившихъ курса и потому, по своему образовательному цензу, совершенно несоотвѣтствовавшихъ должности священника, владыка отвергъ этотъ неумный совѣтъ и послѣ сего сталъ опредѣлять просителей изъ великорусскихъ губерній на священническія мѣста, пока не увидѣлъ, что число окончившихъ курсъ въ Литовской Духовной семинаріи въ 1890 г. и желавшихъ поступить во священники было на столько значительно, что можно было замѣстить ими все праздныя священническія мѣста. И только это обстоятельство, а не что-либо другое¹

¹ Въ брошюрѣ же, изданной протоіереемъ І. К. по поводу кончины и погребенія высокопр. Алексія, между тѣмъ сказано по сему дѣлу слѣдующее: „Забота о замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ, преимущественно худшихъ, побудила владыку обратиться въ 1890 г. къ вызову кандидатовъ изъ внутреннихъ губерній; но, замѣстивъ нѣкоторыя вакансіи по вызову, онъ однако же не нашедъ того, чего собственно искалъ (?), и въ мѣсяцъ до смерти далъ знать, куда слѣдуетъ, что больше вакансій нѣтъ и не предвидятся, возвративъ при этомъ прошенія“.

побудило владыку прекратить вызовъ кандидатовъ священства изъ великорусскихъ губерній. Всѣ эти указанныя нами прискорбныя обстоятельства въ своей совокупности замѣтно отразились и на душевномъ расположеніи архипастыря, вызывая въ немъ по временамъ нѣкоторую раздражительность. Видимо, что приближался день кончины его. А пользовавшіе его ранѣе доктора проговаривались, по поводу опухоли ногъ его, что онъ можетъ умереть внезапно, что, къ сожалѣнію, и сбылось.

Но не смотря на болѣзнь, архипастырь былъ неутомимъ по прежнему. Такъ 27 сентября онъ посѣтилъ вторично Супрасельскій монастырь для освященія въ немъ церкви и оттуда на пути въ Вильну посѣтилъ Гродну, какъ-бы предчувствуя, что это посѣщеніе будетъ послѣднимъ. На вокзалѣ онъ былъ встрѣченъ начальствующими лицами, и, по выходѣ изъ кареты, не смотря на ненастье, благословилъ всѣхъ желавшихъ принять отъ него благословеніе. На другой день, по своемъ пріѣздѣ въ Гродну, онъ посѣтилъ Гродненскій Борисоглѣбскій монастырь, и соборъ, въ которомъ было собрано все учащееся юношество, и гдѣ онъ былъ привѣтствованъ рѣчью настоятеля собора, на которую коротко отвѣтилъ выраженіемъ любви за любовь. 1 октября онъ послѣдній разъ посѣтилъ Виленское женское духовное училище для служенія литургіи въ училищной церкви, посвященной празднику Покрова Пресвятыи Богородицы. Чувствуя себя не вполне здоровымъ, владыка только откупалъ чаю въ квартирѣ начальницы училища, но не остался для трапезы, какъ дѣлалъ это прежде. Какъ-бы предчувствуя, что послѣдній разъ посѣщаетъ училище, архипастырь, при выходѣ изъ него, сошедши внизъ нѣсколько ступеней, два раза снова поднимался вверхъ по лѣстницѣ, первый разъ потому, что воспитанницы старшаго класса училища надѣли на него по ошибкѣ верхнюю рясу своего законоучителя, а во второй разъ — потому, что онъ забылъ надѣть калоши. Замѣтивъ все это, владыка, благословляя въ послѣдній разъ воспитанницъ и сопровождавшихъ его лицъ, сдѣлался какъ-то особенно задумчивъ. Послѣднее служеніе его было 8 ноября въ Виленской Николаевской церкви, гдѣ владыка отслужилъ литургію и паннихиду по незабвенномъ начальникѣ сѣверо-западнаго края, графѣ М. Н. Муравьевѣ. Невидимому, онъ былъ здоровъ, потому что, по обыкновенію, былъ благодушенъ въ бесѣдѣ послѣ литургіи съ сослужившимъ духовенствомъ. Но 9 ноября онъ почувствовалъ лихорадочное состояніе, что было замѣчено и въ его почеркѣ на бумагахъ, по неровности его, а также и потому, что, присутствуя за вечернимъ

богослуженіемъ въ крестовой церкви, онъ позволилъ себѣ сѣсть, чего никогда не дѣлалъ будучи здоровъ. Впрочемъ, въ этотъ день, кромѣ обычнаго пріема посѣтителей, онъ успѣлъ положить 15 резолюцій по разсмотрѣннымъ дѣламъ. Замѣчательно, что послѣдняя его резолюція содержитъ благословеніе, преподанное имъ, по рапорту Клощельскаго благочиннаго отъ 8 ноября за № 219, за пожертвованія на свой храмъ прихожанамъ Дубинской церкви. Уже дрожащею рукой владыка написалъ: „на благочестивыхъ жертвователей за пожертвованія ихъ призываю Божіе благословеніе“. Архипастырь, можно сказать, и скончался, исполняя долгъ, свойственный только истинно-русскому человѣку—это долгъ радушнаго гостепріимства. Обыкновенно, всякій разъ, какъ покойный митрополитъ Московскій Леонтій, въ бытность его въ то время еще архіепископомъ Варшавскимъ, проѣзжалъ чрезъ Вильну въ С.-Петербургъ для присутствія въ Св. Синодѣ, или же на обратномъ пути въ Варшаву, высокопреосвященный Алексій приглашалъ его заѣхать къ нему на перепутьи въ Вильну, устраивая въ этомъ случаѣ радушную трапезу для высокаго гостя или у себя въ домѣ, или же, когда преосвященному Леонтію почему-либо не было времени заѣхать ко владыкѣ,—на вокзалѣ С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги. Такъ это было и 9 ноября. Въ этотъ день радушный архипастырь съ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданія съ высокопреосвященнымъ Леонтіемъ и, кромѣ письменнаго приглашенія, послалъ ему еще и телеграмму въ Гродну, въ которой просилъ его не миновать Вильны и принять отъ него трапезу, на что получилъ изъ Оранъ отвѣтъ въ благопріятномъ смыслѣ. Къ половинѣ 10 часа вечера владыка прибылъ на вокзалъ для встрѣчи гостя своего, съ которымъ и велъ одушевленную бесѣду въ теченіе сорока минутъ за трапезой, при чемъ по-немногу отвѣдалъ поданныхъ кушаній и вина. Простившись съ гостемъ, онъ, вопреки своему обыкновенію, не вошелъ уже въ вагонъ для прощанія, но сталъ у колонны, обративши взоръ свой въ окно вагона, въ которомъ находился преосвященный Леонтій. При отходѣ поѣзда, вслѣдъ за отдачею послѣднихъ привѣтствій, окружавшіе владыку замѣтили необычайную его блѣдность и нетвердое держаніе на ногахъ. Его поддержали подъ руки и повели въ пріемные покои вокзала. Но слабость заставила его опуститься на колѣна еще на платформѣ. Случившійся при семъ станціонный фельдшеръ освѣжилъ голову и лице его водой. Придя въ себя, владыка заговорилъ,

какъ-бы успокаивая присутствующихъ: „это ничего, пройдетъ. Слава Богу, что преосвященный Леонтій успѣлъ уѣхать и не увезъ съ собою дурнаго впечатлѣнія“. Такимъ образомъ, преосвященный Алексій и въ этомъ случаѣ проявилъ свою обычную черту характера — думать болѣе о другихъ, а не о себѣ. Между тѣмъ, прошедши, поддерживаемый духовенствомъ, нѣсколько шаговъ, онъ вторично опустился на колѣна, при чемъ тяжело застоналъ и на нѣкоторое время какъ-бы лишился сознанія, но, при помощи воды, одеколона и растиранія, произведеннаго желѣзно-дорожнымъ докторомъ, онъ пришелъ въ чувство, хотя, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, третій разъ, уже у порога гостиной вокзала, опустился на колѣна. Здѣсь его усадили на диванъ, послали за постоянно пользовавшимся его ранѣе докторомъ, Маевскимъ. Между тѣмъ ему стало хуже. Лице его измѣнилось, причемъ онъ постоянно указывалъ на тошноту и боль подъ ложечкой, заявляя, что ему стало дурно еще на вокзалѣ, когда онъ выходилъ изъ онаго на платформу для проводовъ гости. Усиліями сопровождавшихъ его лицъ, состояніе здоровья больного было, повидимому, настолько улучшено, что онъ, хотя и при сторонней помощи, могъ пройти на подъѣздъ вокзала, спуститься по ступенькамъ его и сѣсть въ карету. Въ сопровожденіи эконома архіерейскаго дома, іеромонаха Макарія, владыка около 12 часовъ ночи прибылъ къ своему дому. Вошедши въ прихожую комнату, онъ просилъ сопровождавшее его духовенство идти по домамъ, извинялся за то, что доставилъ всѣмъ такое безпокойство и напрасный трудъ своею болѣзнію. Поддерживаемый подъ руки, онъ поднялся по лѣстницѣ вверхъ, и, послѣ краткаго отдыха на стулѣ, прошелъ въ гостиную и прилегъ на кушетку. Затѣмъ, вторично поблагодаривъ духовенство за труды и благословивъ, снова попросилъ его идти на отдыхъ. Между тѣмъ все время послѣ сего онъ испытывалъ сильныя припадки болѣзни, хотя сознанія не терялъ и только жаловался на сильную боль около сердца, которую не могли облегчить и присутствовавшіе доктора, которые ранѣе лѣчили его. Въ половинѣ 2 часа ночи, 10 ноября, онъ пожелалъ приподняться, при помощи келейниковъ, и едва сталъ на ноги, какъ обѣими руками схватилъ себя за голову, издалъ глубокій стонъ и упалъ, испустивши духъ. Врачи, бывшіе при семъ, опредѣлили причину смерти его ревматическимъ параличемъ сердца. Тотчасъ же печальный звонъ съ колокольной каедральнаго собора и Свято-Духовскаго монастыря возвѣстилъ о кончинѣ ангела Литовской

церкви и призывалъ къ молитвѣ за того, кто такъ усердно и постоянно молился за свою паству. Послѣ сбора духовенства и пѣвчихъ, прибылъ въ архіерейскіе покои губернаторъ, которому, равно какъ генераль-губернатору и командиру войскамъ, немедленно было дано знать о смерти владыки. Послѣ помазанія тѣла елеемъ и облаченія въ обыкновенныя одежды, святитель былъ перенесенъ изъ спальни на креслѣ въ приемную комнату и облаченъ по чину въ архіерейскія одежды. По облаченіи совершена была первая паннихида намѣстникомъ Свято-Духовскаго монастыря, архимандритомъ Кирилломъ, который хорошо зналъ почившаго по Сергіевскому посаду, когда онъ былъ еще счастливымъ семьяниномъ. За паннихидой началось чтеніе Евангелія, а для общихъ паннихидъ было назначено время въ 12 ч. дня и 8 ч. вечера. Послѣ кончины, тотчасъ же было дано знать о семъ телеграммами оберъ-прокурору св. Синода, митрополитамъ Исидору, Платону, архіепископу Леонтію—на станцію—Исковъ (получилъ онъ эту телеграмму только въ Петербургѣ на вокзалѣ), пр. Антонію, епископу Полоцкому, пр. Симеону, епископу Минскому, и преосвященнымъ викаріямъ Литовской кафедры Кириллу, епископу Ковенскому, и Анастасію, епископу Брестскому, родственникамъ усопшаго и нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Бывшій московскій генераль-губернаторъ, нынѣ также уже покойный, князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, на телеграмму Виленскаго генераль-губернатора Коханова о скоростижной смерти пр. Алексія отвѣтилъ телеграммой, которая свидѣтельствовала о глубокомъ уваженіи, которое представитель г. Москвы питалъ къ нему: „Пораженъ и глубоко опечаленъ скорбною вѣстію о тяжелой утратѣ православной церкви въ лицѣ незабвеннаго архіепископа. Въ моей домовой церкви отслужена заупокойная литургія по почившемъ. Памятуя его постоянную ко мнѣ любовь и доброе расположеніе, я горячо помолился объ упокоеніи его праведной души“. Высокопр. Савва, архіепископъ Тверской, такъ телеграфировалъ: „Я пораженъ неожиданною вѣстію о кончинѣ пр. Алексія. Усердно буду молиться о немъ“. Отъ преосв. Симеона, епископа Минскаго, была получена телеграмма на имя ключаря собора такого содержанія: „Царство небесное почившему незабвенному архипастырю. Испросите мнѣ у гроба почившаго святителя его благословеніе. Извѣстите, когда предполагается погребеніе. Имѣю священную обязанность прибыть проститься и помолиться“. Къ сожалѣнію, тѣ лица, на обяза-

ности которыхъ сіе лежало, не увѣдомили телеграммами о смерти владыки благочинныхъ, руководствуясь, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что они и сами скоро узнаютъ о томъ. Но такое соображеніе по отношенію къ значительнѣйшему числу благочинныхъ оказалось неосновательнымъ, почему только очень немногіе изъ нихъ, узнавшіе случайно о смерти преосвященнаго Алексія, могли прибыть ко дню погребенія его. Между тѣмъ пзвѣстіе о смерти архипастыря поразило всѣхъ своею неожиданностію, такъ что многіе не повѣрили сему, пока не увидѣли бездыханное тѣло. Вторая паннихида была совершена въ 9 часу утра законоучителемъ женскаго училища духовнаго вѣдомства свящ. Н. Извѣковымъ, при пѣніи воспитанницъ училища, которыя тѣмъ болѣе были поражены смертію пр. Алексія, что ожидали его именно въ этотъ день въ училище на уроки закона Божія. Послѣ были совершены и другія паннихиды, хотя при семъ нельзя не замѣтить, что уже въ это время всѣмъ чувствовалось отсутствіе руководящей личности въ отношеніи распоряженій о достойномъ чествованіи усопшаго, что, какъ укажемъ въ свое время, было замѣтно и въ 9 и 20 день по кончинѣ архипастыря. Посему, когда въ однихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ г. Вильны уроки были прекращены и учащіяся молились о своемъ бывшемъ начальникѣ, въ другихъ шли полные уроки, какъ будто-бы ничего особеннаго и не произошло. Между тѣмъ массы народа постоянно тѣснились въ архіерейскомъ домѣ. Здѣсь были и православные, пришедшіе помолиться у гроба своего архипастыря и молитвенника и облобызать уже охладѣвшую десницу его, и иновѣрцы, привлеченные сюда любопытствомъ. Общественное выраженіе скорби со стороны православнаго общества Литовской епархіи, впрочемъ, было неодинаково. Такъ, въ Гроднѣ, гдѣ почившій архипастырь былъ всего только раза три, какъ только была получена телеграмма о смерти его, въ 12 часовъ дня была отслужена въ соборѣ торжественная паннихида пр. Анастасіемъ, при громадномъ стеченіи народа, при чемъ пр. Анастасій предъ паннихидой сказалъ краткое слово въ память почившаго, очень удачно охарактеризовавшее школу, изъ которой вышелъ пр. Алексій. Упомянувъ о митрополитѣ Фларетѣ, какъ основателѣ московской школы въ русской церкви, и указавъ особенности и школы сего митрополита и его самого, онъ перешелъ къ ближайшему ученику его—пр. Алексію, и обрисовалъ его предъ слушателями, какъ архипастыря и какъ человѣка. „То былъ,

говорилъ онъ, человѣкъ неподкупнаго ума и непобѣдимой силы воли, то былъ человѣкъ, въ которомъ, по слову псалмопѣвца, милость и истина срътостася, правда и миръ обლობзастася, то былъ святитель, который отъ всего сердца молился о всѣхъ, и еще такъ недавно, мѣсяць тому назадъ, молился въ этомъ самомъ храмѣ о всѣхъ насъ“. Честь и похвала Гродненскому православному обществу, которое, по случаю смерти владыки, отказалось даже отъ участія въ музыкальномъ вечерѣ, назначенномъ на 10-е ноября. Къ глубокому сожалѣнiю не то было въ Вильнѣ, въ которой жилъ и постоянно служилъ и молился о своей паствѣ архипастырь, и православное общество которой не прекращало и, по случаю смерти владыки, посѣщенiя клубовъ и театра, несмотря даже на то, что послѣднiй расположенъ очень недалеко отъ архіерейскаго дома, такъ что доносившееся до него эхо театральнiй музыки и освѣщенiе театра совершенно не гармонировали съ церковнымъ пѣнiемъ паннихидъ по почившемъ святителѣ и мерцающимъ свѣтомъ свѣчей на подсвѣчникахъ, стоявшихъ около гроба архипастыря. 10-го же ноября прибыли въ Вильну оба преосвященные викарiи Литовской кафедръ, а на другой день, 11 ноября, прибылъ пр. Антонинъ, епископъ Полоцкiй (нынѣ Псковскiй), бывшiй викарiй и товарищъ пр. Алексiя по академiи. Въ 12 ч. дня всѣ эти три епископа отслужили паннихиду, предъ началомъ которой протоіерей Котовичъ сказалъ рѣчь. Въ тотъ-же день, въ 5¹/₂ ч. дня, пр. Антонинъ совершилъ краткую литiю, и тѣло было положено въ дубовый рѣзной гробъ, выложенный листовымъ цинкомъ. Въ 6 часовъ, въ предшествiи трехъ епископовъ, при громадномъ стеченiи народа, гробъ былъ вынесенъ духовенствомъ въ крестовую церковь, послѣ чего была совершена паннихида. 12 числа литургiю въ крестовой церкви совершалъ пр. Антонинъ. Во все время стоянiя гроба съ прахомъ почившаго въ крестовой церкви, чтенiе евангелiя не прекращалось, и народная волна постоянно притекала, чтобы поклониться тѣлу святителя. Въ этотъ же день, въ 5 часовъ пополудни, въ присутствiи генералъ-губернатора и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, послѣ литiи, состоялся выносъ тѣла изъ крестовой церкви въ кафедральный соборъ. Вся соборная площадь, покрытая громадною толпою народа, была эффектно иллюминирована разноцвѣтными бенгальскими огнями, свѣтъ которыхъ въ темнотѣ наступившей ночи, при носившемся въ воздухъ звукѣ колоколовъ со всѣхъ Виленскихъ церквей, производилъ на душу потрясающее

дѣйствіе и въ то же время сообщалъ церковному торжеству что-то особенно величественное. Гробъ былъ несенъ подъ фіолотовымъ бархатнымъ балдахиномъ, обитымъ золотистою бахрамой, въ предшествіи трехъ епископовъ и многочисленнаго духовенства, въ преднесеніи иконъ, хоругвей, крестовъ и цѣховыхъ значковъ,—и на рукахъ священниковъ былъ внесенъ въ освѣщенный соборъ и поставленъ на высокой катафалкъ. Затѣмъ была совершена литія и сказана была съ церковной кафедры рѣчь преподавателемъ Литовской духовной семинаріи Д. И. Середонинымъ. По произнесеніи оной, началось заупокойное всенощное бдѣніе по Кіевскому чину, отслуженное тремя епископами, при громадномъ стеченіи народа и въ присутствіи всѣхъ учащихъ по духовно-учебному вѣдомству. Въ тотъ же день вечеромъ, въ 10 часовъ, прибылъ въ Вильну изъ Минска преосвященный Симеонъ, и нѣсколько позже, высокопреосвященный Сергій, архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій (нынѣ митрополитъ Московскій и Коломенскій), которому было поручено Св. Синодомъ совершить погребеніе. Нужно замѣтить, что преосвященный Алексій ожидалъ въ скоромъ времени прибытія въ Вильну сего архипастыря, такъ какъ онъ имѣлъ чрезъ Вильну слѣдовать въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Такимъ образомъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ промысла Божія, суждено было отдать послѣдній долгъ почившему святителю тому архипастырю, который нѣкоторое время былъ начальникомъ его по академіи. По распоряженію высокопреосвященнаго Сергія, кафедральный соборъ, въ которомъ стоялъ гробъ съ тѣломъ усопшаго и который, по чьему-то странному распоряженію, былъ запертъ послѣ всенощнаго бдѣнія, былъ открытъ, и тѣмъ дана была возможность поклониться праху многимъ лицамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя прибыли издалека; и тогда же возобновилось чтеніе Евангелія, такъ не кстати прерванное по случаю закрытія собора. 13 ноября состоялось погребеніе. Литургію въ кафедральномъ соборѣ, начавшуюся въ половинѣ 9 часа утра, совершилъ высокопреосвященный архіепископъ Сергій съ преосвященными Симеономъ, епископомъ Минскимъ и Туровскимъ, и Антонинномъ,—епископомъ Полоцкимъ и Витебскимъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, между которымъ былъ прибывшій съ нарочитою цѣлю изъ С.-Петербурга настоятель Казанскаго собора протоіерей А. А. Лебедевъ, товарищъ преосвященнаго Алексія по академіи. Служба шла съ необычайною торжественностію, при хорошемъ пѣніи цѣвчпхъ хоровъ архі-

ерейскаго и семинарскаго. Какъ на сей разъ, такъ и въ предшествовавшія службы, у гроба стояли чередуясь 6 воспитанниковъ семинаріи въ стихаряхъ, державшіе въ рукахъ трикири и дикіри, посохъ и надъ гробомъ — риппды. Въ соборѣ присутствовали всѣ воспитанники и воспитанницы духовно-учебныхъ заведеній г. Вильны и отчасти свѣтскихъ, всѣ представители власти въ краѣ и губерніи, оба лютеранскіе пасторы (не было представителя отъ римско-католическаго духовенства) и представители отъ города въ составѣ городской думы. Во время причастиаго стиха преподавателемъ Литовской духовной семинаріи и законоучителемъ Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, священникомъ Н. Д. Извъковымъ, было сказано слово, въ которомъ онъ очертилъ свѣтлую личность почившаго, какъ архипастыря мудраго, привѣтливаго и доступнаго всѣмъ. На отпѣваніе вышло 5 архіереевъ, изъ коихъ четыре первенствующие принадлежали къ числу воспитанниковъ Московской духовной академіи. Кромѣ 5 епископовъ на отпѣваніе вышло 3 архимандрита, 6 протоіереевъ и 30 священниковъ, не считая діаконѡвъ. Сонмъ архипастырей, священнолѣпное и стройное совершеніе погребенія по чину, безъ малѣйшихъ сокращеній и пропусковъ, при чемъ священныя погребальныя пѣснопѣнія смѣнялись чтеніемъ преосвященными Симеономъ, Антониномъ и Анастасіемъ стихирь и тропарей, величественное пѣніе пѣвчихъ и множество присутствовавшаго народа,—все это сообщало величіе и торжественность богослуженію, что такъ любилъ при жизни почившій святитель. По прочтеніи Евангелій, у самаго гроба была сказана рѣчь депутатомъ отъ Московской духовной академіи и пріемникомъ покойнаго по кафедрѣ каноническаго права и любимымъ его ученикомъ, доцентомъ Н. А. Заозерскимъ, въ которой онъ охарактеризовалъ святителя, какъ ученаго, ласковаго профессора, всегда съ готовностію помогавшаго студентамъ въ ихъ ученыхъ занятіяхъ. Разрѣшительная молитва была прочитана вѣсокопреосвященнымъ Сергіемъ. Въ 2½ часа дня архипастыри и остальное духовенство отдали послѣднее цѣлованіе умершему владыкѣ, и затѣмъ народъ цѣлою массой двинулся цѣловать руку почившаго святителя. Было уже три часа пополудни, когда гробъ, надъ которымъ держали балдахинъ, былъ поднятъ руками духовенства и на плечахъ вынесенъ изъ собора съ пѣніемъ канона: „помощникъ и покровитель“. Когда гробъ съ останками почившаго показался на соборной паперти, невольно многими вспомнилось, какъ владыка съ этого самаго мѣста ве-

личественно осѣнялъ своимъ благословеніемъ народъ, выходя послѣ богослуженія изъ собора. Несмотря на бурную мятель и сильный холодъ, которые напоминали сторожиламъ погоду, бывшую при погребеніи митрополита Іосифа, соборная площадь была вся занята народомъ. Благодаря внимательности бывшего командующаго войсками Виленскаго военного округа, Н. С. Ганецкаго, состоявшаго въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ къ почившему, въ отданіи послѣднихъ почестей ему принимали участіе и войска, расположенныя шпалерами отъ самаго собора до Свято-Духовскаго монастыря, при шести хорахъ военной музыки, которая во время прохожденія процессіи исполняла гимнь: „Коль славецъ“. Воспитанники учебныхъ заведеній шли впереди; процессія, въ преднесеніи множества хоругвей и цѣховыхъ значковъ, непрерывною лентой растянулась отъ собора до Свято-Духовскаго монастыря. Предъ архіерейскимъ домомъ гробъ былъ поднесенъ ко входной-парадной двери, откуда видна внутренность церкви крестовой, которая въ это время была открыта. Здѣсь была совершена литія. Въ монастырѣ гробъ былъ обнесенъ вокругъ храма, который еще такъ недавно, послѣ цѣлаго десятка лѣтъ запущенія, былъ возобновленъ, по указаніямъ и при матеріальномъ содѣйствіи преосвященнаго Алексія. Несмотря на бурную и холодную съ мятелью погоду, которая какъ-бы сама принимала скорбное участіе въ потерѣ такого архипастыря, порядокъ и торжественность въ совершеніи процессіи, благодаря зоркому вниманію высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Сергія, не были нарушены. Въ половинѣ 4 часа пополудни, гробъ былъ внесенъ въ пещерную церковь монастыря, посвященную св. Виленскимъ мученикамъ Антонію, Іоанну и Евстафію, мощи которыхъ здѣсь и почиваютъ, и, послѣ литіи и преданія землѣ, былъ опущенъ въ приготовленную могилу въ склепѣ, у лѣвой стороны пещеры. ¹ Послѣ погребенія въ архіерейскихъ покояхъ состоялась поминальная трапеза, во время которой присутствующими вспоминался тотъ или другой случай изъ жизни почившаго. Между прочимъ вспомнили, какъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1890 г., послѣ своей болѣзни, владыка впервые посѣтилъ Свято-

¹ Надъ вѣтмъ склепомъ теперь устроенъ иконостасъ, въ видѣ креста, изъ иконъ, принадлежавшихъ почившему. Видное мѣсто въ семъ иконостасѣ занимаетъ дорогая икона св. Александра Невскаго, поднесенная ему Московскимъ духовенствомъ, предъ отъѣздомъ его въ Вильну. Предъ сею иконою повѣшена лампада, которая, по своему назначенію, должна горѣть непрестанно.

Духовскій монастырь и какъ здѣсь, когда онъ только-что успѣлъ пройти въ пещерную церковь мимо тяжеловѣсныхъ желѣзныхъ дверей и сталъ прикладываться къ мощамъ св. Виленскихъ мучениковъ, лѣвая половина этихъ дверей—12-ти пудовая, сорвавшись съ петель, упала по лѣвую сторону пещерной церкви и легла у того мѣста, гдѣ теперь погребено тѣло его. На присутствовавшихъ при семъ въ церкви, равно какъ и на самого владыку, этотъ случай произвелъ тяжелое впечатлѣніе. Другой случай, который также толковали, какъ предзнаменованіе смерти преосвященнаго Алексія, былъ такой: въ день празднованія воссоединенія униатовъ съ православною церковью въ 1890 г., когда владыка служилъ по сему случаю благодарственный молебенъ на соборной площади и когда протодіаконъ провозгласилъ ему многолѣтіе, раздался звукъ военной музыки, исполнявшей погребальный маршъ и слѣдовавшей въ это время мимо собора для отданія почести одному умершему офицеру. Поминальная трапеза окончилась около 6 часовъ вечера. Въ 9 и 20-й день по кончинѣ архипастыря не было, къ сожалѣнію, совершено въ Вильнѣ, неизвѣстно почему, торжественнаго заупокойнаго богослуженія о почившемъ непрестанномъ и усерднѣйшемъ молитвенникѣ Литовской паствы. Такъ скоро забыли его тѣ лица, на обязанности которыхъ лежало сдѣлать распоряженіе объ этомъ, чему училъ своимъ примѣромъ почившій архипастырь, совершая торжественныя заупокойныя моленія въ 9 и 20 день по кончинѣ своего викарія, преосвященнаго Смарагда, епископа Ковенскаго. Впрочемъ, въ сороковой, полугодовой и годовой день кончины его были совершены наканунѣ оныхъ заупокойныя всенощныя бдѣнія по Кіевскому чину, а въ самые дни—литургіи и послѣ оныхъ панихиды въ присутствіи учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ г. Вильны,—въ сороковой день—преосвященнымъ Кирилломъ, епископомъ Ковенскимъ, а въ полугодовой и годовой день—архіепископомъ Донатомъ, при чемъ въ эти дни на литію по панихидѣ все духовенство сходило въ пещеру, къ мѣсту погребенія преосвященнаго Алексія, надъ которымъ былъ поставленъ столъ съ лежащими на немъ митрой и омофоромъ его и возженными дикиріемъ и трикиріемъ.

¹ Надо думать, или понерасположенію къ пр. Алексію, или же просто по небрежности, какая напримѣръ, случилось при совершеніи водоосвященія на рѣкѣ Вилии 6 янв. 1894 г., когда былъ забытъ требникъ, по которому долженъ былъ совершаться чинъ онаго.

Теперь предстоит намъ изобразить почившаго святителя, какъ мудраго администратора Литовской епархіи, дѣйствовавшаго въ духѣ приснопамятнаго митрополита Московскаго Филарета и графа М. Н. Муравьева, какъ начальника весьма заботливаго о благѣ подчиненныхъ ему духовно-учебныхъ заведеній и, наконецъ, какъ весьма скромнаго и разсчетливаго въ своей домашней жизни, хотя въ то же время и радушно-гостепріимнаго ховяина.

Объ административной дѣятельности высокопреосвященнаго Алексія въ Литовской епархіи должно прежде всего замѣтить, что онъ началъ ее, какъ и слѣдовало, съ ближайшаго ознакомленія со множествомъ дѣлъ прежнихъ, съ знакомства со множествомъ лицъ и исключительными сторонами новой своей епархіи. Какъ обширна была административная дѣятельность владыки по управленію Литовскою епархіей, объ этомъ можно судить даже по однимъ только статистическимъ даннымъ. Въ одномъ 1885 году, считая съ 26 іюня, дня пріѣзда его въ Вильну, было разсмотрѣно имъ и положено резолюцій по 1.753 дѣламъ по епархіальному вѣдомству и 134 по духовно-учебной части. Въ слѣдующемъ 1886 г. резолюцій по дѣламъ епархіальнаго вѣдомства было уже 3.469 и по духовно-учебной части—264. Въ 1887 г. по епархіальному вѣдомству—3.915 и по учебной части—208; въ 1888 г. по епархіальному вѣдомству—3.620 и учебной части 287; въ 1889 г. по перваго рода дѣламъ было резолюцій 3.524 и по втораго рода — 306. Въ 1890 году по 9 ноября включительно по епархіальному вѣдомству было положено резолюцій 3.458 и по дѣламъ духовноучебныхъ заведеній—266. Наканунѣ дня своей кончины онъ положилъ 15 резолюцій. Не было положено имъ резолюцій, и потому можно предполагать, что онъ не занимался чтеніемъ дѣлъ, доставленныхъ ему изъ разныхъ учрежденій, подвѣдомственныхъ ему, 25 и 26 декабря 1885, 1886, 1887, 1888 годовъ. Въ 1889 г., не занимаясь дѣлами 24 и 25 декабря, владыка 26 декабря уже положилъ нѣсколько резолюцій, что объясняется тѣмъ, что, по болѣзни онъ не служилъ и не выходилъ изъ своихъ покоевъ, а потому и не дѣлалъ обычныхъ праздничныхъ визитовъ, отнимавшихъ у него въ праздники Рождества Христова и Пасхи не мало времени. Посему не было положено имъ резолюцій и во время пасхальныхъ праздниковъ во время пребыванія его въ Вильнѣ, тогда какъ, находясь въ 1889 году въ С.-Петербургѣ, онъ положилъ даже въ первый день Пасхи десять резолюцій. Кромѣ указанныхъ дней, не было имъ поло-

жено резолюцій въ 1888 году 24, 25 и 26 ноября, по случаю отъезда его въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, а въ 1889 году отъ 16—21 мая, по причинѣ отъезда его изъ С.-Петербурга въ Вильну и затѣмъ въ Минскъ для погребенія преосв. Минскаго Варлаама и, наконецъ, 7—10 іюня, по случаю торжествъ, вызванныхъ празднованіемъ пятидесятилѣтняго юбилея со времени воссоединенія униатовъ съ Православною Церковію.

Какъ администраторъ, владыка отличался твердымъ, самостоятельнымъ характеромъ.

Выслушивая охотно совѣты людей болѣе или менѣе свѣдущихъ по извѣстному дѣлу, онъ принималъ эти совѣты къ свѣдѣнію, но рѣшалъ дѣло самостоятельно, по долгомъ и тщательномъ размышленіи, отчего, можетъ бытъ, и происходило замедленіе въ дѣлахъ, но только во благо самому дѣлу. Эта самостоятельность Владыки въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ отнимала всякій поводъ къ предположеніямъ, что на него въ томъ или другомъ случаѣ имѣлъ кто-либо вліяніе. Извѣстно было всѣмъ и то, что Владыка не оказывалъ особеннаго довѣрія кому-либо, боясь впасть въ ошибку, почему его считали недоувѣрчивымъ человекомъ и это ставили ему въ упрекъ. Частою его поговоркой, выражавшею его убѣжденіе, были слова: „нѣтъ дыма безъ огня,“ то-есть, если есть и малая доля того дурнаго, что говорятъ про извѣстнаго человека, то онъ уже не совсѣмъ правъ. И, раззамѣтивши самъ неискренность въ комъ-либо, онъ уже лишалъ его своего полного довѣрія и часто, при каждомъ удобномъ случаѣ, прикровенно или же и вполне откровенно, напоминалъ такому лицу то, что вызвало его неудовольствіе на него. Это, конечно, многимъ не нравилось и вызывало жалобы на то, что владыка злопамятенъ. Доказательствомъ недоувѣрчивости владыки по отношенію къ лицамъ, разъ уже не оправдавшимъ его довѣрія, служить слѣдующая его резолюція, положенная на протоколѣ консисторіи о разрѣшеніи ремонтировать домъ каѳедрального собора и о назначеніи лицъ въ члены строительнаго комитета по сему ремонту: „N. и N. въ прошедшемъ году состояли при хозяйственномъ веденіи построекъ въ Виленскомъ духовномъ училищѣ и не обнаружили ни опытности, ни распорядительности, и до послѣдняго времени сообщали мнѣ неточныя свѣдѣнія. И только по счастливой случайности они избѣгли матеріальной отвѣтственности. Не безъ сомнѣнія такимъ строителямъ ввѣрить новую значительную

постройку. Предлагаю консисторіи подвергнуть это дѣло новому разсмотрѣнію“. Послѣ такой резолюціи, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы эти лица опять были назначены членами строительнаго комитета. Медлительность владыки въ рѣшеніи епархіальныхъ дѣлъ сказывалась, между прочимъ, и въ особенности, въ опредѣленіи на мѣста. Проходилъ мѣсяць, а иногда и болѣе времени, въ продолженіе котораго въ Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ дѣлались публикаціи объ открывшемся мѣстѣ. И только послѣ достаточнаго числа поступившихъ прошеній на извѣстное мѣсто, онъ предоставлялъ оное наиболѣе заслуживающему, если не представлялось нужды оставить оное за сиротами, или близкими родственниками того, за смертью котораго мѣсто сдѣлалось вакантнымъ. Впрочемъ, оставленіе мѣста за дочерьями-сиротами, со времени митрополита Іосифа очень рѣдко практиковавшееся въ Литовской епархіи, не всѣмъ нравилось и иногда вызывало ропоть, конечно, негласный, такъ какъ бывали случаи, что лучшій приходъ получалъ только что сошедшій съ семинарской скамьи воспитанникъ, женившійся на сиротѣ. Ропоть этотъ, впрочемъ, шелъ только со стороны тѣхъ, которые не принимали близко къ сердцу той часто проявлявшейся матеріальной нужды, которая постигала семью, и при томъ иногда большую, умершаго священника и которая такъ была хорошо извѣстна Владыкѣ, по его собственному опыту, и потому близко принималась къ его любвеобильному сердцу. Насколько вообще высокопр. Алексій былъ осмотрителенъ въ предоставленіи мѣстъ по епархіальному вѣдомству, можно судить о томъ по нѣкоторымъ его резолюціямъ. Такъ, когда открылась вакансія протодіакона при Виленскомъ кафедральномъ соборѣ и явилось не малое число лицъ, желавшихъ занять это мѣсто и подавшихъ о томъ прошеніе, владыка на одномъ изъ нихъ написалъ: „Діаконъ Тверской епархіи, села К., Т. (34 лѣтъ), желающій занять мѣсто протодіакона при Виленскомъ кафедральномъ соборѣ, какъ видно изъ его послужнаго списка, съ 1870 года былъ въ трехъ епархіяхъ на семи мѣстахъ; только на одномъ первомъ мѣстѣ пѣвчаго при Нижегородскомъ архіерейскомъ домѣ пробылъ четыре года, на всѣхъ остальныхъ шести мѣстахъ былъ по два года, а на одномъ даже одинъ годъ, въ одномъ селѣ (Лысковѣ) былъ два раза. По просьбѣ однихъ прихожанъ и причта, переходилъ на одно мѣсто, а по просьбѣ другихъ — на другое. Нынѣ онъ просится въ четвертую епархію на оное мѣсто. Прежде сношенія съ

Тверскимъ епархіальнымъ начальствомъ объ увольненіи діакона Т., предлагаю консисторіи дать мнѣніе, находитъ ли она благонадежными эти указанія оффиціального дѣкумента о діаконѣ Т. Между тѣмъ вызвать на испытаніе діакона Гродненскаго собора К. Ю., служащаго діаконѣмъ уже 17 лѣтъ на одномъ мѣстѣ и имѣющаго прекрасную аттестацію.“ И мѣсто протодіакона было предоставлено вполнѣ достойному человѣку во всѣхъ отношеніяхъ изъ города Воронежа. Въ другомъ случаѣ, когда подалъ прошеніе объ опредѣленіи на священническое мѣсто окончившій курсъ Литовской семинаріи и бывшій ранѣе экономомъ оной П., владыка отказалъ ему въ просимомъ, письменно объявивъ ему, „что онъ, по извѣстнымъ ему и епархіальному начальству обстоятельствамъ и чертамъ его поведенія, по окончаніи семинарскаго курса, не можетъ имѣть мѣста въ духовномъ вѣдомствѣ.“ Точно также, когда одинъ священникъ просилъ высокопреосвященнаго о предоставленіи псаломщическаго мѣста его сыну, владыка отказалъ на томъ основаніи, что „священнической сынъ неизвѣстнаго образованія, ушедшій изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское, прошедшій разные грады, конечно, для отысканія свѣтской службы, бывшій въ Кобринѣ, Пинскѣ, Бѣлостокѣ и Бѣльскѣ, Кіевѣ, и все это въ теченіе двухъ лѣтъ, и нигдѣ не утвердившійся, не представляется благонадежнымъ для возвращенія опять въ духовное вѣдомство, для поступленія на церковную службу“. Не считалъ благонадежными кандидатами священства онъ и тѣхъ лицъ, которыя еще на семинарской скамьѣ заявили себя съ невыгодной стороны. Случилось, что еще при архіепископѣ Александрѣ, предмѣстникѣ преосвящ. Алексія, нѣсколько учениковъ семинаріи высшихъ классовъ запятнали себя такимъ проступкомъ, который архіепископъ сей въ своей резолюціи по сему дѣлу назвалъ „гниснымъ и скотскимъ“. Владыка, не зная ничего о семъ, предоставилъ одному изъ сихъ лицъ священническое мѣсто. Негодованію его не было предѣла, когда онъ узналъ, что посвятилъ во священника недостойнаго кандидата. Немедленно онъ отправилъ сего ставленника на эпитимію въ Духовскій монастырь, а бывшему при немъ секретарю С. сдѣлалъ строгое замѣчаніе за то, что онъ ничего не сказалъ ему о проступкѣ сего ставленника и чрезъ то поставилъ его въ непріятное положеніе — дать ему священническое мѣсто. Между тѣмъ консисторія представила свое мнѣніе о предоставленіи открывшейся вакансіи въ одномъ селѣ другому изъ такихъ лицъ, опозорившихъ себя вышеозначеннымъ

проступкомъ и уже бывшему священникомъ. Тогда Владыка положилъ такую резолюцію на семь мѣсивъ: „Съ мѣсивемъ консисторіи объ увольненіи Ш. согласенъ, а равно и со всѣмъ прочимъ къ нему относящимся. Назначеніе же Н. къ И. церкви совершенно отклонить, какъ поступившаго изъ епитимистовъ за безобразно-гнусный поступокъ съ надзирателемъ Н. М.; таковыхъ О., В. и К. не двигать съ занимаемыхъ ими мѣствъ. Мѣсто въ И. объявить вакантнымъ.“ Послѣ этого случая, владыка, прежде чѣмъ предоставить священническое мѣсто тому или другому изъ окончившихъ курсъ семинаріи, освѣдомлялся объ его нравственной благонадежности у семинарскаго начальства. Тѣхъ же изъ священно-церковно-служителей, которые оказывались по какой-либо причинѣ, неспособными къ служенію въ своей должности, архипастыръ или вызывалъ въ Вильну для наученія, или же увольнялъ отъ должности, когда видѣлъ, что научить незнающаго не представлялось возможности. По сему на протоколѣ консисторіи относительно псаломщика Ж., какъ неспособнаго къ прохожденію своей должности, владыка, самъ испытавши его, написалъ: „И. д. псаломщика Ж. въ должности болѣе 20 лѣтъ и однако же писать совсѣмъ не умѣетъ, читаетъ съ трудомъ и крайнею медленностію разбирая только первые слоги каждаго слова и скрадывая концы. Отъ сего чтеніе его совершенно невразумительно. Не вѣроятно, чтобы въ теченіе полугода онъ могъ изучить то, чему не научился въ теченіе тридцатилѣтней службы и посему подписать ему въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня объявленія ему сей резолюціи пріискать себѣ мѣсто въ духовнаго вѣдомства и затѣмъ мѣсто сіе объявить вакантнымъ. Отъ благочиннаго П. потребовать объясненія, на какомъ основаніи въ клировой вѣдомости за 1884 годъ онъ показывалъ, что Ж. чтеніе и пѣніе и катехизисъ знаетъ удовлетворительно.“ По распоряженію владыки, между прочимъ, былъ вызванъ въ Вильну для обученія богослуженію уже старый священникъ В., который, по испытаніи его, оказался, по выраженію владыки, „служащимъ, какъ ставленникъ, въ первый день по рукоположеніи и при томъ, съ невниманіемъ и небреженіемъ, который кадитъ не умѣетъ, возгласовъ не знаетъ, произноситъ слова не по удареніямъ.“ По сему высокопреосвященный распорядился, чтобы сего священника вторично вызвать для обученія богослуженію въ кафедральномъ соборѣ послѣ 14 сентября, въ продолженіе двухъ недѣль. Не любилъ онъ также, чтобы искали мѣствъ, на-

примѣръ, псаломщическихъ, не прямымъ путемъ обращенія къ нему, а помимо его, или же когда ему рекомендовали на мѣсто известное лицо, съ цѣлю только избавиться отъ него. Въ первомъ случаѣ, по поводу представленія Бѣлостокскимъ благочиннымъ рапорта объ утвержденіи въ должности псаломщика при церкви Бѣлостокскаго Института, сына псаломщика В., владыка на семь рапортѣ написалъ: „Изъ рапорта Бѣлостокскаго благочиннаго видно, что В. допущенъ къ исправленію должности псаломщика при институтской церкви и утвержденъ въ сей должности институтскимъ начальствомъ, безъ вѣдома епархіальнаго начальства. Отъ протоіерея Антониковскаго (настоятеля церкви) потребовать свѣдѣній, какимъ порядкомъ по уставу института, назначаются члены причта институтской церкви“ (оказалось, что они назначались ранѣе совѣтомъ института). Въ другомъ случаѣ, когда настоятель одного монастыря сдѣлалъ представленіе о назначеніи послушника его монастыря на псаломщическое мѣсто сверхштатнымъ, владыка отказалъ ему въ томъ, написавъ, что „зачисленіе послушника на псаломщическое мѣсто сверхъ штата не допускается закономъ. Послушникъ же, желающій получить мѣсто псаломщика и считающій себя достойнымъ, можетъ подавать о томъ прошеніе и не долженъ обижаться, если найдутся просители достойнѣе его“. Когда же одинъ священникъ вошелъ съ ходатайствомъ о предоставленіи лучшаго мѣста псаломщику при его церкви и о назначеніи на его мѣсто учителя церковно-приходской школы, то владыка, утвердивъ мнѣніе консисторіи объ оставленіи безъ послѣдствій сего ходатайства, велѣлъ еще сдѣлать замѣчаніе сему священнику „о крайнемъ неприличіи того его поступка, что онъ, выставляя псаломщика Л. малоучившимся, не могущимъ заниматься въ школѣ и руководить общимъ пѣніемъ въ церкви, въ то же время усиленно-настойчиво просить о перемѣщеніи его на лучшее мѣсто“. Не всегда удовлетворялъ онъ прошеніе прихожанъ объ оставленіи у нихъ тѣхъ членовъ причта, которыхъ онъ находилъ нужнымъ перевести на другое мѣсто. Посему, когда прихожане З. церкви подали ему прошеніе объ оставленіи на мѣстѣ псаломщика Г., владыка отказалъ имъ въ просимомъ. Точно также, когда прихожане Б. церкви подали прошеніе о назначеніи въ ихъ приходъ священника Г., онъ отказалъ, написавъ на прошеніи ихъ, что „за послѣдовавшимъ уже назначеніемъ священника села Б. и за недавнимъ назначеніемъ священника Р., прошеніе прихожанъ Б. церкви не можетъ

быть удовлетворено, о чемъ О. благочинный объявить имъ и, съ своей стороны, приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы духовныя потребности Б. прихожанъ въ наступающую св. сорокатысячницу были удовлетворены, по возможности, чрезъ сосѣднихъ священниковъ и о распоряженіяхъ своихъ донесетъ, при возвращеніи сего прошенія“. Не любилъ онъ также и частыхъ перемѣненій съ одного мѣста на другое членовъ причта и удовлетворялъ сіи прошенія только по обстоятельствамъ, заслуживающимъ вниманія. Это видно, напр., изъ того, что, когда псаломщикъ Н. просилъ владыку о переводѣ его на новое мѣсто, то онъ положилъ на его прошеніи такую резолюцію: „хотя псаломщикъ Н. уже много разъ былъ перемѣщаемъ, но въ виду исключительныхъ семейныхъ обстоятельствъ его—перевести послѣдній разъ на мѣсто псаломщика при Николаевскомъ соборѣ въ Бѣлостокѣ, а на его мѣсто перемѣститъ псаломщика Б. Н. собора Б., согласно его прошенію“. Но когда онъ не усматривалъ основательныхъ причинъ къ перемѣщенію желающихъ на то или другое мѣсто, тогда рѣшительно отказывалъ въ томъ, несмотря даже на ходатайство за сихъ лицъ, или на постановленіе консисторіи объ удовлетвореніи ихъ прошенія, при чемъ ясно и основательно указывалъ въ своей резолюціи причины, почему онъ не соглашается перемѣстить извѣстное лицо на другое мѣсто. Такъ на прошеніи іеродіакона С. монастыря Г. о перемѣщеніи въ С. монастырь, владыка, отказывая въ удовлетвореніи его просьбы, написалъ: „Іеродіаконъ Г. менѣе двухъ мѣсяцевъ рукоположенъ, по ходатайству покойнаго настоятеля, какъ потребный для С. монастыря. Посему просьба его о перемѣщеніи, свидѣтельствующая о непостоянствѣ его характера и неблагодарности, не можетъ быть исполнена“. Точно также, согласившись съ мнѣніемъ консисторіи объ оставленіи безъ удовлетворенія прошенія іеродіакона Ж. м. А. о перемѣщеніи его въ какой либо другой монастырь, владыка предложилъ ему еще письменно, что, „если онъ желаетъ оставаться въ Ж. монастырѣ, то долженъ вести жизнь трезвую и согласную съ обѣтами монашескими, а если не хочетъ оставаться въ Ж. монастырѣ,—искать себѣ мѣсто въ другой епархіи“. При семъ имъ было сдѣлано замѣчаніе въ сей-же резолюціи настоятелю сего монастыря и благочинному монастырей по поводу сего прошенія, что „непрямой образъ ихъ отзывовъ, направленный ко введенію въ заблужденіе епархіальнаго начальства, не согласуется съ тѣмъ довѣріемъ, какимъ они облечены отъ епархіальнаго начальства“. Въ другомъ слу-

чаѣ, когда консисторія постановила опредѣленіе о перемѣщеніи состоявшаго на должности псаломщика З. церкви, діакона Х. къ другому мѣсту, владыка не согласился на сіе перемѣщеніе и написалъ такую резолюцію: „псаломщику Х., бывшему уже на 12 мѣстахъ, не переводя на тринадцатое, объявить, что, если онъ не исправитъ своего поведенія, не будетъ вести жизнь трезвую и не перестанетъ всѣхъ беспокоить своими ябедами и кляузами, будетъ лишенъ сана и исключенъ изъ духовнаго званія. Мѣстные священникъ и благочинный, имѣя особый надзоръ за псаломщикомъ Х., будутъ доносить о его поведеніи чрезъ каждые три мѣсяца“. Даже перемѣщенія въ другую епархію владыка не позволялъ, безъ уважительной причины. Посему на протоколѣ консисторіи о неимѣнннхъ препятствіяхъ къ перемѣщенію діакона К. собора К. въ Полоцкую епархію, владыка положилъ такую резолюцію: „В. К. ни по образованію, ни по лѣтамъ службы не заслуживаетъ діаконскаго сана, а возведенъ въ сей санъ единственно по нуждамъ К. собора, которыя и въ настоящее время таковы-же, какъ были и при возведеніи К. въ санъ діакона. Посему не представляется возможнымъ уволить К. въ Полоцкую епархію. Въ семъ смыслѣ и отвѣтствовать Полоцкой консисторіи“. Тѣмъ болѣе не нравилось владыкѣ, когда подавшій прошеніе на извѣстное мѣсто и уже опредѣленный на оное, отказывался отъ сего мѣста и перепрашивался на прежнее или другое. Такихъ лицъ онъ чувствительно каралъ денежными штрафами, справедливо считая ихъ людьми легкомысленными. Такъ, священникъ С., не прослужившій еще ни одного дня при церкви, къ которой былъ назначенъ и уже просившій о переводѣ его къ З. церкви, былъ оштрафованъ преосв. Алексіемъ ста рублями, съ воспрещеніемъ притомъ проситься на другое мѣсто въ теченіе десяти лѣтъ. А. на прошеніи діакона К. объ оставленіи его, послѣ состоявшагося уже перемѣщенія, согласно его желанію, на прежнемъ мѣстѣ владыка написалъ: „за легкомысленный поступокъ и напрасное обремененіе начальства оштрафовать его двадцатью рублями въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, оставивъ на прежнемъ мѣстѣ“. И это были не единственные случаи оштрафованія имъ за легкомысленную подачу прошеній о перемѣщеніяхъ по службѣ.

Объ отношеніяхъ архипастыря къ своимъ викаріямъ уже говорено было въ своемъ мѣстѣ. Теперь скажемъ объ отношеніяхъ его къ консисторіи, благочиннымъ и вообще ко всему духовенству.

Соблюдая большую деликатность по отношенію къ ближай-

шему къ нему органу епархіального управленія—консисторіи, какъ въ личныхъ сношеніяхъ съ членами оной, такъ и въ официальной перепискѣ съ нею, онъ, тѣмъ не менѣе, проявлялъ полнѣйшую самостоятельность въ рѣшеніи разныхъ дѣлъ по епархіальному вѣдомству, такъ что представляемыя консисторіею опредѣленія были для владыки не болѣе, какъ только мнѣніями, съ которыми онъ очень не рѣдко не соглашался и не оставлялъ иногда безъ замѣчанія консисторію, указывая даже незначительную, повидимому, неправильность въ представленныхъ ему оною докладахъ или опредѣленіяхъ. Такъ на докладѣ консисторіи о прекращеніи дѣла о священникѣ Г., обвиняемомъ въ повѣнчаніи незаконнаго брака, владыка написалъ: „Утверждается. Г. столоначальнику поставляется на видъ небрежное составленіе имъ докладной части протокола. По его изложенію, все дѣло происходитъ въ текущемъ году: „5 мая текущаго года“, „1 іюня сего года“, „26 іюня сего года“, и относится къ помощнику Ч. церкви Г., между тѣмъ священникъ Г. въ текущемъ году не былъ священникомъ Ч. церкви, а состоитъ настоятелемъ П. церкви. Ужели только архіерей, обязанъ читать и исправлять глупость безграмотныхъ писарей, а ни столоначальнику, ни секретарю, ни члену нѣтъ до этого дѣла. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на бессмыслицу въ концѣ 8 страницы и въ началѣ 9. Для чести канцеляріи настоящій протоколъ слѣдовало бы совсѣмъ уничтожить, а вмѣсто него написать другой—смысленный, а не бессмысленный. Предлагаю г. столоначальнику прочесть вслухъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ и г. секретаря, докладную часть сего протокола въ общее назиданіе“.

Не нравилась владыкѣ какъ проволочка въ дѣлахъ консисторскихъ, такъ и излишняя поспѣшность, когда, напр., приводилось въ исполненіе постановленіе консисторіи, не представленное ему раньше на утвержденіе. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ дѣлалъ замѣчанія, кому слѣдовало. Такъ на докладѣ консисторіи съ вѣдомостію о нерѣшенныхъ дѣлахъ по 3 столу за 1889 годъ онъ написалъ: „подъ № 3. нельзя-ли привести къ какому-нибудь концу. Подъ № 11, необходимо приступить къ печатанію безъ дальнѣйшаго замедленія. Если ждать послѣдняго изъ остальныхъ, то конца дѣлу не будетъ“. Точно также, по поводу опредѣленія консисторіи о необходимости составить точное распределеніе приходовъ въ г. Вильнѣ, владыка, утверждая это опредѣленіе, въ то же время нашелъ необходимымъ предложить консисторіи, чтобы она по поводу этого вопроса вошла „въ

обстоятельное (но недлительное) сужденіе.“ Въ другомъ же случаѣ, на журнальномъ постановленіи консисторіи отъ 9 апрѣля 1890 года, за № 80, высокопреосвященный положилъ такую резолюцію: „Читано. Исполненное не требуетъ распоряженія объ исполненіи. Обращаю вниманіе г. секретаря на ту странность, что исполненіе сдѣлано на двѣ недѣли ранѣе представленія дѣла присутствію и архіерею“. Нерѣдко онъ или совсѣмъ не соглашался съ мнѣніемъ консисторіи, или же отчасти, и всегда при семъ весьма ясно и обстоятельно указывалъ въ своей резолюціи, почему онъ признаетъ мнѣніе консисторіи неосновательнымъ. Такъ, когда консисторія составила опредѣленіе, по поводу возникшаго дѣла о совращеніи въ латинство С. Д., о воспрещеніи монашествующимъ принимать на исповѣдь въ Св. čtyрдесятницу, владыка на протоколѣ написалъ: „обычай исполнять долгъ исповѣди и причастія Св. Тайнъ въ монастыряхъ есть обычай древній и общій во всей Россіи. Посему мнѣніе консисторіи о запрещеніи въ монастырскихъ церквахъ въ Св. čtyрдесятницу принимать на исповѣдь утверждено быть не можетъ, такъ какъ подобное запрещеніе непременно вызвало бы ропотъ православныхъ“. Точно также не согласился онъ съ мнѣніемъ консисторіи объ отказѣ крестьянамъ деревни В. Пружанскаго уѣзда въ перечисленіи ихъ отъ одной церкви къ другой, написавъ слѣдующую резолюцію: „хотя крестьянамъ деревни В. Пружанскаго уѣзда и было отказано въ прошеніи ихъ о возвращеніи отъ Хоревской церкви, къ которой они были отчислены при введеніи новаго расписанія приходоу въ 1876 году къ прежней Р. церкви, къ которой они принадлежали издавна, но, принимая во вниманіе: 1) что крестьяне сихъ деревень съ самаго перечисленія ихъ и до сихъ поръ многократно просили о возвращеніи ихъ къ прежнему приходу, указывая а) на то, что они всѣ, и старые, и малые, при своихъ скудныхъ средствахъ, принимали участіе и деньгами, и въ натурѣ—рабочими въ возведеніи каменнаго величественнаго храма въ селѣ Р., б) на то, что въ Р. церкви они крестились, вѣнчались и при ней похоронены ихъ родители, дѣти, дѣды и пра-дѣды; 2) что, при самомъ перечисленіи въ 1876 году, мѣстный благочинный, производившій дознаніе, высказывалъ мысль объ оставленіи крестьянъ деревни В. при прежней Р. церкви и объ освобожденіи ихъ отъ приписки къ Х. церкви, такъ какъ въ этой припискѣ не заключается для поименованныхъ крестьянъ ни малѣйшихъ выгодъ; напротивъ, эта приписка служила бы для нихъ только постояннымъ источникомъ неудовольствія и

тоски объ утратѣ своей родины, что и оправдалось девятилѣтнимъ опытомъ; 3) что Гродненское особое объ улучшеніи быта православнаго духовенства присутствіе отклонило ходатайство сказанныхъ крестьянъ только по формальнымъ основаніямъ, а именно: по позднему предъявленію онаго; 4) что, и за возвращеніемъ крестьянъ деревни В. къ прежнему ихъ Р. храму, при Хоревской церкви, имѣющей одного священника, остается еще 406 дворовъ съ 3.248 душами прихожанъ, а при Р. церкви, имѣющей двухъ священниковъ, образуется 591 дворъ при 4.748 душахъ прихожанъ,—признаю возможнымъ ходатайствовать предъ св. Синодомъ о возвращеніи крестьянъ деревни В., согласно ихъ сильному и настойчивому желанію, многократно заявленному, къ прежней ихъ Р. церкви приходской, при которой они состояли до 1876 года“. Точно также принялъ владыка такое же живое участіе и въ другомъ дѣлѣ, подобномъ указанному, а именно, когда также не согласился съ мнѣніемъ консисторіи объ оставленіи безъ удовлетворенія ходатайства уполномоченныхъ отъ крестьянъ деревень Ц. и К. о перечисленіи ихъ къ Сѣмятичскому приходу, положивъ такую резолюцію: „принимая во вниманіе, что при положенномъ въ Литовской епархіи для обезпеченія причтовъ жалованіи въ довольно значительномъ размѣрѣ и въ равномъ количествѣ на каждый сельскій приходъ, не взирая на численность прихода, не существуетъ главной причины, для которой предпринято уравненіе приходовъ, именно: причины равномѣрнаго обезпеченія причтовъ, и остается только причина—арифметическое уравненіе; 2) что, при достиженіи сего уравненія, остаются безъ вниманія весьма важныя причины историческія и нравственно-религіозныя и даже дѣйствуется съ великимъ въ семь отношеніи ущербомъ, какъ показываетъ настоящее дѣло; 3) что настоятельный, многократный, въ теченіе многихъ лѣтъ повторенный и даже до верховной власти доведенный вопль прихожанъ деревень Ц. и К. показываетъ всю силу и крѣпость ихъ желанія молиться въ той церкви, при которой погребены ихъ родители и предки; 4) что продолжительнымъ оставленіемъ безъ вниманія вопля прихожанъ есть не малое опасеніе, какъ-бы не ослабѣло и не извратилось ихъ религіозное чувство,—полагаю ходатайствовать предъ св. Синодомъ о возвращеніи прихожанъ деревень Ц. и К. изъ Наройскаго прихода къ Сѣмятичскому, къ которому они принадлежали до 1875 года“. Мотивы, указанные владыкой въ обѣихъ резолюціяхъ въ пользу удовлетворенія просьбы крестьянъ, настолько сильны своею очевидною основа-

тельностью, что остается удивляться послѣдовавшему было отказу въ удовлетвореніи ихъ просьбы. Но въ третьемъ подобнаго рода случаѣ, когда ко владыкѣ послѣдовало прошеніе отъ крестьянъ деревни X. о перечисленіи ихъ отъ Киселевечскаго прихода къ приходу Кобринскаго собора, владыка, не видя въ прошеніи указанія основательныхъ причинъ къ удовлетворенію ихъ желаній и не давая на оное положительнаго отвѣта, написалъ резолюцію такого содержанія: „одинъ взглядъ на карту, на которой не изображено ни болотистой мѣстности, ни прямой столбовой дороги, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ въ рѣшеніи даннаго вопроса. Черевачицкому благочинному поручить спросить крестьянъ деревни X., дѣйствительно ли все они желаютъ быть возвращенными къ Кобринскому соборному приходу и по какимъ причинамъ, и засимъ, по обсужденіи дѣла съ членами благочинническаго совѣта, доложить.“ По обстоятельствамъ, заслуживавшимъ полнаго уваженія, владыка не согласился также съ мнѣніемъ консисторіи въ двухъ случаяхъ, по поводу выстроенныхъ крестьянами часовенъ, принявъ во вниманіе при семъ религіозное усердіе прихожанъ и опасность охладить оную однимъ официальнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Такъ, когда консисторія, по поводу одного изъ сихъ дѣлъ, дала свое мнѣніе оставитъ безъ послѣдствій ходатайство крестьянъ деревни Ю., архипастыръ, написалъ на консисторскомъ протоколѣ по сему дѣлу: „многократныя въ теченіе многихъ лѣтъ просьбы крестьянъ деревни Ю., ходатайства благочиннаго, также неоднократно обращенныя къ епархіальному начальству, религіозно-набожное настроеніе сказанныхъ крестьянъ, засвидѣтельствованное благочиннымъ, и отказъ полицейской власти исполнить требованіе консисторіи о сносѣ часовни, по мѣстнымъ соображеніямъ,—показываютъ ясно, сколь неудобно и небезопасно требовать уничтоженія часовни, устроенной крестьянами деревни Ю. За самовольную постройку крестьяне уже понесли наказаніе по рѣшенію мирового судьи. Посему, признавая сказанное соображеніе особенно уважительнымъ, при наличности которыхъ дозволяется закономъ присутственному мѣсту измѣнить свое рѣшеніе, полагаю поступить по настоящему дѣлу, согласно съ мнѣніемъ Коссовскаго благочиннаго, изложенномъ имъ въ рапортѣ отъ 24 іюня сего 1886 года за № 221.“ По другому же подобному дѣлу на протокольномъ постановленіи консисторіи о разобраніи часовни при деревни III. владыка также не согласился утвердить оное, написавъ: „хотя изъ дѣлъ

консисторіи и не видно, что на возобновленіе часовни при деревнѣ Ш. Засимовичскаго прихода въ 1869 году дано было разрѣшеніе епархіальнымъ начальствомъ, но изъ дѣла видно: 1) что часовня на этомъ мѣстѣ существовала и до 1869 года и уже извѣстная, слѣдовательно, устроена была въ давнее время; 2) что православный народъ съ великимъ усердіемъ приходитъ въ эту часовню на молитву.—Посему 1) сказанную часовню священнику Зосимовичской церкви освятить, съ водруженіемъ креста на оной; 2) католическія изображенія изъ церкви удалить; 3) приношеніями завѣдывать причту и старостѣ и употреблять оныя на поддержаніе часовни и приходской церкви.⁴ Не согласился также владыка съ консисторіей по поводу отказа оной г. Лобковскому въ позволеніи похоронить умершую дочь его въ склепѣ при Ковенской Воскресенской церкви, указавъ въ своей резолюціи: 1) на то, что въ нѣкоторыхъ городскихъ монастыряхъ, при церквахъ и въ самыхъ церквахъ погребеніе тѣлъ умершихъ совершается; 2) что въ Москвѣ, по Высочайше утвержденному положенію, разрѣшается предавать тѣло умершаго погребенію въ кладбищенскихъ церквахъ и подъ оными, въ напертяхъ сплхъ церквей и подъ оными; 3) что коллежскій совѣтникъ А. М. Лобковскій, по благочестивому усердію, сдѣлалъ пожертвованіе въ Воскресенскую кладбищенскую церковь⁴. Иногда высокопреосвященный не соглашался утвердить состоявшееся опредѣленіе консисторіи потому, что находилъ необходимымъ имѣть дополнительныя свѣдѣнія, относящіяся къ извѣстному дѣлу, безъ которыхъ оное представлялось недостаточно обсужденнымъ. Такъ, по поводу выбора старосты къ Бѣлостокскому собору, на журнальномъ постановленіи о семъ консисторіи написалъ: „какъ въ составѣ прихожанъ Бѣлостокскаго собора, не имѣющихъ недвижимой собственности въ Бѣлостокѣ, окажутся, конечно, лица дворянскаго происхожденія, слѣдовательно, имѣющія право участвовать въ собраніяхъ дворянства, или службою приобрѣвшихъ это право, то, согласно съ закономъ инструкціи, параграфу 8-му, и таковыя лица должны быть приглашаемы къ избранію церковныхъ старостъ. Посему, согласно съ симъ, произвести новые выборы церковнаго старосты и представить на утвержденіе. Примѣръ и практика другихъ городовъ здѣшняго края (Свѣнцианъ и др.), находящихся въ совершенно исключительномъ положеніи, даютъ основаніе и въ Бѣлостокѣ допустить къ выборамъ церковныхъ старостъ, сверхъ вышеуказанныхъ лицъ, еще и чиновни-

ковъ и лицъ учебной службы“. Точно также, прежде чѣмъ утвердить протоколъ консисторіи отъ 17 августа 1885 г. о назначеніи недѣльной епитиміи подпоручику N. за преднамѣренное желаніе лишитъ себя жизни, онъ предложилъ консисторіи „просить г. товарища Гродненскаго окружнаго суда увѣдомить, нанесеніе подпоручикомъ N. себѣ раны въ голову было ли слѣдствіемъ покушенія на самоубійство, или только слѣдствіемъ неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и, сообразно съ отвѣтомъ, какой послѣдуетъ, положить рѣшеніе“. И въ третьемъ, подобномъ приведеннымъ двумъ, случаѣ, а именно по дѣлу о священникѣ K., обвинявшемся въ нетрезвой жизни, архипастырь не согласился утвердить постановленіе о немъ консисторіи, написавъ резолюцію, что „въ семь дѣлѣ нѣтъ самой существенной части—отзыва подсудимаго, безъ коего нѣтъ возможности постановить правильный приговоръ, и что, кромѣ того, не обслѣдовано прошеніе 12 лицъ, поданное въ концѣ прошедшаго года, а также и донесеніе отъ имени волостнаго правленія, подписанное подоросскимъ волостнымъ старшиною. Посему потребовать отъ священника K. отзыва по взведеннымъ на него обвиненіямъ въ мѣсячный срокъ, а слѣдователю предписать дополнить слѣдствіе указанными обстоятельствомъ и за симъ, не переписывая докладной части, постановить опредѣленіе, какое окажется сообразнымъ со вновь доставленными данными и со свидѣтельскими показаніями, на которыя въ настоящемъ мнѣніи консисторіи совсѣмъ не обращено вниманія“. Строгое вниманіе обращалъ владыка также и на то, чтобы епархіальное начальство не касалось разсмотрѣнія дѣлъ, не подлежащихъ его вѣдѣнію. Посему, по поводу ходатайства Щ. благочинническаго съѣзда предъ епархіальнымъ начальствомъ, чтобы послѣднее оказало свое содѣйствіе къ незамѣщенію католиками должностей волостныхъ писарей и урядниковъ, а также къ перемѣщенію конской выставки съ перваго дня праздника Пятидесятницы на третій, и когда консисторія представила свое мнѣніе объ удовлетвореніи сего ходатайства, архипастырь, согласившись возбудить ходатайство о перенесеніи конской выставки съ 1-го дня праздника Пятидесятницы на третій, ходатайство о назначеніи урядниковъ и писарей, а также о приведеніи упорствующихъ въ латинствѣ къ увѣщанію при содѣйствіи полиціи, велѣлъ отложить впредъ до дальнѣйшаго усмотрѣнія“. Замѣтная уклончивость владыки въ сей резолюціи отъ положительнаго рѣшенія вопроса вполне объясняется тѣмъ, что

онъ, когда полагалъ ее, еще не могъ достаточно познакомиться съ дѣлами епархіи¹ (резолуція эта послѣдовала 20 іюля 1885 г., то-есть менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць по вступленіи его въ управленіе Литовскою епархіей). Въ другой же резолуціи владыка положительно высказывается противъ вмѣшательства епархіальнаго начальства въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію гражданской власти, а именно: когда В. благочинный, вслѣдствіе ходатайства Г. священника Д., просилъ содѣйствія епархіальнаго начальства къ пріостановленію перепродажи русскими поселенцами своихъ земельныхъ участковъ крестьянамъ-католикамъ Ширвинской, Муснической и другихъ волостей, архипастырѣ на такое ходатайство отозвался такъ: „предметъ, по которому священникъ Д. проситъ ходатайства епархіальнаго начальства предъ свѣтскою властію, вѣдѣнію духовной власти не подлежитъ. Главный начальникъ края отъ котораго дѣло зависитъ, о сущности дѣла и даже о подробностяхъ священника Д. освѣдомленъ. Посему никакихъ дальнѣйшихъ со стороны епархіальнаго начальства дѣйствій не требуется“.

Послѣ консисторіи, изъ органовъ епархіальнаго управленія владыка требовалъ строжайше - правильнаго исполненія своихъ обязанностей отъ благочинныхъ, которые обязаны были, по взгляду его, знать все, что надлежитъ знать относительно поведенія подвѣдомственныхъ имъ причтовъ и состоянія церквей и безотлагательно и правдиво доводить до свѣдѣнія епархіальнаго преосвященнаго обо всемъ, заслуживающемъ вниманія. Посему, отличая однихъ благочинныхъ за исправность ихъ по службѣ, архипастырѣ неаккуратнымъ благочиннымъ дѣлалъ строгое внушеніе и даже отрѣшалъ ихъ отъ должности. Такъ, по поводу возникшаго дѣла о якобы необыкновенномъ явленіи крови на иконѣ распятія Спасителя въ П. Христорожественскомъ храмѣ, владыка, справедливо недовольный дѣйствіями мѣстнаго благочиннаго въ семь дѣдѣ, написалъ слѣдующую укоризненную резолюцію: „благочинный священникъ К. то, что сдѣлалъ 1-го мая послѣ производства слѣдствія и о чемъ пишетъ въ концѣ представленнаго имъ акта, долженъ былъ сдѣлать прежде послышки своего донесенія отъ 19 апрѣля. Тогда не оказалось бы пущды ни въ донесеніяхъ, ни въ слѣдствіи. За такое легкомысленное отношеніе къ своимъ обязанностямъ сдѣлать

¹ Вообще онъ былъ противъ принудительныхъ мѣръ къ обращенію въ православіе.

ему строгое замѣчаніе со внушеніемъ: обязанности, возлагаемыя на него довѣриемъ епархіальнаго начальства, исполнять строго и въ донесеніяхъ на непровѣренныхъ слухахъ не основываться, подѣ опасеніемъ удаленія отъ должности. За тѣмъ дѣло сіе считать оконченнымъ и сдать въ архивъ“. Когда же тотъ же благочинный оказался виновнымъ по дѣлу о крестьянинѣ К., искавшемъ освобожденія отъ православія, показавъ его не присоединившимся къ православію, тогда владыка предложилъ консисторіи дать мнѣніе относительно того, „надеженъ-ли къ прохожденію должности благочиннаго на будущее время священникъ К., который второй уже разъ оказывается небрежнымъ въ исполненіи благочинническихъ обязанностей по важнымъ случаямъ“. Конечно, послѣ такой резолюціи, благочинный этотъ былъ устраненъ отъ должности. Другой благочинный получилъ замѣчаніе за небрежное обращеніе къ своему начальству въ формальной бумагѣ. Когда же онъ оказался виновнымъ и вторично по поводу представленія клировой вѣдомости Н.-Ш. церкви, тогда владыка далъ предложеніе консисторіи „дать мнѣніе, возможно-ли принимать вѣдомости, наполненныя укоризненными и бранными выраженіями противъ епархіальнаго начальства, противъ лицъ высшей свѣтской администраціи и другихъ, а вмѣстѣ дать мнѣніе и о томъ, возможенъ-ли благочинный, безъ разсмотрѣнія препровождающій таковыя вѣдомости епархіальному начальству—и не первый разъ, а составителя сихъ бранныхъ писаній рекомендующій съ наилучшей стороны.“ Благочинный этотъ, конечно, также былъ уволенъ отъ должности. Относительно третьяго благочиннаго архипастыремъ было предложено консисторіи потребовать у него объясненія, почему онъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ не показалъ судимости священника К., котораго владыка долженъ былъ удалить отъ мѣста и перевести на другое, поручивъ притомъ особому надзору благочиннаго и обязавъ послѣдняго доносить ему каждые три мѣсяца о поведеніи его. А какое вниманіе онъ оказывалъ донесеніямъ благочинныхъ о подчиненныхъ имъ причтахъ (почему и требовалъ отъ благочинныхъ вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, видно, напр., изъ того, что, когда ему Л. благочиннымъ представленъ былъ рапортъ съ клировыми вѣдомостями, въ коихъ священно-церковнослужители нѣкоторые были отмѣчены „поведенія неодобрительнаго“, высокопресвященный предложилъ консисторіи о всѣхъ сихъ лицахъ и подобныхъ имъ въ другихъ благочиніяхъ, по полученіи вѣдомостей отъ всѣхъ благочинныхъ, доложить ему

съ мнѣніемъ, поступивши также и въ отношеніи тѣхъ священно-церковнослужителей, при отмѣткѣ поведенія которыхъ прямо указываются ихъ пороки, напр., пьянство, буйство. За неосновательныя представленія со стороны благочинныхъ владыка дѣлалъ послѣднимъ замѣчанія. Такъ, когда одинъ благочинный представилъ ему рапортъ, при коемъ препровождался адресъ отъ духовенства К. благочинія, по поводу обвиненія П. благочиннымъ духовенства Литовской епархіи въ стяжаніи и вымогательствѣ водки при совершеніи требъ, владыка на семь рапортѣ написалъ: „оставить безъ послѣдствій, сдѣлавъ благочинному Р. замѣчаніе за его неумѣстное представленіе“. Въ другомъ случаѣ онъ смягчилъ наказаніе, положенное консисторіей всѣмъ причтамъ и благочинному С. благочинія за то, что они избрали духовникомъ священника П., чловѣка судившагося неоднократно и зазорнаго поведенія, — и состоявшее въ денежномъ штрафѣ, ограничившись выговоромъ благочинному и замѣчаніемъ причтамъ, подписавшимъ выборный листъ. Слѣдующій случай характеренъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ высокопреосвященный Алексій относился къ анонимнымъ доносамъ на благочинныхъ. Когда на В. благочиннаго, священника П., послѣдовалъ доносъ, что онъ настолько слабъ зрѣніемъ, что не способенъ къ прохожденію должности, владыка на семь же доносѣ написалъ: „отецъ благочинный П., при возвращеніи сего письма, представить собственноручное объясненіе“.

Строгое также вниманіе обращалъ онъ на то, чтобы между членами причтовъ существовали надлежащія отношенія, чтобы подчиненные оказывали строгое повиновеніе поставленнымъ надъ ними высшимъ лицамъ, но чтобы въ то же время и послѣднія не дозволяли себѣ неправильныхъ дѣйствій по отношенію къ подчиненнымъ. Всякій замѣченный имъ проступокъ въ семь отношеніи не оставался безъ внушенія и даже взысканія съ его стороны. Такъ, по поводу непочтительнаго отношенія къ благочинному монастырей одной настоятельницы женскаго монастыря, которая обратилась къ нему съ вопросомъ, для какой надобности требуются имъ приходорасходныя книги монастыря, владыка на донесеніи о томъ благочиннаго написалъ: „Матери настоятельницѣ Н. монастыря предлагаю исполнить требованіе благочиннаго монастырей, вытекающее изъ его обязанности. О требованіяхъ, какія ей покажутся неправильными, по исполненіи ихъ, она можетъ доносить

епархіальному начальству. При семъ предлагаю въ особенности обратить вниманіе на тѣ предложенія, которыя сдѣлалъ ой О. благочинный въ ближайшее посѣщеніе имъ монастыря“. Когда настоятель Ж. монастыря прислалъ ко Владыкѣ жалобу на іеродіакона А., въ которой указывалъ на его неспособность къ занятію должности расходчика, вслѣдствіе его неопытности въ хозяйствѣ, и на частыя отлучки изъ монастыря, даже въ ночное время, то онъ на семъ рапортѣ положилъ такую внушительную резолюцію; „іеродіакона А. за самовольныя отлучки изъ монастыря и въ ночное время, и за дерзкіе отвѣты настоятелю лишить третьей части всѣхъ слѣдующихъ на его долю братскихъ доходовъ и жалованья въ теченіе года и объявить ему, что, если онъ не исправитъ своего поведенія, будетъ подвергнутъ наказанію по всей строгости правилъ о монашествующихъ“. Псаломщика Г., виновнаго въ оскорбленіи одного прихожанина, владыка перевелъ на другое мѣсто, „поручивъ особому надзору мѣстнаго священника и благочиннаго и со внушеніемъ ему быть почтительнымъ къ настоятелю и исправнымъ по службѣ и не заводить ссоръ съ прихожанами, подъ опасеніемъ строгаго взысканія“. Въ другомъ случаѣ онъ не оставилъ безъ замѣчанія и самовольство священника по отношенію къ псаломщику, а именно: когда священникъ Б. подалъ прошеніе о томъ, чтобы былъ удаленъ отъ него псаломщикъ Ф., владыка на семъ прошеніи написалъ; „псаломщикъ Ф. удаленъ. По сему, если священникъ Б. желаетъ преслѣдовать его за нанесеніе оскорбленія, можетъ обратиться къ свѣтскому суду. О. благочинный поставитъ на видъ священнику Б. неправильность его дѣйствій въ самовольномъ удаленіи Ф. и предупредить, что самовольныя его дѣйствія повлекутъ строгое съ него взысканіе, а настоящій рапортъ возвратитъ, при возвращеніи прочихъ бумагъ“. Насколько владыка входилъ въ личныя отношенія между членами причтовъ и принималъ оныя къ свѣдѣнію, видно, между прочимъ, изъ того, что, когда настоятель одного собора представилъ владыкѣ рапортъ, въ которомъ указывалъ на невозможность увольненія въ отпускъ одного изъ священниковъ, состоящихъ при семъ соборѣ, владыка, зная причину отказа его въ согласіи на это, написалъ на семъ рапортѣ такую резолюцію: „въ виду заявленной священникомъ Н. рѣшительной необходимости продолжать начатое имъ лѣченіе и даннаго имъ обѣщанія, по окончаніи лѣченія, непремѣнно и безъ всякихъ упу-

щеній исполнять службу при соборѣ самому лично, разрѣшается ему отпускъ для лѣченія по 20-е августа“.

Будучи самъ въ высшей степени аккуратенъ во всемъ, архипастырь требовалъ строгой аккуратности въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей со стороны священниковъ, не оставляя виновныхъ безъ соотвѣтствующаго внушенія и даже наказанія. Такъ, по поводу неаккуратности въ веденіи нѣкоторыми причтами приходскихъ документовъ, укажемъ на слѣдующія его резолюціи. Когда консисторія општрафовала священника М. церкви за неправильное веденіе метрическихъ книгъ и послѣдній просилъ владыку о снятіи съ него штрафа, онъ, рассмотрѣвъ суть дѣла, на семъ прошеніи священника положилъ резолюцію: „изъ послѣдняго рапорта К. благочиннаго оказывается, что неправильности и ошибки въ церковныхъ документахъ сдѣланы писцомъ, котораго нанялъ за себя псаломщикъ Ч. Слѣдовательно, онъ, Ч., и является виновнымъ въ допущенныхъ ошибкахъ и неисправностяхъ, но на обязанности священника лежалъ пересмотръ представленнаго писанія, котораго онъ не сдѣлалъ, допустивъ и самъ нѣкоторыя погрѣшности (напр., пропускъ указанія лѣтъ брачующихся). Посему псаломщика Ч. општрафовать въ пользу попечительства (о бѣдныхъ духовнаго званія) 3 рублями, а священника Т. 6 р., съ предвареніемъ, что, въ случаѣ дальнѣйшаго нерадѣнія въ исполненіи этой обязанности, будутъ подвергнуты строгому взысканію“. Въ другомъ подобномъ случаѣ, утвердивъ постановленіе консисторіи объ општрафованіи причта М. церкви, владыка при семъ еще присовокупилъ угрозу, что „сей причтъ будетъ подвергнутъ строгому взысканію, если и впредь будетъ также небрежно вести приходскіе документы“, а благочинному поручилъ „имѣть строгое, внимательное наблюденіе за письмоводствомъ М. церкви“. Въ одномъ случаѣ владыка смягчилъ наказаніе, опредѣленное консисторіей за неисправное веденіе документовъ, находя, что оно превышало степень виновности подлежавшаго оному, а именно: консисторія опредѣлила послать на недѣльную епитимію въ монастырь священника Н. за нерадивое веденіе церковныхъ документовъ, отчетности и упорное неисполненіе имъ предписаній епархіальнаго начальства. Но высокопреосвященный Алексій, вмѣсто сего наказанія, поручилъ одному изъ своихъ викаріевъ, а именно преосв. Антонину, „только сдѣлать сему священнику строжайшее архипастырское внушеніе, съ объясненіемъ всей преступности несвоевременнаго веденія имъ церковныхъ документовъ, отчетности и упорнаго

неисполненія имъ предписаній епарх. начальства и съ преду-
прежденіемъ, что ему оказывается послѣднее въ семъ отношеніи
снисхожденіе и что онъ подвергнется наказанію по ст. 113.
Устава дух. консисторій, если и за симъ въ семъ отношеніи
будетъ бездѣйствовать попрежнему“. Въстѣ съ тѣмъ онъ про-
силъ еще въ сей же резолюціи пр. Антонина „отъ сего свя-
щенника взять письменное обязательство—церковные документы
и отчетность вести своевременно и предписанія епархіальнаго
начальства исполнять немедленно“. Точно также нашель онъ
справедливымъ оказать снисхожденіе священнику Х., подверг-
шемуся суду консисторіи за то, что употреблялъ польскія наз-
ванія болѣзней въ метрическихъ книгахъ и часто совершалъ
похороны, безъ участія остальнаго причта, принявъ во внима-
ніе его многолѣтнюю службу. Посему онъ освободилъ его отъ
денежнаго штрафа, наложеннаго консисторіей, поставивъ ему
только на видъ допущенныя упущенія и неисправности и пору-
чивъ его особенному наблюденію благочиннаго, „дабы впредь
избѣгалъ усмотрѣнныхъ недостатковъ и упущеній“. Обращая
строгое вниманіе на то, чтобы священники аккуратно удовлет-
воряли духовныя нужды своихъ прихожанъ, владыка однако
несочувственно относился къ желаніямъ нѣкоторыхъ священ-
никовъ приходскихъ имѣть у себя въ качествѣ помощниковъ—
заштатныхъ священниковъ, за многочисленностію требъ, и реко-
мендовалъ въ этомъ случаѣ просить объ открытіи вакансіи
втораго священника, когда состоятельность прихода допускала
это. Посему, согласившись съ мнѣніемъ к-ріи объ отказѣ свя-
щеннику С.-К. церкви, Б., въ дозволеніи принять себѣ въ каче-
ствѣ помощника священника изъ Варшавской епархіи, владыка,
въ виду свидѣтельства сего священника, что „въ нарочитые
дни въ С.-К. церковь собирается много богомольцевъ и что онъ
имѣетъ нужду въ добромъ помощникѣ для удовлетворенія рели-
гіозныхъ потребностей молящихся“, поручилъ предложить ему,
„не согласится-ли онъ принять къ себѣ еще штатнаго священника,
и на какихъ сіе могло бы быть, по его мнѣнію, основаніяхъ“.¹
Тѣмъ болѣе не любилъ архипастырь отпускать монашествую-
щихъ изъ своего монастыря въ Вильнѣ для исполненія долж-
ностей приходскихъ священниковъ, особенно на неопредѣленное
время. Посему, когда Ивановскій благочинный рапортомъ про-
силъ его о присылкѣ въ его благочиніе монашествующихъ для

¹ Священникъ Б. отказался отъ своего прошенія.

исправленія требъ, по случаю болѣзни двухъ священниковъ и вакансїи въ трехъ приходяхъ, владыка далъ ему слѣдующій отвѣтъ, не лишенный юмористическаго оттѣнка, какой онъ нерѣдко проявлялъ въ разговорѣ: „въ Вильнѣ—въ монастыряхъ— не избытокъ, а недостатокъ. Не дадутъ-ли Жировицы (то-есть іеромонаховъ) и еще не пригласить-ли Г., заштатнаго К. священника? Онъ старъ, но здоровъ, и выпить не тумакъ“. Случай жалобъ на вымогательство священниковъ за требы и возникавшія по сему поводу дѣла также вызвали не мало замѣчательныхъ по своей основательности резолюцій владыки. Такъ, по поводу дѣла о священникѣ Р., обвинявшемся въ разныхъ противозаконныхъ поступкахъ и, между прочимъ, въ вымогательствѣ платы за вѣнчаніе у крестьянъ N. и въ дерзкомъ обращеніи съ мѣстнымъ благочиннымъ и церковнымъ старостою, архипастыръ, принявъ во вниманіе, что при слѣдствіи всѣ спрошенные прихожане показали, что священникъ Р. службу въ воскресные и праздничные дни совершаетъ, указавъ только на два пропуска, что требы всѣ исполняетъ аккуратно, и что они были бы имъ довольны, если бы въ совершеніи службы не было никакихъ упущеній, опредѣлилъ послать его на одинъ мѣсяць на епитимію въ Жировицкій монастырь и, по исполненіи оной, возвратитъ его на прежнее мѣсто служенія, „сдѣлавъ ему строгое внушеніе за дѣло служенія довольствоваться только добровольными приношеніями, не дѣлая торгу и вымогательства; церковную службу исполнять неопустительно, къ мѣстному благочинному быть почтительнымъ и съ прихожанами обращаться съ кротостію и пастырскою любовію, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, болѣе строгаго взысканія“. Въ другомъ случаѣ, когда возникло дѣло въ консисторіи по поводу отказа священника N. погребсти крестьянина M., владыка на журнальномъ опредѣленіи консисторіи написалъ: „священникъ N. три раза былъ приглашаемъ совершить погребеніе своего прихожанина, но не исполнилъ сего ни по-первому, ни по-второму, ни по-третьему приглашенію, которое уже исходило отъ лица облеченнаго властію, и оставилъ безъ погребенія ни въ чемъ неповиннаго предъ нимъ его духовнаго сына, къ соблазну и своихъ прихожанъ, и католиковъ. Предлоги, выставленные имъ, совершенно неосновательны: то рано, то—поздно, то нѣтъ лошади. За такое неизвинительное небреженіе объ исполненіи своего долга священнику N. сдѣлать строгій выговоръ, безъ внесенія сего, впрочемъ, въ послужной его списокъ, по уваженію къ его долговременной и безпорочной службѣ, и пред-

писать немедленно, по получении указа, отправиться на мѣсто погребенія покойнаго Малѣя и совершить на могилѣ его отпѣваніе по чину православной церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить священника Н., что, при повтореніи случаевъ подобнаго небреженія, онъ будетъ подвергнутъ наказанію, по точной строгости церковныхъ правилъ“. И въ третьемъ случаѣ подобнаго же рода владыка оказалъ снисхожденіе обвиняемому священнику, указавъ въ своей резолюціи съ обычною ему основательностію, въ чемъ слѣдуетъ считать священника дѣйствительно виновнымъ, на основаніи жалобы на него крестьянъ, и въ чемъ его обвиняютъ несправедливо,—а именно: по поводу жалобы крестьянъ на священника Б. за вымогательство и своеручную расправу, высокопреосвященный написалъ: „священникъ Б., по свидѣтельству спрошенныхъ прихожанъ, никогда не требовалъ отъ нихъ платы за требы—большей той, какая постановлена была обычаемъ и давалась при прежнихъ священникахъ. Это обычное вознагражденіе было даваемо всѣми безропотно. Слѣдовательно, Б. не можетъ быть обвиняемъ въ вымогательствѣ. Но въ двухъ случаяхъ онъ поступилъ несоотвѣтственно достоинству истиннаго пастыря, когда требовалъ установленнаго вознагражденія впередъ и когда настойчиво требовалъ недоданныхъ, установленныхъ обычаемъ, трехъ копѣекъ и изъ-за этого не принялъ на исповѣдь прихожанина. За симъ священникъ Б. виновенъ въ дерзкомъ обращеніи съ прихожанами и собственноручной расправѣ. Принимая во вниманіе молодость и неопытность священника Б., отерывается возможность оказать ему снисхожденіе. Посему вызвать священника въ консисторію и въ полномъ присутствіи сдѣлать ему строгій выговоръ, съ объясненіемъ всѣхъ неправильныхъ его дѣйствій, и съ предупрежденіемъ, что снисхожденіе, подобное настоящему, не будетъ имѣть мѣста, при повтореніи подобныхъ дѣйствій. Въ послужной списокъ сего не вносить“. Отеческая снисходительность владыки въ указанныхъ случаяхъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что духовенство Литовской епархіи, очень достаточно обезпечено содержаніемъ, получая изъ казны жалованіе—по городскому окладу 500 р. и сельскому—400 р. священнику, кромѣ надѣленія другими угодьями, такъ что, повидимому, не можетъ быть и рѣчи о случаяхъ вымогательства за требы. Болѣе строго владыка относился къ случаямъ жалобъ справедливыхъ на священниковъ, возникавшихъ отъ представителей другихъ вѣдомствъ, за опущенія по службѣ. Въ такого рода случаяхъ вла-

дыка подвергалъ наказанію виновнаго, иногда вопреки мнѣнію консисторіи. Такъ на протокольномъ постановленіи оной объ освобожденіи отъ отвѣтственности неявившихся, по требованію судебного слѣдователя, для привода къ присягѣ священниковъ, архипастырь положилъ такую резолюцію: „изъ объясненія священника Д. деревни С. оказывается, что онъ не прибылъ въ деревню Г. для привода къ присягѣ, по требованію судебного слѣдователя, повѣривъ встрѣтившемуся съ нимъ еврею, будто слѣдствіе уже окончено. Это свидѣтельствуетъ или легкомыслии священника, или вымышленномъ имъ объясненіи, и во всякомъ случаѣ не оставляетъ его безъ вины. Посему подвергнуть его штрафу въ три рубля въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, безъ внесенія сего въ послужной списокъ, и о семъ сообщить судебному слѣдователю въ послѣдствіе отношенія его. За небрежное отношеніе къ исполненію законоучительскихъ обязанностей нѣкоторыхъ священниковъ и вслѣдствіе послѣдовавшаго о томъ отношенія къ высокопреосвященному отъ оберъ - прокурора Св. Синода, владыка оштрафовалъ тридцатью рублями каждаго виновнаго въ томъ, уменьшивъ, впрочемъ, положенный было штрафъ консисторіей въ пятьдесятъ рублей и самъ донесъ оберъ-прокурору Св. Синода. Когда же Гродненская дирекція народныхъ училищъ донесла владыкѣ, что священникъ Н., получая жалованіе за исполненіе должности законоучителя въ народномъ училищѣ, — уже не посѣщаетъ уроковъ по сему предмету въ теченіе двухъ лѣтъ, поручая это учителю и при томъ безъ всякаго вознагражденія его, тогда архипастырь, получивъ по сему предмету объясненіе отъ сего священника, на протокольномъ опредѣленіи консисторіи положилъ такую строгую резолюцію: „Священникъ Н. посѣщеніе школы для преподаванія закона Божія называетъ формальностію и утверждаетъ, что когда онъ исполнялъ эту формальность въ теченіе двухъ лѣтъ, то успѣхи учениковъ по закону Божию за тѣ годы были неудовлетворительны. Поэтому, въ теченіе трехлѣтняго опыта онъ убѣдился, что самъ съ учениками ничего не подѣлаетъ, что посѣщеніе имъ училища было вреднымъ для учащихся, а не полезнымъ. Съ ученическою дерзостію священникъ Н. проситъ консисторію выхлопотать ему изъ Гродненской дирекціи вознагражденіе за всѣ безвозмездные годы по служенію въ ея вѣдомствѣ по должности законоучителя (съ 1848—69 г.). Принимая во вниманіе засвидѣтельствованную самимъ священникомъ Н. неспособность

быть законоучителемъ и признавая необходимымъ быть въ селѣ М. священнику, способному къ законоучительству, полагаю нынѣ же священника Н. отрѣшить отъ настоящаго мѣста, съ предоставленіемъ ему права просить себѣ или такого мѣста, гдѣ священнику не необходимо быть вмѣстѣ и законоучителемъ, или же совершеннаго увольненія за штатъ¹. Результатомъ зоркаго наблюденія владыкою за тѣмъ, какъ священники исполняютъ свои законоучительскія обязанности въ народныхъ школахъ, было то, что и благочинные стали болѣе обращать на это вниманіе и о нерадивыхъ законоучителяхъ доносить ему. Такъ, напримѣръ, представилъ высокопреосвященному рапортъ о нерадивыхъ священникахъ въ отношеніи дѣла законоучительства П. благочинный и на семь рапортѣ владыка написалъ: „Благочинный будетъ имѣть въ особенномъ наблюденіи и въ началѣ іюня будущаго года представить мнѣ особое донесеніе о томъ, какъ исполнили они законоучительскія обязанности, предупредивъ ихъ, что за продолженіе недѣятельности угрожаетъ имъ перемѣщеніе на худшія мѣста.“¹ Слѣдующая резолюція высокопр. Алексія свидѣтельствуетъ о томъ, что справедливыя жалобы и частныхъ лицъ на членовъ духовенства не оставлялись имъ безъ вниманія, а именно: по поводу неоднократныхъ жалобъ одного еврея на настоятеля Н. монастыря за неуплату ему денегъ за ремонтъ мельницы и при томъ, несмотря на неоднократныя приказы самого владыки уплатить эти деньги, преосвященный написалъ: „Если о. настоятель Н. монастыря не устроитъ этого дѣла съ В., то послѣ праздника Пасхи будетъ командированъ отецъ благочинный монастырей на счетъ настоятеля.“ Неодобрительные поступки членовъ духовенства въ отношеніи благоповеденія вызывали также соотвѣтствующее внушеніе со стороны архипастыря. Такъ по дѣлу о неодобрительномъ поведеніи священника П., онъ положилъ такую резолюцію на консисторскомъ опредѣленіи относительно его: „Священникъ П., по собственнымъ его словамъ, въ праздникъ Пасхи отправляется въ разныя мѣста въ гости, пьетъ тамъ водку, закусываетъ и обзываетъ другаго священника оскорбительнымъ словомъ „савіс“. И путешествія въ Пасху по гостямъ и при томъ по ночамъ, и выпивка и ругательство, обращенное къ лицу собрата-

¹ Законоучителю одного изъ Виленскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ виду несенія имъ многихъ другихъ обязанностей, преосв. Алексій предложилъ отказаться отъ части уроковъ въ пользу другаго священника.

священника, — не даютъ добраго понятія о поведеніи пастыря церкви. — Священнику П. сдѣлать строгій выговоръ, безъ внесенія сего, впрочемъ, въ послушной списокъ.“ Другаго священника также за неодобрительное поведеніе владыка приказалъ вызвать въ консисторію къ 25 апрѣля 1886 года и въ то же время предписать благочинному „настоятельно и начальственно внушить Ж. предстоящіе великіе дни Св. четырехдесятницы и Св. Пасхи провести, какъ подобаеть благоговѣйному іерею и пастырю вѣреннаго ему стада Христова“. По поводу жалобы прихожанъ на своего священника Ч. за разные его неблаговидныя проступки, а также, между прочимъ, и за то, что даетъ иногда младенцамъ имена трудныя и неупотребительныя въ общежитіи, владыка приказалъ „священнику Ч. подтвердить чрезъ благочиннаго, 1) чтобы онъ въ назначеніи именъ православныхъ святыхъ крещаемымъ непременно сообразовался съ желаніемъ родителей и родственниковъ крещаемаго; 2) чтобы давалъ родителямъ крещаемаго записки съ именемъ, которое дано крещаемому и съ обозначеніемъ, въ какіе дни празднуется святой, имя котораго дано; 3) чтобы безотлагательно исполнялъ требованія начальства, не дожидаясь повторенія, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности за медленность и неисполнительность.“ Впрочемъ, нужно замѣтить, что владыка, будучи остороженъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, при полученіи жалобъ отъ прихожанъ на своихъ священниковъ, прежде постановленія своего приговора, требовалъ отъ обвиняемаго объясненія по содержанію поданной на него жалобы. Такъ, на примѣръ, по поводу жалобы крестьянина Л. на священника Г. за то, что онъ якобы способствуетъ несогласной и несовмѣстной его жизни съ женою, преосвященный написалъ на прошеніи резолюцію: „Священникъ Г., по полученіи сего, немедленно отпустить отъ себя служанку Л., мужъ которой не хочетъ, чтобы она была служанкой священника и, при возвращеніи сего прошенія, представить по содержанію онаго объясненіе“. Въ другомъ случаѣ, когда прихожане М. прихода подали жалобу на своего священника М. за то, что онъ вмѣшивается въ ихъ дѣла по раздѣлу земли и содержанію сельской почты, содержателемъ которой онъ состоялъ, владыка предложилъ консисторіи потребовать отъ сего священника объясненія по содержанію прошенія на него прихожанъ и, по разсмотрѣніи, онаго доложить ему со мнѣніемъ“. Мало того: когда консисторія, по доносу благочиннаго, сдѣлала постановленіе о наложеніи штрафа въ 15 р. въ пользу епархіальнаго попечительства

на священника М. за невнимательность его къ служебнымъ обязанностямъ, владыка не согласился съ консисторіей и велѣлъ прежде „потребовать отъ священника М. объясненія по содержанию донесенія благочиннаго въ недѣльный со дня полученія имъ указа срокъ и уже по полученіи объясненія, постановить опредѣленіе, какое окажется справедливымъ“. Въ одной изъ своихъ революцій владыка положительно заявляетъ, что онъ не позволитъ обвинить кого-либо изъ духовенства, не потребовавъ отъ обвиняемаго объясненія, а именно: на докладѣ консисторіи о прошеніи священника К. относительно того, чтобы онъ не былъ обвиненъ по могущимъ послѣдовать на него доносамъ разнаго рода, не обслѣдовавъ ихъ предварительно и не потребовавъ отъ него объясненія, владыка написалъ на семь докладѣ: „объявить просителю, что его просьба (никогда и ничему обвинительному о немъ не вѣрить и ничего объ немъ не предрѣшать, не назначивъ прежде дознанія и не затребовавъ отъ него предварительнаго объясненія) будетъ исполнена во всѣхъ случаяхъ, гдѣ по закону сіе требуется“. Особенное, конечно, обращалось владыкою вниманіе на исправное исполненіе своихъ обязанностей и благоповеденіе виленскаго духовенства. Замѣченному въ чемъ-либо архипастырѣ дѣлалъ внушеніе у себя на дому, съ особенною настойчивостью указывая на необходимость избѣгать всего предосудительнаго въ виду того, что, какъ онъ выражался, „за нами всѣ смотрятъ“. Нѣкоторые болѣе или менѣе общіе случаи неаккуратнаго исполненія своихъ обязанностей нѣкоторыми членами виленскаго духовенства вызвали и письменное внушеніе со стороны владыки. Такъ, замѣтивъ отсутствіе и при томъ неоднократное со стороны нѣкоторыхъ священниковъ на крестныхъ ходахъ, онъ обратилъ на то вниманіе консисторіи, и когда послѣдняя составила постановленіе объ оштрафованіи протоіерея Н. въ пользу попечительства за отсутствіе въ крестномъ ходу 6 января 1887 года и, кромѣ того, непредставленіе владыкѣ на разсмотрѣніе назначенной по росписанію проповѣди, архипастырѣ, отмѣнивъ денежный штрафъ, однако приказалъ сдѣлать сему протоіерею замѣчаніе, что очередныя проповѣди должны быть представляемы не только цензору, но и архіерею. По поводу опредѣленія консисторіи объ освобожденіи отъ штрафа виленскихъ священниковъ N. N. и N., не бывшихъ на крестномъ ходу въ Лазареву субботу и Великую пятницу, владыка, согласившись съ симъ мнѣніемъ, въ то же время прибавилъ, что онъ не можетъ не замѣтить неоснова-

тельности объясненія протоіерея Б., утверждающаго — будто крестный ходъ въ Лазареву субботу оканчивается въ $\frac{1}{2}$ 7-го часа, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ оканчивается въ $\frac{1}{2}$ 6 часа и что ходатайство протоіерея Б. и священника Г. объ освобожденіи ихъ отъ участія въ крестныхъ ходахъ и молебствіяхъ не можетъ быть удовлетворено и чтобы при объявленіи духовенству о назначеніи трехрублеваго штрафа за необъявленіе благовременно о причинахъ отсутствія въ крестныхъ ходахъ и молебствіяхъ объявлено было еще и то, что, при обсужденіи дѣлъ о награжденіяхъ духовныхъ лицъ епархіальнымъ начальствомъ, будетъ приниматься во вниманіе исправность каждаго духовнаго лица по всѣмъ предметамъ его служенія, не исключая и тѣхъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь“. Конечно, эта резолюція имѣла свои благія послѣдствія. Проповѣди, представляемыя ему виленскими священниками для просмотра, онъ весьма внимательно прочитывалъ и нерѣдко, найдя въ нихъ что-либо, по его мнѣнію, не подходящее къ публичному произношенію съ церковной кафедры, не позволялъ произносить ихъ. А насколько онъ былъ внимателенъ къ составителямъ проповѣдей, видно изъ того, на примѣръ, что всѣ представленныя ему проповѣди онъ отсылалъ къ составителямъ оныхъ не позже, какъ наканунѣ дня произнесенія ихъ, въ конвертахъ, съ собственноручною подписью на нихъ имени, отчества и фамиліи представившаго проповѣдь. Бывали случаи, что владыка принималъ и прочитывалъ проповѣди, въ исключительныхъ случаяхъ, когда онѣ назначены были по экстренному обстоятельству, за 2 часа до начала литургіи. Особенной осторожности требовалъ владыка отъ печатнаго слова. Это видно, на примѣръ, изъ того, что когда консисторія составила свое опредѣленіе по поводу ходатайства духовенства Коссовскаго благочинническаго округа о воспрещеніи печатанія въ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* корреспонденцій задѣвающаго характера и при томъ несправедливыхъ, владыка, утвердивъ сіе постановленіе, приписалъ еще: „и посему и вслѣдствіе отношенія г. генераль-губернатора отъ 12 мая 1887 г., предлагаю о. редактору каждую корреспонденцію, предполагаемую къ напечатанію въ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*, представлять на просмотръ мнѣ и безъ таковаго не печатать ни одной, о чемъ сообщить и о. цензору, который, съ своей стороны, усугубитъ вниманіе при просмотрѣ прочихъ статей. О сдѣланномъ распоряженіи изготovitъ отъ моего имени отношеніе къ его высокопревосходительству въ отвѣтъ на его отношеніе отъ 12 мая“.

Не мало сохранилось резолюцій высокопреосвященнаго Алексія по брачнымъ дѣламъ, которыя тѣмъ больше имѣютъ значенія и не для одной только Литовской епархіи, но и для всей отечественной Церкви, что онъ считался и на самомъ дѣлѣ былъ знатокомъ каноническаго права, особенно по брачнымъ дѣламъ. Эти резолюціи владыки касаются съ одной стороны — разрѣшенія вопроса о законности заключеннаго брака или только предполагаемаго, а съ другой — степени отвѣтственности духовныхъ лицъ, повинныхъ въ повѣнчаніи того или другаго неправильнаго брака. Такъ на рапортѣ покойнаго вилейскаго благочиннаго прот. В. съ предъявленіемъ вопроса, можетъ ли онъ повѣнчать мѣщанина г. Вилейки А. съ мѣщанкой Х., при заявленіи мѣщанки Г. объ обольщеніи ея А. и обѣщаніи на ней жениться, владыка написалъ: „Вилейскому благочинному предписать, чтобы онъ, на основаніи 67-го апостольскаго правила, предложилъ мѣщанину А. настоятельное пастырское и, если дѣло потребуетъ, неоднократное увѣщаніе, чтобы онъ, страшась суда Божія, карающаго вѣроломныхъ обидчиковъ людей слабыхъ, исполнилъ данное дѣвицѣ Г. обѣщаніе, и о послѣдующемъ донесъ; отъ совершенія же брака А. съ Х. воздержался“. По поводу прошенія Б. о разрѣшеніи вступить ему въ бракъ съ Марією М., мать которой—вдова, была въ замужествѣ съ братомъ просителя, высокопреосвященный отказалъ въ просимомъ, написавъ: „бракъ сей не можетъ быть разрѣшенъ. Консисторія будетъ имѣть сужденіе о томъ, не слѣдуетъ ли открыто въ официальной бумагѣ сознавагося въ любодѣйномъ сожитіи и его сожительницу подвергнуть церковному покаянію, а равно и о томъ, какія мѣры должны быть приняты къ разлученію незаконно соживающихъ“. Былъ случай, что къ нему обратился одинъ священникъ за разрѣшеніемъ вопроса о томъ, какъ поступить ему, когда крестьянинъ Е. послѣ двухъ оглашеній о желаніи вступить въ бракъ, отказался и избралъ другую невѣсту, тогда какъ по заявленію первой невѣсты онъ находился съ нею въ преступной связи. Отвѣтъ на сей вопросъ былъ такой: „Священникъ Е., призвавъ Е. и К.—тому и другой наединѣ предложить настоятельное пастырское увѣщаніе объявить всю истину о бывшихъ между ними отношеніяхъ по чистой совѣсти и подъ страхомъ суда Божія, и за симъ, если окажется показываемое К. вѣрнымъ, предложить Е. съ настояніемъ не уклоняться отъ начатаго имъ дѣла о вступленіи въ бракъ; въ противномъ же случаѣ воздержаться отъ

оглашеній съ другою невѣстой и подробно донести, съ приложеніемъ и настоящаго рапорта“. На прошеніе священника Ш. дать ему указаніе относительно того, какъ поступить ему, когда одинъ изъ желавшихъ вступить въ бракъ не получаетъ согласія матери на это, владыка отвѣтилъ, что онъ долженъ „обязать крестьянина просить позволенія и благословенія матери, такъ какъ благословеніе родителей утверждаетъ дома чадъ, или избрать себѣ другую невѣсту. Но, если за симъ не будетъ достигнуто соглашеніе, священникъ можетъ руководствоваться приведеннымъ гражданскимъ закономъ“. Руководствуясь соображеніемъ, что, въ случаѣ необходимости, и закону премѣненіе бываетъ, владыка оказалъ свое архипастырское снисхожденіе въ слѣдующемъ случаѣ неправильнаго, съ точки зрѣнія закона, супружества. Когда протоіерей В. повѣнчалъ двухъ родныхъ братьевъ на двухъ родныхъ сестрахъ, то онъ на протокольномъ опредѣленіи консисторіи относительно сего случая приказалъ только, чтобы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бракъ обѣихъ сестеръ С. признается подлежащимъ расторженію, вмѣсто сего было поставлено: 1) что бракъ сей долженъ-бы быть признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ и 2) чтобы супруги Е. Е. и Параскева С. для очищенія совѣсти были подвергнуты церковному покаянію въ теченіе года¹. Протоіерею же, который повѣнчалъ сей бракъ, было сдѣлано замѣчаніе. Точно также владыка нашелъ совершенно справедливымъ смягчить строгость закона относительно неправильнаго совершенія брака въ слѣдующемъ случаѣ, когда консисторія опредѣлила было строгое наказаніе священнику N. за повѣнчаніе имъ еще въ бытность его священникомъ въ г. К. отставнаго подпоручика П. съ мѣщанкою П. при жизни перваго мужа ея. Принявъ во вниманіе всѣ оправдывающія сего священника обстоятельства, онъ написалъ такую резолюцію по сему дѣлу: „Священникъ N. по настоящему дѣлу оказывается виновнымъ 1), въ томъ, что совершилъ бракъ, не истребовавъ отъ П. метрическаго свидѣтельства о смерти перваго мужа, 2), въ томъ, что предбрачныя оглашенія производилъ не въ праздничные дни, какъ требуется закономъ, а сряду 3, 4 и 5 ноября. За такое несоблюденіе предосторожностей онъ подлежалъ бы строгому наказанію. Но

¹ Такое снисхожденіе было оказано въ семъ случаѣ потому, что въ сѣверо-западномъ краѣ, въ слѣдствіе еще и по настоящее время сильнаго вліянія католицизма на православныхъ потомковъ воссоединившихся изъ уни, недостаточно ясно сознается вся незаконность съ точки зрѣнія православной церкви подобнаго рода супружествъ.

при семъ не должно быть оставлено безъ вниманія и то, что вдовство П. удостовѣрено авторитетнымъ свидѣтельствомъ ректора Кіевскаго университета Бунге, 2) что священникъ Н. допустилъ указанныя упущенія въ самые первые года своей службы, слѣдовательно, по крайней неопытности и молодости, 3), что съ того времени и до настоящаго, въ теченіе 14 лѣтъ, онъ служилъ церкви съ пользою. Въ виду всего сего, мною сдѣланъ священнику Н. строгій выговоръ и, сверхъ того, назначено ему совершать внѣочередное богослуженіе въ Свято-Духовскомъ монастырѣ въ теченіе двухъ недѣль. О семъ, примѣнительно къ ст. 155 Устава Духов. Консistorій, не вносить въ послужной списокъ священника Н“. Такъ умѣлъ высокопреосвященный соединять справедливость съ милостію. Особенно милостиво относился владыка къ виновнымъ членамъ причтовъ, иногда за свои проступки подлежавшимъ отрѣшенію отъ мѣста, въ виду крайне бѣдственнаго семейнаго ихъ положенія, почему допускалъ снисхожденіе къ виновному. Такъ, по поводу прошенія жены отрѣшеннаго отъ мѣста псаломщика В., въ которомъ она указывала на безвыходное положеніе всей семьи, вслѣдствіе увольненія ея мужа отъ должности, владыка написалъ такую резолюцію: „Объявить бывшему псаломщику В., что онъ можетъ просить о псаломщическомъ мѣстѣ, но не иначе, какъ съ приложеніемъ удостовѣренія отъ мѣстнаго (по его жительству) благочиннаго, что онъ исправилъ свое поведеніе; на пропитаніе его дѣтей жена можетъ просить пособія отъ попечительства“. Заботливость его о сиротахъ, престарѣлыхъ и бѣдныхъ членахъ причтовъ выражалась и въ оставленіи за дочерями или сыновьями умершихъ тѣхъ мѣстъ, которыя они занимали при жизни, или до своего выхода за штатъ, и въ другихъ распоряженіяхъ касательно сего предмета. Такъ, напр., положенною имъ резолюціей на журнальномъ постановленіи епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія онъ обязалъ причтъ Хорощанской церкви „обезпечить содержаніемъ престарѣлаго служителя той церкви П. и объ исполненіи сего распоряженія донести епархіальному начальству чрезъ мѣсяць, съ указаніемъ принятыхъ къ сему мѣрѣ, а между тѣмъ теперь же выслать П. 10 р. въ единовременное пособіе“.

Жалоба консисторіи на недостатокъ канцелярскихъ средствъ оной и просьба объ увеличеніи ихъ посредствомъ добровольныхъ пожертвованій со стороны настоятелей монастырей вызвала слѣдующія двѣ резолюціи владыки: „извѣститъ на-

стоятелей монастырей Литовской епархіи, изъявившихъ готовность сдѣлать пожертвованія на усиленіе средствъ консисторской канцеляріи, что внесенныя ими пожертвованія будутъ приняты въ консисторію и записаны въ книгу для употребленія по назначенію, а имъ посланы будутъ извѣщенія о полученіи. Троицкому монастырю разрѣшить употребить изъ коробочнаго сбора на сказанный предметъ сумму въ указанномъ о. настоятелемъ размѣрѣ. Полученныя деньги хранить впредь до особаго распоряженія на текущемъ счету“. На протокольномъ же опредѣленіи консисторіи по поводу сихъ денегъ, послѣдовавшемъ вслѣдствіе отношенія по сему предмету г. оберъ-прокурора св. синода, владыка написалъ:“ Утверждается. Но принимая во вниманіе 1) совершенно особенное положеніе монастырей Литов. епархіи, не имѣющей тѣхъ строителей, какихъ имѣютъ великороссійскіе и малороссійскіе монастыри въ торговомъ сословіи и въ православ. землевладѣльцахъ, такъ какъ торгующее въ семь краѣ сословіе исключительно евреи, а землевладѣльцы католики; 2) по соображенію со всѣми способами и потребностями каждаго монастыря епархіи, признаю возможнымъ временно впредь, до изысканія постоянныхъ источниковъ усиленія средствъ консистор. канцеляріи, отчислять изъ штатныхъ суммъ монастырей 1) Свято-Духовскаго и женскаго Маріинскаго—по 300 р.; 2) отъ остальныхъ 6 монастырей—по 100 р. отъ каждаго, а всего отъ всѣхъ монастырей—1500 р. Другую половину потребной на усиленіе средствъ канцеляріи суммы признаю необходимымъ просить отпустить изъ капитала духовенства западнаго края, или разрѣшить покрывать оною прибавкою цѣны пробѣльныхъ листовъ по одной копѣйкѣ на каждый листъ. Заготовить въ семь смыслѣ отзвѣвъ, представивъ мнѣ въ черновомъ видѣ“.

Матеріальныя интересы церкви и причтовъ Литовской епархіи также оберегались владыкой съ великою заботливостью, и виновные въ нарушеніи оныхъ подвергались имъ взысканію, иногда даже болѣе строгому, чѣмъ какое опредѣляла консисторія. Такъ по поводу постановленія оной о перемѣщеніи священника N отъ занимаемаго имъ З. прихода на другое мѣсто за самовольную порубку церковнаго лѣса, владыка, утвердивъ это опредѣленіе, приказалъ кромѣ того, „чтобы о причинахъ перемѣщенія священника N. было показываемо въ клировыхъ вѣдомостяхъ, 2) чтобы священникъ N. далъ обязательство подпискою жить вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, а не отдѣльно отъ него, и чтобы объ оказавшемся при приѣмѣ церкви отъ N., причтовыхъ строеній и цер-

ковнаго и причтоваго имущества было представлено на обсужденіе консисторіи“. Въ другомъ случаѣ, когда консисторія сдѣлала постановленіе о предоставленіи права причту С. церкви продать 30 десятинъ лѣсу съ тѣмъ, чтобы половину вырученнаго капитала обратить на ремонтъ причтовыхъ строеній, а другую половину обратить въ процентныя бумаги въ пользу причта, владыка отказался утвердить это постановленіе, положивъ такую резолюцію: „Имѣя въ виду, что лѣса правительствомъ даются причтамъ не для сплошнаго единовременнаго уничтоженія ихъ и выручки денегъ, а для бережнаго пользованія ими на необходимыя нужды причта по отопленію и ремонту причтовыхъ помѣщеній, 2) что С. причту въ 1848 году отведенъ участокъ лѣса, именно, для отопленія причтовыхъ помѣщеній, 3) что правительство въ настоящее время озабочено изысканіемъ мѣръ къ сбереженію лѣсовъ, — невозможно разрѣшить испрашиваемую священникомъ З. продажу лѣса на срубъ. Какъ священникъ З. затрудняется охраненіемъ даннаго С. причту лѣса, то спросить его, даетъ-ли онъ обязательство охранять мѣстную дачу въ томъ видѣ и цѣлости, въ какихъ она была принята при поступленіи на мѣсто, и, если онъ такого обязательства не дастъ, — имѣть сужденіе о томъ, не будетъ-ли удобнѣе назначить въ С. такого священника, который данное правительствомъ причту имущество беречь сумѣетъ и обязуется. Между тѣмъ благочинному поручить имѣть тщательное наблюденіе за охраненіемъ лѣсной дачи, принадлежащей С. причту, согласно распоряженію епархіальнаго начальства отъ 24 іюля 1882 года, напечатанному въ № 31 *Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* того же года“. Точно также не согласился владыка утвердить постановленіе консисторіи объ отдачѣ въ 12-лѣтнюю аренду трехъ домовъ, принадлежащихъ В. женскому монастырю на тѣхъ условіяхъ, какія были указаны въ представленномъ управленіемъ монастыря контрактѣ, а приказалъ поручить В. благочинному и эконому архіерейскаго дома, при указаніи священника Т., „осмотрѣть предположенные къ отдачѣ въ аренду дома во всѣхъ подробностяхъ, взять у монастыря подробную вѣдомость о помѣщеніяхъ въ каждомъ домѣ и о платѣ, за которую они отдаются въ послѣдніе пять лѣтъ, о суммахъ, употребленныхъ на ремонтъ cadaго дома за то же время, и эти свѣдѣнія съ мнѣніемъ благочиннаго и эконома и съ настоящимъ протоколомъ представить“. Не мало усиленныхъ заботъ потребовалъ отъ владыки находившійся подъ его непосредственнымъ управленіемъ Виленскій

Свято-духовскій монастырь. Дѣла сего монастыря были приведены имъ въ надлежащій порядокъ, причемъ имущественныя дѣла онаго были поставлены юридически-прочно, особенно чиншевыя надѣлы, которые онъ старался перевести на контрактковыя условія. Черезъ это, конечно, увеличились и доходы, получаемые монастыремъ съ арендныхъ статей. Въ видахъ увеличения средствъ монастыря, онъ, между прочимъ, испросилъ у Св. Синода заимообразно значительную сумму на постройку большаго дома около монастыря, съ тѣмъ, чтобы доходы, которые имѣли поступать съ сего дома, шли на благоуукрашеніе монастырскаго храма. Эта же забота объ интересахъ монастыря вызвала со стороны владыки слѣдующую резолюцію съ юридическомъ отгѣнкомъ, положенную имъ на прошеніи, священника Н. о дозволеніи продлить ему срокъ аренды дома, принадлежащаго Свято-духовскому монастырю, или же вознаградить его за убытки: „резолюція отъ 7 сентября 1886 года измѣнена не будетъ. Если же арендаторъ находитъ, что монастырь, отдавъ ему въ 12-лѣтнее арендное содержаніе свой домъ, по его просьбѣ, причинилъ ему убытокъ или вредъ, то онъ можетъ искать себѣ вознагражденія судебнымъ порядкомъ“. Частые случаи воровства въ церквахъ, причинявшіе онымъ весьма большіе убытки, обратили также на себя вниманіе архипастыря и вызвали строгую резолюцію его по отношенію къ настоятелямъ церквей, которую онъ положилъ на рапортѣ Новоалександровскаго благочиннаго о кражѣ, совершенной въ Ново-Александровской соборной церкви: „Потребовать, написалъ владыка, отъ Ново-Александровскаго благочиннаго объясненія, кѣмъ и достаточно ли охранялась церковь. Въ виду столь нахальныхъ грабительствъ церквей въ городахъ, не настоятъ ли необходимость обратиться къ свѣтской власти съ просьбой энергическаго съ ея стороны содѣйствія къ охраненію церквей въ уѣздныхъ городахъ и всюду. Для сего, безъ замедленія, составить обстоятельную записку объ обстоятельствахъ ограбленія церквей въ Свенцянѣхъ, Диснѣ и Ново-Александровскѣ. Нынѣ же настоятельно подтвердить настоятелямъ церквей, чтобы святой долгъ охраненія церквей и ихъ сокровищъ исполняли съ неослабною ревностію и заботливостію, не ссылаясь на равнодушіе прихожанъ, противъ котораго они должны принимать надлежащія мѣры заблаговременно, а не послѣ того, когда церкви ограблены. За безпечность въ семъ дѣлѣ настоятели будутъ подвергаемы отвѣтственности.“

Церковно-приходскія школы составляли также предметъ особеннаго вниманія архипастыря, который заботился какъ о хорошей постановкѣ въ нихъ учебнаго дѣла, такъ и о матеріальномъ обеспеченіи ихъ. Въ первомъ случаѣ онъ прилагалъ заботливость свою къ тому, чтобы назначать въ школы благонадежныхъ во всѣхъ отношеніяхъ учителей, преимущественно окончившихъ курсъ воспитанницъ Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, а также воспитанниковъ Литовской духовной семинаріи. А что хозяйственная сторона жизни сѣхъ школъ обращала на себя его зоркое вниманіе, видно изъ слѣдующей очень характерной и не краткой резолюціи его, которая была положена имъ на журналѣ Гродненскаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта 18 апрѣля 1890 года по поводу ходатайства отдѣленія объ отпускѣ 1.916 р. въ дополненіе къ 5.000 р., отпущеннымъ на постройку зданія Тростяницкой двухклассной школы. „Въ мартѣ прошлаго года, пишетъ владыка, я обращался къ г. оберъ-прокурору Св. Синода съ просьбой о томъ, не возможно ли будетъ на Пухловскую сельско-хозяйственную школу къ обѣщаннымъ 5.000 р. добавить еще, такъ какъ планъ для школы составленъ обширный и довольно роскошный, и получилъ отвѣтъ: „не будетъ добавлено ни копейки.“ Въ виду такого рѣшительнаго отвѣта, не могу принять на себя возлагаемой на меня совѣтомъ обязанности ходатайствовать предъ г. оберъ-прокуроромъ и Св. Синодомъ объ отпускѣ недостающей противъ смѣтнаго назначенія суммы, въ количествѣ 1.911 р. 84 к., тѣмъ болѣе, что предвидятся еще новыя требованія денегъ на ретирады, амбаръ, складъ для земледѣльческихъ орудій, дровяной сарай, погребъ, ограду и пр., и пр. Я неоднократно заявлялъ священнику С. и преосвященному предсѣдателю Гродненскаго совѣта и писалъ даже на журналѣ совѣта, что я въ правѣ разрѣшить только такую постройку, стоимость которой не превыситъ назначенную сумму—5.000 р. Иначе мнѣ скажутъ: „Добавляй своихъ денегъ; зачѣмъ разрѣшалъ постройки, не покрываемыя назначенною суммой?“ Для выхода изъ этого затрудненія, созданнаго грандіозностію плана и широтой смѣты, мнѣ представляются два способа, или 1) упростить планъ и сократить смѣту, привести все въ предѣлы обѣщанныхъ 5.000 р., выстроивъ за эти деньги простыя, деревенскія помѣщенія, какія приличествуютъ жилищу простыхъ деревенскихъ парней, безъ двадцати печей, устрашающихъ самого священника С. расходами на отопленіе. Нельзя же за обѣщан-

ную сумму построить одно крыльцо и потомъ требовать все новыхъ и новыхъ прибавокъ, или 2) предоставить самому священнику С., имѣющему непосредственныя, помимо своего начальства,—сношенія съ Петербургомъ, выпрашивать себѣ денегъ на затѣянныя постройки. Нельзя слишкомъ разсчитывать и на будущій усиленный отпускъ суммъ изъ земскаго сбора для ретирадъ, амбаровъ и проч. Отпускъ не разрѣшенъ и количество назначенной суммы неизвѣстно—это первое. А второе и самое важное—то, что нѣсть добро отъяти хлѣбъ у трехсотъ трудящихся добросовѣстно и съ пользой, хотя и безъ рекламы, и отдать все одному. Предлагаю совѣту въ ближайшее же время обсудить выше сказанное и объяснить мнѣ, какой изъ двухъ указанныхъ способовъ выхода изъ затрудненія онъ предпочитаетъ, или не видитъ ли какого другого средства къ выходу, повторяя, что мной будутъ разрѣшены только постройки, покрываемыя назначенною суммой.“ Когда же священникъ С., взявшійся строить эту школу, представилъ владыкѣ надлежащія объясненія по поводу предполагаемыхъ работъ и средствъ на покрытіе оныхъ, то владыка на поданномъ симъ священникомъ письменномъ объясненіи написалъ: „Въ Гродненское отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта. Священникъ С. соглашается и обязуется за 6.911 р. 84 к. сдѣлать не только все положенное по плану и смѣтѣ, но даже въ гораздо большемъ размѣрѣ, и сверхъ того — на эту же сумму обязуется сдѣлать амбаръ, складъ, колодезь, ретирады и дровяной сарай. Недостающую, сверхъ указанной, сумму онъ готовъ пожертвовать. Указанная же сумма 6.911 р. 84 к. обезпечивается 5.000 р., ассигнованными г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода, 850 р., ассигнованными совѣтомъ на женскую школу и остающимися въ наличности (если вѣрно показываетъ священникъ С.). Недостающая затѣмъ сумма въ количествѣ 106 р. могла бы быть пополнена изъ кредита на церковно-приходскія школы по Гродненской губерніи, если совѣтъ признаетъ это возможнымъ. Въ виду всего сего и съ освобожденіемъ меня отъ обязанности выпрашивать деньги въ добавку къ отпущеннымъ уже 5.000 р., я признаю возможнымъ разрѣшить постройку зданія для школы въ урочищѣ „Ставокъ“. Строительный комитетъ въ составѣ, предположенномъ совѣтомъ, утверждается. Лѣсорубочный билетъ предлагаю выслать священнику С. безъ промедленія. Просьба къ г. оберъ-прокурору Св. Синода объ остальныхъ 3.000 р. посылается. На добромъ начинаніи благословеніе Божіе да пребудетъ.“

Попеченіе о православной церкви въ Литовской епархіи, окруженной враждебными религіозными элементами,—католичествомъ, еврействомъ и отчасти расколомъ—составляло предметъ главнѣйшей миссіи архипастыря въ этомъ краѣ. Отношенія владыки къ католикамъ были вообще проникнуты тѣмъ апостольскимъ духомъ мудрости змѣнной и кротости голубиной, руководствоваться которымъ въ Литовской епархіи пожелалъ ему отъ лица Московскаго духовенства, при прощаніи съ нимъ, Московскій протоіерей В. П. Нечаевъ (нынѣ преосвященный епископъ Костромской). Несправедливо говорили нѣкоторые, предубѣжденные противъ владыки въ Литовской епархіи, что онъ былъ слишкомъ уступчивъ по отношенію къ притязаніямъ на интересы православной церкви со стороны католическаго духовенства. Онъ дѣйствовалъ съ величайшею осторожностью въ этихъ случаяхъ. Гдѣ возможно было, онъ, руководствуясь духомъ цѣлости голубиной, повидимому, дѣлалъ нѣкоторыя уступки,—но такія, которыя вызывались духомъ терпимости религіозной и справедливостію. Такъ, во время объѣздовъ по епархіи, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заходилъ въ костелы, въ которыхъ ему нерѣдко устраивали торжественныя встрѣчи, и съ истинно-апостольскимъ духомъ молился въ нихъ, иногда сопровождаемый ксендзами костела. Но это обстоятельство должно быть отнесено къ чести архипастыря, дѣйствовавшаго въ семъ случаѣ въ миролюбивомъ духѣ, отличающемъ такъ православную церковь, свѣтлымъ украшеніемъ которой и былъ незабвенный святитель. Не считалъ также онъ необходимымъ условіемъ при смѣшанныхъ бракахъ православныхъ съ католиками вынуждать послѣднихъ присоединяться къ православной церкви, что нерѣдко замѣчается въ Литовской епархіи. Посему, по поводу жалобы крестьянина-католика С. на священника Т. за невѣнчаніе его съ православною, безъ предварительнаго присоединенія къ православію, владыка написалъ на прошеніи семъ резолюцію: „священникъ Т., если не имѣетъ другихъ, кромѣ прописаннаго здѣсь препятствія, къ совершенію брака С. съ Анною З., можетъ совершить оный, не требуя присоединенія С. къ православной церкви, съ соблюденіемъ однакоже всѣхъ прочихъ закономъ обозначенныхъ условій. О послѣдующемъ донесетъ, съ возвращеніемъ сего прошенія“. Не согласился также владыка и съ журнальнымъ постановленіемъ консисторіи, основанномъ на мнѣніи Ново-Алекс. благочиннаго о неимѣніи надобности построить временную часовню на мѣстѣ сгорѣвшаго костела въ О., указавъ въ своей резолюціи на то, „что

выставленная симъ благочиннымъ причина не принадлежитъ къ существу охраняемыхъ епархіальнымъ начальствомъ православнаго исповѣдыванія интересовъ православной церкви, а православныхъ поселеній вблизи сгорѣвшаго костела не имѣется“, почему и велѣлъ консисторіи отвѣтствовать кому слѣдовало о неимѣніи препятствій со стороны епархіальнаго начальства къ возведенію на мѣсто сгорѣвшаго костела временной часовни, указанныхъ размѣровъ. Въ другомъ случаѣ, когда консисторія не согласилась съ желаніемъ причта К. церкви закрыть костель въ семь мѣстѣ, владыка, утвердивъ мнѣніе консисторіи, прибавилъ отъ себя еще внушеніе причту сей церкви „чаще и съ полнымъ благоговѣніемъ совершать богослуженіе и въ образѣ жизни являть примѣръ истинно-православнаго клира, назидательнаго свою паству своимъ поведеніемъ“. Отсюда очевидно, что архипастырь не считалъ успѣшнымъ для устраненія вліянія католицизма на православныхъ однѣхъ только такихъ чисто внѣшнихъ мѣрѣ, какъ закрытіе костела, а признавалъ болѣе успѣшною мѣрою противъ сего надлежащее исполненіе православнымъ духовенствомъ своихъ пастырскихъ обязанностей и благоповеденіе. Доказательствомъ справедливаго - безпристрастнаго отношенія его къ иновѣрцамъ-католикамъ служить, между прочимъ, слѣдующая его резолюція, положенная имъ на протокольномъ опредѣленіи консисторіи объ отказѣ въ отдачѣ въ арендное содержаніе католику мѣщанину Б. фермы, принадлежавшей причту Ковенскаго собора. „Какъ желающій—писалъ, владыка—взять ферму въ аренду, мѣщанинъ Б. не польскаго происхожденія, а литовскаго, и при томъ онъ и отецъ его всегда занимались земледѣліемъ и въ бывшемъ польскомъ мятежѣ замѣшаны не были, то въ виду сего не представляется препятствій къ отдачѣ ему въ аренду фермы. Консисторія разсмотритъ проектъ контракта и, если не встрѣтитъ препятствій, представитъ на утвержденіе“. Совсѣмъ иначе поступалъ владыка когда видѣлъ, что враги Православія дѣйствуютъ противъ него наступательно и могутъ принести ему существенный вредъ. Въ этихъ случаяхъ онъ вооружался противъ враговъ православной церкви всѣми зависящими отъ него средствами и даже иногда обращался къ гражданской власти за содѣйствіемъ. Такъ онъ согласился съ мнѣніемъ консисторіи о необходимости довести до свѣдѣнія Виленскаго генераль-губернатора о томъ неблагопріятномъ впечатлѣніи, какое произвело среди мѣстнаго православнаго населенія ходатайство католиковъ мѣстечка Цуденишекъ о закрытіи православной церкви и обраще-

ни ея въ костелъ. По дѣлу о постройкѣ церкви въ мѣстечкѣ П., когда мѣстный помѣщикъ-католикъ отказалъ уступить мѣсто для постройки оной, архипастырѣ опять счелъ нужнымъ просить начальника края „оказать свое содѣйствіе къ убѣжденію владѣльцевъ мѣстечка П. уступить для постройки православной церкви то мѣсто, на которомъ издревле, до 1831 г., была православная церковь и которое освящено въ глазахъ православныхъ христіанъ и удобно для построения на немъ церкви“. Согласившись также съ мнѣніемъ консисторіи о неразрѣшеніи крестьянкѣ Ошмянскаго уѣзда Ш. исповѣдывать латинство и о признаніи ксендза Машкевича виновнымъ въ повѣнчаніи ея въ костелѣ съ католикомъ Урбановичемъ, владыка, кромѣ сего, распорядился, чтобы о поступкѣ сего ксендза, повѣнчавшаго православную дѣвицу съ женихомъ-католикомъ безъ надлежащихъ документовъ, было сообщено Виленскому губернатору для зависящаго отъ него распоряженія. Узнавъ о появленіи въ Р. приходѣ Ковенской губерніи лжеучителя штундиста П. Мацкевича, владыка велѣлъ заготовить отъ своего имени секретное отношеніе съ прописаніемъ всего изложеннаго въ протоколѣ, составленномъ консисторіею, къ генераль-губернатору съ просьбою „о принятіи мѣръ къ прекращенію зла въ началѣ“. Одного священника Гродненской губерніи, допустившаго появленіе и развитіе штундизма въ своемъ приходѣ, владыка перевелъ въ другое мѣсто, назначивъ въ этотъ приходъ болѣе энергичнаго и способнаго къ борьбѣ со штундою пастыря. ¹ Тѣмъ большую радость испытывалъ владыка, когда узнавалъ о возвращеніи въ православіе совратившихся изъ него. Такъ, на докладѣ консисторіи о возвращеніи въ православіе совратившагося было въ латинство крестья-

¹ По поводу этихъ мѣръ, предпринимаемыхъ владыкой противъ враговъ православія, не умышленнымъ считаемъ привести одно изъ воспоминаній о немъ, сдѣланное достопочтеннымъ И. І. Палимпсестовымъ и наглядно представляющее взглядъ сего архипастыря, въ бытность его еще викаріемъ Московскимъ, на тѣ мѣры, какія должны быть приняты противъ лицъ, такъ или иначе наносящихъ вредъ церкви православной и въ частности противъ штунды. Взглядъ этотъ былъ высказанъ по поводу литературной борьбы г. Палимпсестова съ г. Соколовымъ. На замѣчаніе, сдѣланное по поводу сей полемики присутствовавшаго въ то время при разговорѣ о семъ извѣстнаго своею благотворительностію, уважаемаго архипастыремъ купца В. Н. Рукавишника: „зачѣмъ иногда при такой борьбѣ выходитъ иной разъ противъ противника какъ на-кулачки?“, преосвященный Алексій отвѣтилъ: „если нашъ противникъ вышелъ противъ насъ съ засученными рукавами и съ крѣпко стиснутыми кулаками, то и нашему рато-

инна Трейга, владыка написалъ: „Да простить премилосердый Господь Богъ уклонившемуся отъ православной церкви, по наущенію римско-католическаго духовнаго лица, грѣхъ его и да примирить его со святою своею церковью, помогая ему всеильною своею благодатью быть ему истиннымъ сыномъ Церкви православной и животъ вѣчный наследовать. Хорошо сдѣлаетъ священникъ, если расположить Трейга исполнить святой долгъ говѣнія съ исповѣдію и приобщеніемъ Св. Таинъ въ особое, сверхъ-обычное время“. Для успѣшной борьбы съ католицизмомъ владыка употреблялъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы возбудить и развить любовь въ народѣ къ исповѣдуемому имъ православію и чрезъ то ослабить и даже уничтожить то сильное вліяніе, какое производитъ латинскій обрядъ на потомковъ, возсоединившихся изъ уни. Съ этою цѣлью онъ строго смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы при церковномъ богослуженіи ничего не было допускаемо такого, что не согласовалось бы съ правилами церкви православной. Посему еще въ 1885 г., только-что прибывши въ Вильну, владыка, узнавши объ употребленіи во время богослуженія въ Гродненской губерніи и въ другихъ мѣстахъ для освѣщенія церкви стеариновыхъ свѣчей, предложилъ консисторіи обратить на сіе вниманіе. Точно также, узнавъ изъ рапорта одного священника, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ псаломщики употребляютъ при церковномъ богослуженіи „богосланикъ“,—онъ рѣшительно воспретилъ это, указавъ на то, что при церковномъ богослуженіи церковнымъ уставомъ назначаются для исполненія пѣснопѣнія изъ богослужебныхъ книгъ, а „богосланикъ“ назначается для употребленія благочестивымъ людямъ внѣ церкви и не при богослуженіи“.

Часто наблюдаемые въ Литовской епархіи случаи погребенія

борцу (т.-е., г. Палимпсестову) нужно-ли было надѣвать бѣлыя перчатки, въ которыхъ, какъ вы знаете, на кулачкахъ не дерутся? Въ нюже мѣру мѣриц намъ,—отвѣрено и имъ. Мы, мой почтеннѣйшій В. Н., по заповѣди нашего пастыреначальника, не беремъ въ руки оружія брани, но благословляемъ тѣхъ, которые идутъ съ нимъ противъ враговъ и супостатовъ. И по моему мнѣнію, для такихъ разрушителей первоосновъ нашей народно-государственной жизни мало однихъ словъ, хотя бы и суровыхъ. Подобныя личности должны бы быть изгоняемы вонъ изъ отечества; (я бы и сдѣлалъ это) и мы такое оружіе, т.-е., распоряженіе, благословили бы обѣими руками... То—самые опасные враги родной земли. Вы знаете, одна прокаженная овца все стадо можетъ испортить, что мы и видимъ на штундѣ, если не принять противъ заразы самыхъ рѣшительныхъ мѣръ“.

(*Москов. Цер. Вѣд.* 1890 г., 526 стр.).

умершихъ родственниками, безъ участія въ семъ приходскаго причта, также обратили на себя вниманіе высокопреосвященнаго. По сему поводу состоялась такая резолюція владыки на журнальномъ постановленіи консисторіи объ оставленіи безъ послѣдствій прошенія отпускнаго рядоваго о дозволеніи вступить ему въ бракъ со вдовой въ виду того, что актъ погребенія перваго мужа совершенъ безъ участія причта: „имѣя въ виду по дѣламъ неоднократные случаи погребенія умершихъ родственниками самовольно, безъ приглашенія причта и безъ совершенія церковнаго отпѣванія и, между тѣмъ, имѣя въ виду, что правилами церкви и государственнымъ закономъ обязательно требуется, чтобы надъ каждымъ усопшимъ христіаниномъ православнаго исповѣданія совершенно было положенное по уставу церкви христіанское погребеніе, чтобы всѣ прихожане объ усопшихъ въ семействѣ немедленно извѣщали приходскихъ священниковъ и что въ законѣ полагается наказаніе за погребеніе, безъ соблюденія установленныхъ правилъ, предлагаю консисторіи войти въ обстоятельное обсужденіе о томъ, какія мѣры могли бы быть приняты къ прекращенію этого важнаго нарушенія церковныхъ правилъ и доложить со мнѣніемъ“. Въ видахъ, конечно, большаго сближенія пастырей съ пасомыми и чрезъ то большаго вліянія на оныхъ, архипастырь счелъ нужнымъ сдѣлать распоряженіе о возстановленіи въ Вильнѣ давно существовавшаго обычая причтамъ посѣщать своихъ прихожанъ съ святымъ крестомъ и святою водою въ праздники Пасхи, Рождества Христова, Богоявленія, а также въ храмовые праздники. Это распоряженіе, касавшееся и всей епархіи вообще, впрочемъ, осталось неосуществившимся, по винѣ ли причтовъ, ранѣе не исполнявшихъ сего обычая, или прихожанъ, отвыкшихъ отъ него. Нельзя также не отмѣтить заботливаго участія владыки къ религіознымъ интересамъ нечиновнаго православнаго люда въ Вильнѣ, которое выразилось въ томъ, что онъ приказалъ совершать раннія обѣдни въ воскресные и праздничные дни въ кафедральномъ и Пречистенскомъ соборахъ, изъ коихъ въ первомъ и по настоящее время соблюдается это распоряженіе¹. По мысли же архипастыря, за раннею литургіей въ кафедральномъ соборѣ бываетъ общенародное пѣніе, которое привлекаетъ

¹ Въ будничные же дни, по его приказанію, въ кафедральномъ соборѣ стали служить утрени не съ вечера, какъ это было раньше, а утромъ. Впрочемъ, по смерти пр. Алексія, это его распоряженіе забылось.

въ значительной степени молящихся именно возможностью имъ самимъ принять участіе въ славословіи Господа. И сколько заявленій благодарности архипастырю отъ нечиновнаго класса православнаго народа въ Вильнѣ приходилось намъ слышать за его распоряженіе о совершеніи раннихъ литургій въ праздничные дни. Наконецъ, нагляднѣйшимъ доказательствомъ заботливости высокопреосвященнаго Алексія о возвышеніи религіозно-нравственныхъ началъ ¹ среди простого православнаго населенія Литовской епархіи, особенно въ виду окружающихъ его иновѣрцевъ, служитъ то, что онъ на ходатайство, послѣдовавшее отъ управленія одной изъ желѣзныхъ дорогъ, о разрѣшеніи православному населенію работать въ воскресные и праздничные дни на близъ лежащихъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, мотивированное при томъ якобы интересами самихъ рабочихъ, сбереженіемъ милліоновъ, пользою для торговли и честнымъ свойствомъ самаго труда, при чемъ, впрочемъ, не скрывалось, что, несмотря на предлагаемую въ праздники вышую заработную плату, поселяне не идутъ на работу, благодаря внушеніямъ духовенства,—распорядился дать отвѣтъ чрезъ консисторію, что „заботы объ интересахъ торговли и промышленности въ ущербъ религіи и нравственности не могутъ быть поддержаны представителями церкви, что ясную и прямую четвертую заповѣдь закона Божія никакая епархіальная власть не имѣетъ права отмѣнить, обойти, или для извѣстныхъ цѣлей нарушить, и что дѣлать соотвѣтственное письму Н. дороги указаніе мѣстному духовенству о нарушеніи святости воскресныхъ и праздничныхъ дней ради торговли и промышленности въ краѣ, всецѣло заполоненномъ евреями, свято соблюдающими свои праздники, было бы крайне небезопасно и въ нравственномъ отношеніи вредно“.

И какъ начальникъ духовно-учебныхъ заведеній Литовской епархіи, высокопреосвященный Алексій, несмотря на непродолжительность своего управленія оною, оставилъ по себѣ глубокіе, благотворные слѣды. Дѣйствительно, всѣ стороны жизни духовно-учебныхъ заведеній не оставались безъ строгаго вниманія къ нимъ архипастыря. Въ видахъ постояннаго наблюденія за жиз-

¹ По его же распоряженію, сдѣлано было разграниченіе мѣстъ на Виленскомъ православномъ кладбищѣ съ опредѣленіемъ платы за мѣсто по классамъ, съ напечатаніемъ списка кладбищенскихъ мѣстъ по разрядамъ и съ указаніемъ платы за оныя. При семъ владыка велѣлъ еще завести талонную книжку съ квитанціями, чтобы вносить въ нее самое полученіе за мѣста на кладбищѣ и отрѣзанную квитанцію выдавать внесшимъ плату.

нію сихъ заведеній, всѣ дѣла, касавшіяся оныхъ, восходили исключительно на разсмотрѣніе самого архипастыря, даже и въ то время, когда онъ, по случаю присутствованія въ Св. Синодѣ, жилъ въ С.-Петербургѣ. Правленіямъ духовно-учебныхъ заведеній на это время было предложено обращаться къ проживавшему въ то время въ Вильнѣ первому викарію Литовской кафедрѣ, преосвященному Антонину, епископу Ковенскому, только въ экстренныхъ случаяхъ, при чемъ немедленно извѣщать его о всѣхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ преосвященнымъ викаріемъ. И такой случай, потребовавшій обращенія къ преосвященному викарію, имѣлъ мѣсто, когда 20 марта 1889 года на семинарскомъ чердакѣ повѣсился ученикъ VI кл. К. Тѣло самоубійцы, согласно распоряженію высокопреосвященнаго, основанному на законѣ, и данному на имя преосвященнаго Антонина, не было удостоено христіанскаго погребенія. По его же распоряженію, по сему случаю, въ семинарскомъ столовомъ залѣ было совершено, по особому чину, молебствіе, съ окропленіемъ всего семинарскаго зданія святою водою. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что распоряженіе владыки о лишеніи христіанскаго погребенія самоубійцы вызвало со стороны нѣкоторыхъ лицъ, не давшихъ себѣ труда вникнуть въ смыслъ его распоряженія, неодобреніе, которое можно извинить развѣ только тѣмъ, что до сего случая не было, кажется, въ Вильнѣ никогда примѣровъ лишенія христіанскаго погребенія самоубійць. А между тѣмъ послѣднихъ здѣсь безъ всякаго разбора хоронятъ съ одинаковою торжественностью, какъ и удостоившихся христіанской кончины непостыдной, мирной, съ упованіемъ добраго отвѣта на страшномъ судищѣ Христовомъ, а именно: по установившемуся въ Вильнѣ обычаю, съ преднесеніемъ креста и хоругвей и въ предшествіи духовенства. Главное вниманіе владыки въ отношеніи духовно-учебныхъ заведеній было обращено на то, чтобы поднять въ нихъ уровень религіозно-нравственнаго воспитанія. Такъ, въ видахъ поднятія духа церковности въ воспитанникахъ Литовской духовной семинаріи, по распоряженію архипастыря, ученики всѣхъ классовъ семинаріи стали по-очередно посѣщать Крестовую церковь въ часы ежедневнаго богослуженія, когда владыка находился въ Вильнѣ, а въ его отсутствіе, — церковь Свято-тронцкаго монастыря (безъ нарушенія, впрочемъ, распорядка учебнаго времени въ семинаріи) и здѣсь принятіемъ участія въ чтеніи и пѣніи пріобрѣтали надлежащее знаніе церковнаго устава. Благодаря уже одному только

сему распоряженію архипастыря¹, духъ церковности при немъ настолько возвысился въ Литовской семинаріи, что самъ онъ, при прощаніи съ явившимися къ нему на лѣтнюю его дачу — Тринополь, за 7 верстъ отъ Вильны, воспитанниками послѣдняго при немъ выпуска въ семинаріи Литовской, высказалъ имъ, что они, благодаря Бога за окончаніе курса ученія, особенно должны благодарить Его за то, что окончили его именно въ Литовской семинаріи, которая въ разныхъ отношеніяхъ стоитъ выше другихъ многихъ семинарій, ему извѣстныхъ.

Между духовно-учебными заведеніями г. Вильны особеннымъ вниманіемъ его пользовалось женское духовное училище. Это, на примѣръ, видно изъ того, что, при поступленіи въ училище, каждая изъ вновь поступившихъ воспитанницъ получала отъ владыки въ благословеніе небольшую икону, которая должна была находиться у изголовья постели ея, и небольшой молитвенникъ съ собственноручною надписью имени и фамиліи той воспитанницы, каковой онъ предназначался. Присутствуя обязательно на выпускномъ экзаменѣ въ училищѣ по Закону Божию, на которомъ также почти всегда бывалъ и бывший Виленскій генераль-губернаторъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, генераль-отъ-артиллеріи Иванъ Семеновичъ Кохановъ, поддерживавшій со владыкою самыя лучшія отношенія, — архипастырь, по окончаніи экзамена, благославляя каждую воспитанницу, надѣлялъ ее Евангеліемъ и другою духовно-нравственнаго содержанія книгой, съ собственноручною надписью имени и фамиліи каждой воспитанницы. А когда онъ являлись уже къ нему въ покои получить благословеніе на новую жизнь и проститься съ нимъ, каждой воспитанницѣ давалась отъ архипастыря коробка лучшихъ конфетъ. Каждый годъ на Пасху владыка посылалъ въ училище по 50 руб. для устройства маленькаго вечера для развлеченія оставшихся въ училищѣ воспитанницъ, а во время Святокъ — по 100 руб. на елку. При немъ — два родственныя духовно-учебныя заведенія Виленскія — семинарія и женское училище стали другъ къ другу ближе, благодаря тому, что владыка, заботясь о томъ, чтобы кандидаты священства, находясь уже въ послѣднихъ классахъ семинаріи, могли ближе узнать бу-

¹ Незамѣнимымъ помощникомъ владыки въ дѣлѣ поднятія и развитія духа церковности въ воспитанникахъ Литовской семинарій былъ ректоръ оной, нынѣ преосвященный викарій Брестскій — Іосифъ, который, неопустительно присутствуя за каждымъ богослуженіемъ въ церкви Троицкаго монастыря, строго наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ церковнаго устава.

душихъ избранницъ своего сердца, поощрялъ знакомство ихъ, чрезъ устройство въ женскомъ училищѣ праздничныхъ вечеровъ и ёлокъ, на которыхъ даже устраивались танцы, что до преосвященнаго Алексія считалось запретнымъ. Благопріятные результаты сего сближенія сказывались въ томъ, что большинство окончившихъ курсъ воспитанницъ въ скоромъ же времени становились женами семинаристовъ, по окончаніи послѣдними курса и при поступленіи на священническія мѣста. На свой же счетъ владыка замѣнилъ въ женскомъ училищѣ въ классныхъ комнатахъ старыя, небольшія и почернѣвшія отъ времени иконы новыми большими, хорошей работы. А насколько владыка заботился о надлежащемъ образованіи и воспитаніи дочерей духовенства Литовской епархіи и горячо сочувствовалъ его желаніямъ имѣть другое женское духовное училище, видно изъ того, что онъ намѣревался устроить это училище въ уѣздномъ городѣ Гродненской губерніи—Кобринѣ, въ ознаменованіе исполнившагося въ 1889 году пятидесятилѣтняго юбилея со дня воссоединенія униатовъ съ православною церковію, давъ сему училищу устройство и программу учебныхъ занятій, уменьшенную въ объемѣ противъ программы, положенной для Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующей его резолюціи, положенной на докладъ консисторіи о назначеніи комиссіи для осмотра Кобринскихъ бывшихъ училищныхъ зданій, въ виду открытія въ нихъ женскаго духовнаго училища: 20 октября 1889 г. Въ составъ комиссіи, кромѣ показанныхъ лицъ, назначить еще Пружанскаго протоіерея Н. Жуковича и Кобринскаго—Льва Пашкевича. Предложить комиссіи имѣть въ виду и обсудить слѣдующія соображенія: 1) не было ли бы удобнѣе въ Кобринскихъ зданіяхъ устроить женское духовное училище, во всемъ подобное Виленскому, съ тремя классами и съ двухгодичнымъ въ каждомъ классѣ курсомъ, только безъ иностранныхъ языковъ и музыки; 2) могутъ ли быть найдены въ Кобринскихъ зданіяхъ помѣщенія для трехъ классовъ по 30 дѣвицъ въ каждомъ и для спаленъ; 3) будетъ ли возможно, при затруднительности найти учителей въ уѣздномъ городѣ, поручить преподаваніе особенно способнымъ и съ отличіемъ окончившимъ курсъ воспитанницамъ Виленскаго училища; 4) какія суммы приблизительно потребуются на первоначальную меблировку училища, на послѣдующій ежегодный ремонтъ, освѣщеніе, отопленіе, жалованье служащимъ и содержаніе воспитанницъ пищею и одеждою; 5) изъ

какого источника можно бы получить потребныя суммы; 6) отцу благочинному Виленскаго женскаго духовнаго училища поручаю сообщить комиссіи существенныя и необходимыя свѣдѣнія о здѣшнемъ училищѣ, росписаніе уроковъ, свѣдѣнія о жалованьѣ каждому лицу, о содержаніи воспитанницъ и о прочемъ необходимымъ. Курсы начались бы въ Кобринскомъ училищѣ въ четные годы; 7) комиссія не выступитъ изъ предѣловъ даннаго порученія, если представить свои соображенія, не заключающіяся въ предложенныхъ вопросахъ; 8) комиссія озаботится представить свои соображенія не позднѣе 1 февраля будущаго 1890 года.“ Къ сожалѣнію, кончина владыки затормазила и до настоящаго времени разрѣшеніе давно уже назрѣвшаго вопроса о необходимости или расширенія зданій настоящаго женскаго училища въ Вильнѣ, или же устройства новаго, въ которомъ, вмѣстѣ съ дочерьми священниковъ и діаконровъ, могли бы получать образованіе и дочери псаломщиковъ, по примѣру великороссійскихъ епархіальныхъ женскихъ училищъ.

Заботливость владыки о надежномъ составѣ учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вызывала иногда съ его стороны выраженіе неудовольствія по поводу принятія въ сіи заведенія лицъ, казавшихся ему не вполне благонадежными въ нравственномъ отношеніи и поступавшими изъ свѣтскихъ училищъ. Посему, когда правленіе Литовской духовной семинаріи, во время отсутствія владыки изъ Вильны для обзора епархіи, допустило до экзамена въ третій классъ бывшаго ученика Гродненской гимназіи К., высокопреосвященный на журналѣ правленія о семъ написалъ, что „сего ученика не слѣдовало допускать до экзамена, какъ имѣющаго неудовлетворительныя отмѣтки по тремъ и самымъ главнымъ предметамъ гимназическаго курса и выбывшаго изъ гимназіи въ срединѣ года (что не безъ подозрѣнія)“. Когда же къ нему поступилъ на утвержденіе журналъ семинарскаго правленія уже о принятіи сего ученика въ 3-й классъ семинаріи, какъ выдержавшаго удовлетворительно экзаменъ приемный по всѣмъ предметамъ 1-го и 2-го класса семинаріи, то владыка написалъ не безъ ироніи резолюцію, въ которой указывалось на то, что сему К. слѣдуетъ отказать, какъ выбывшему изъ гимназіи среди года и не представившему ни объясненій о причинахъ выбытія изъ заведенія, ни свидѣтельства о своемъ поведеніи, по выбытіи изъ гимназіи до подачи прошенія о принятіи въ семинарію, „хотя и выдержавшему, къ удивленію, удовлетворительно испытаніе какъ по предметамъ, по которымъ

былъ слабъ въ гимназiи, такъ даже по предметамъ, не преподававшимся въ оной“. Но когда сей воспитанникъ представилъ удовлетворительную рекомендацію о своемъ поведенiи и вообще о благонадежности своего направленiя отъ лицъ авторитетныхъ, какъ, напр., отъ преосвященнаго викарiя Брестскаго, тогда владыка согласился оставить сего ученика въ семинарiи на годъ, а послѣ сего срока, когда и семинарское начальство аттестовало сего ученика съ наилучшей стороны въ отношенiи поведенiя, высокопреосвященный уже безпрепятственно дозволилъ ему продолжать свое образованiе въ семинарiи. (Ученикъ сей съ 1894 г. состоитъ священникомъ въ Гродненской губернiи). Въ другомъ же случаѣ, когда правленiе Виленскаго духовнаго училища отказало въ приѣмъ въ училище сыну священника, нашедши его недостаточно подготовленнымъ къ поступленiю въ приготовительный классъ училища, владыка, принявъ во вниманiе, съ одной стороны, благонадежность его въ отношенiи поведенiя, какъ сына священника, а съ другой стороны, нашедши его по экзамену, произведенному имъ самимъ, заслуживающимъ принятiя въ училище, распорядился принять его, написавъ такую резолюцію на журналъ правленiя сего училища о результатахъ приѣмныхъ испытанiй и перезкзаменовокъ: „Священническiй сынъ В. Л. по-русски читалъ вполнѣ свободно, увѣренно и съ возможнымъ для его возраста пониманiемъ читаннаго, пишетъ удовлетворительно, какъ видно изъ приложенной бумаги, молитву „Богородице Дѣво радуйся“ прочиталъ и знаменiе крестное сдѣлалъ правильно. Сего для принятiя въ приготовительный классъ училища достаточно. Посему предлагаю правленiю училища священническаго сына Л. принять въ приготовительный классъ училища, отцу же его за усмотрѣнное при экзаменѣ сына его небреженiе въ наученiи будетъ сдѣлано замѣчанiе отъ меня“ (Сынъ его не умѣлъ прочитать „Отче нашъ“). Неоднократно случалось, что владыка отъ себя дѣлалъ правленiямъ того или другаго учебнаго заведенiя предложенiя, направленныя къ достиженiю въ нихъ лучшей постановки учебнаго дѣла по тому или другому предмету. Такъ, 10 ноября 1885 г., въ видахъ достиженiя лучшихъ результатовъ отъ преподаванiя гомилетики въ семинарiи, владыка предложилъ семинарскому правленiю назначать вмѣсто одной проповѣди на одинъ день для всѣхъ воспитанниковъ (какъ это раньше практиковалось) отдѣльныя проповѣди на воскресные и праздничные дни—съ 12 января 1886 г. по 15 iюня, по особому росписанiю, составленному преподавателемъ гомилетики, въ кото-

рое должны войти воспитанники VI и V классов семинаріи съ тѣмъ, чтобы лучшія проповѣди, по указанію наставника и съ одобренія ректора, были произносимы въ семинарской церкви. Благо результаты сей постановки дѣла не замедлили сказаться въ скоромъ же времени. Многія изъ проповѣдей, составленныхъ учениками и произнесенныхъ за ранней или поздней литургіей въ церкви Свято-троицкаго монастыря, удостоились одобренія отъ самого владыки, которому онѣ послѣ произнесенія представлялись, и съ удовольствіемъ выслушивались посѣтителями монастырской церкви. А для того, чтобы воспитанники могли произносить свои поученія съ церковной кафедры, архипастырь распорядился, чтобы воспитанники V и VI к. были представляемы для посвященія ихъ въ стихарь, что до него долгое время не практиковалось. Наконецъ, желая, чтобы и каникулярное время въ теченіе рождественскихъ праздниковъ проводилось воспитанниками семинаріи въ домахъ родителей не безъ пользы для своего образованія, владыка предложилъ 4-го декабря 1885 г. семинарскому правленію „по случаю приближающагося довольно продолжительнаго, отъ 20 декабря по 8 января, для воспитанниковъ семинаріи каникулярнаго времени, войти въ обсужденіе вопроса, не было ли бы полезно дать воспитанникамъ отдѣльное каждому какое-либо не оффиціальное, но полезное и съ цѣлю духовнаго воспитанія сообразное занятіе, напр., не было ли бы полезно дать для прочтенія что-либо изъ свято-отеческихъ твореній св. Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, изъ св. Дмитрія Ростовскаго, изъ св. Тихона, изъ классическихъ ученыхъ книгъ, напр., Введенія въ богословіе преосвященнаго Макарія, Догматическаго богословія его-же, Сильвестра, Филарета, историковъ: Евсевія, Сократа, Созомена и пр.; для слабыхъ въ языкахъ — переводъ и т. д.“. Къ сожалѣнію, это предложеніе владыки не было приведено въ исполненіе въ виду возможной потери значительнаго по количеству и цѣнности книгъ во время каникулъ. Неоднократно владыка замѣнялъ представленныя правленіемъ семинаріи темы для сочиненій своими: такъ, напр., тему: „Евгеній Онѣгинъ“, предназначенную для учениковъ 1 класса, онъ замѣнилъ темой: „Борисъ Годуновъ по Пушкину“; тему для учениковъ 2 класса: „Значеніе духовныхъ стиховъ“ — темой: „Существенныя мысли легенды объ Ильѣ Муромцѣ и значеніе этой легенды“; для 5 класса тему: „Ходъ греко-римскаго законодательства“ замѣнилъ темой: „Какіхъ послѣдствій ожидали языческія власти, подвергая христіанъ гоненіямъ и какія послѣд-

ствія имѣли гоненія на самомъ дѣлѣ“; тему: „Содержаніе романа Гончарова „Обломовъ“ — темой: „Содержаніе романа Толстого „Война и Миръ“. А въ 1890 г. онъ совершенно измѣнилъ распредѣленіе темъ по предметамъ, увеличивъ число оныхъ по словесности въ первыхъ двухъ классахъ, по философскимъ предметамъ—въ 3 и 4 классѣ и по богословскимъ предметамъ—въ 5 и 6 классахъ. Въ этомъ распредѣленіи темъ нельзя не видѣть намѣренія владыки въ первыхъ двухъ классахъ образоватъ преимущественно „словесниковъ“; въ 3 и 4-мъ — „философовъ“ и въ послѣднихъ двухъ классахъ — „богослововъ“. Строгое вниманіе обращалъ архипастырь и на выписку книгъ для библиотекъ, что выражалось въ недозволеніи выписать нѣкоторыя книги, предназначенныя къ выпискѣ семинарскимъ правленіемъ. Такъ, однажды, онъ замѣнилъ 14 нумеровъ книгъ, относившихся преимущественно къ естественной исторіи, которыя предположено было выписать правленіемъ, 16 нумерами книгъ духовнаго содержанія.

Добрую память оставилъ владыка по себѣ въ подвѣдомственныхъ ему духовно-учебныхъ заведеніяхъ и тѣмъ, между прочимъ, что нашелъ вполне возможнымъ, безъ всякаго ущерба для учебнаго дѣла, продлить каникулярное время лѣтнее—для воспитанниковъ духовной семинаріи и мужскихъ духовныхъ училищъ съ 21 іюня по 21 августа, а для женскаго духовнаго училища съ 1 іюня тоже по 21 августа, а рождественскіе каникулы съ 20 декабря по 9 января, находя въ послѣднемъ случаѣ требованіе устава, чтобы ученики являлись непременно 7 января, не выполнѣ раціональнымъ, такъ какъ сіе требованіе или лишаетъ учениковъ возможности быть на такихъ рѣдкихъ богослуженіяхъ, какъ сочельникъ Крещенія и самый, за выѣздомъ въ дорогу, праздникъ, или же ведетъ къ тому, что ученики вмѣстѣ съ родителями вымышляютъ иногда разныя причины для оправданія своего опозданія на уроки. Когда же владыка отсрочилъ зимніе каникулы, ученики стали являться аккуратно къ назначенному сроку всѣ, такъ что преподаватели получили возможность вести дѣло уже съ цѣлымъ классомъ, а не съ небольшою частію онаго, какъ это было раньше. Черезъ это и учебное дѣло шло успѣшнѣе. Когда однажды случилось, что 6 учениковъ VI класса не явились въ срокъ изъ отпуска послѣ лѣтнихъ каникулъ, то высокопреосвященный, узнавъ о семъ, предложилъ правленію о сихъ ученикахъ, неявившихся безъ уважительной причины, имѣть сужденіе и представить ему свое о томъ мнѣніе. Слѣдствіемъ сего

было то, что эти ученики лишены были отпуска на рождественскіе каникулы. Съ цѣлю ближайшаго ознакомленія съ жизнію и ходомъ учебнаго дѣла въ Виленскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, высокопреосвященный въ первые три года своего служенія въ Вильнѣ, очень часто посѣщалъ оныя, особенно семинарію, и притомъ очень нерѣдко—запросто, пѣшкомъ и неожиданно, какъ во время уроковъ, такъ и во время вечернихъ занятій, причемъ въ послѣднемъ случаѣ—присутствовалъ за ужиномъ воспитанниковъ семинаріи и за вечернею молитвою. Являясь на урокъ въ семинарію въ извѣстный классъ, владыка садился на свободное мѣсто между учениками и просиживалъ урокъ, не дѣлая никакого вопроса или замѣчанія отвѣчающему или наставнику, такъ что послѣдніе въ его присутствіи чувствовали себя совершенно свободно. Во время экзаменовъ онъ также часто посѣщалъ Виленскія духовно-учебныя заведенія, присутствуя на оныхъ всего чаще въ старшихъ классахъ. Послѣдній разъ на экзаменѣ въ семинаріи архипастырь былъ въ VI кл. по гомилетикѣ въ 1890 г., на которомъ имѣлъ быть и Виленскій генераль-губернаторъ И. С. Кохановъ. Предъ началомъ сего экзамена высокопреосвященный прислалъ запечатанный конвертъ съ собственноручною надписью: „вскрыть въ залѣ предъ началомъ экзамена по гомилетикѣ“. По вскрытіи сего конверта оказалось написанное собственноручно имъ: „послѣ отвѣта по гомилетикѣ, каждый отвѣчавшій скажетъ поученіе прихожанамъ, по случаю полученія извѣстія о томъ, что одна прихожанка молодая и мать семейства, шедшая на богомолье, утонула въ рѣкѣ, вслѣдствіе неосторожности перевозчика“. Посѣщалъ также владыка духовно-учебныя заведенія и въ частности семинарію Литовскую, по случаю служенія въ Свято-троицкомъ монастырѣ, гдѣ она помѣщается, въ дни храмовыхъ праздниковъ. Послѣднее служеніе его въ семъ монастырѣ было въ 1890 г. въ день Пятидесятницы, когда онъ, по окончаніи службы, зашелъ, какъ и раньше дѣлалъ, въ столовую комнату семинаріи и, благословивъ трапезу учениковъ, посѣтилъ квартиру о. ректора семинаріи. Здѣсь за чаемъ владыка велъ привѣтливую бесѣду, нелишенную обычнаго ему юмора, съ преподавателями семинаріи и за тѣмъ, благословивъ ихъ, какъ оказалось уже послѣдній разъ, отбылъ изъ семинаріи. Вообще въ своихъ отношеніяхъ къ преподавателямъ служащимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ владыка отличался внимательностію и деликатностію, которая, между прочимъ, выражалась въ томъ, что онъ cadaго преподавателя зналъ и называлъ по имени

и отчеству. Труды служащихъ въ сихъ заведеніяхъ поощрялись имъ какъ словомъ его, такъ и иногда дѣломъ. Въ силу этого онъ остался очень доволенъ, когда Виленскій училищный окружной съѣздъ въ 1886 году, послѣ неоднократныхъ прежде отказовъ, назначилъ по 200 р. пособія ежегоднаго состоящимъ на училищной службѣ въ Виленскомъ духовномъ училищѣ. Утверждая это постановленіе училищнаго съѣзда, владыка написалъ, между прочимъ, на протоколѣ съѣзда слѣдующее: „Благодарю духовенство за вниманіе къ трудящимся въ дѣлѣ воспитанія и обученія его дѣтей и питаю увѣренность, что оказанное пособіе получающими оное лицами будетъ принято, какъ побужденіе къ усугубленію ревности и усердія.“ Въ другомъ случаѣ, по поводу рапорта настоятеля Жировицкаго монастыря, коимъ онъ просилъ высокопреосвященнаго предложить отъ своего имени учителямъ Жировицкаго духовнаго училища, съ академическимъ образованіемъ, принять на себя составленіе описанія Жировицкаго монастыря и училища, владыка на семь рапортѣ написалъ: „Къ составленію историческаго и современнаго описанія Жировицкаго монастыря и училища съ ихъ библіотеками и архивомъ, призываю ревность, усердіе и чувство благодарности г. смотрителя, его помощника и учителей К. и С. и поручаю имъ разобратъ архивныя дѣла и документы, относящіеся къ исторіи монастыря, а равно собрать свѣдѣнія о монастырѣ, разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ и архивахъ и изъ всего этого составить, по возможности, полное описаніе монастыря. Этотъ трудъ, съ успѣхомъ выполненный, будетъ добрымъ памятникомъ ихъ просвѣщенной дѣятельности“. Точно также незадолго до своей смерти высокопреосвященный высказалъ свое намѣреніе поручить семинарской корпораціи составленіе и изданіе въ свѣтъ „историко-статистическаго описанія Литовской епархіи“, матеріалъ для составленія котораго былъ, по распоряженію владыки, представленъ духовенствомъ Литовской епархіи еще въ 1888 году, такъ какъ предполагалось это описаніе составить и напечатать ко времени празднованія пятидесятилѣтняго юбилея со дня воссоединенія униатовъ съ православною церковію въ 1889 году. Къ сожалѣнію, за смертію владыки, намѣреніе его не осуществилось, и описаніе до сихъ поръ не издано. Но призывая преподавателей къ трудамъ, такъ-сказать, сверхъ должнымъ и поощряя за то своимъ архиерейскимъ вниманіемъ, высокопреосвященный Алексій несочувственно относился къ требованіямъ ихъ получать матеріальное вознагражденіе за труды,

понесенные ими въ дѣлѣ преподаванія извѣстнаго предмета временно, за болѣзнію штатнаго наставника. Въ семь случаевъ онъ или только отчасти удовлетворялъ подобное требованіе, сопровождая свое согласіе на такое удовлетвореніе резолюціею, которая должна была предостеречь просителей отъ подобной просьбы на будущее время, или же и совершенно отказывалъ въ просимомъ. Такъ, на журналѣ правленія Жировицкаго духовнаго училища отъ 10 сентября 1889 г., пост. 2. владыка положилъ весьма характерную резолюцію, напоминающую Филаретовскія: „Въ прежнія грубыя и обруганныя времена взаимопомощь наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній была безмездная—Бога ради, за совѣсть и братскую любовь. Въ нынѣшнія просвѣщенные времена разрѣшается выдать вознагражденіе за каждый данный сверхдолжный урокъ учителю Д. по пятидесяти копѣекъ“. Въ другомъ подобномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ семинаріи, владыка положительно отказалъ правленію оной ходатайствовать объ отпускѣ изъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ суммы на вознагражденіе Л., преподававшаго временно уроки латинскаго языка, за болѣзнію преподавателя, такъ что правленіе семинаріи выдало ему вознагражденіе за преподаваніе сихъ уроковъ изъ суммъ, имѣвшихся въ его собственномъ распоряженіи. Строгое вниманіе обращалось архипастыремъ на соотвѣтствіе того или другого преподавателя или вообще служащаго по духовно-учебному вѣдомству въ Литовской епархіи занимаемому имъ мѣсту. Посему, когда одинъ преподаватель семинаріи пожелалъ перейти съ преподаваемаго имъ предмета на другой, болѣе легкій, именно съ церковной исторіи на гражданскую, и правленіе сдѣлало о томъ представленіе владыкѣ, послѣдній не согласился на это, написавъ на журналѣ, что онъ „не усматриваетъ никакихъ основаній къ перемѣщенію преподавателя магистра Ж. съ болѣе труднаго и важнаго предмета на легкій, а съ другой стороны, изъ рекомендаціи семинарскаго правленія онъ усматриваетъ, что помощникъ инспектора Л. заявилъ себя преподавательскою опытностью именно по предмету гражданской исторіи, а посему онъ согласенъ ходатайствовать о назначеніи преподавателемъ гражданской исторіи именно помощника инспектора, кандидата Л.“. Впрочемъ, это ходатайство высокопреосвященнаго было отклонено учебнымъ комитетомъ въ виду того, что представленный имъ кандидатъ не слушалъ лекцій въ академіи по гражданской исторіи. Когда же это спорное мѣсто занялъ противъ его желанія и помимо его N., тогда

преосвящ. Алексій, снесшись съ кѣмъ слѣдовало по сему поводу, дозволили N оставаться преподавателемъ семинаріи только въ теченіе шести мѣсяцевъ. И, несмотря на всѣ усилія N умоливать владыку, чтобы онъ согласился на оставленіе его преподавателемъ семинаріи, высокопреосвященный остался неумолимъ, и N долженъ былъ подать прошеніе объ увольненіи его отъ должности. Не согласился также владыка съ представленіемъ семинарскаго правленія о предоставленіи должности учителя французскаго языка въ семинаріи одному соискателю онаго, написавъ на семь журналѣ слѣдующую и при томъ послѣднюю резолюцію по учебнымъ дѣламъ въ семинаріи, изъ которой правленіе могло усмотрѣть, что имъ было опущено изъ виду, при обсужденіи дѣла: „30 октября 1890 г., по ст. 1. г. N. и предъ семинарскимъ правленіемъ и предъ всѣми является какъ незнающій французскаго языка, ибо не имѣетъ удостовѣренія о своемъ знаніи отъ учебнаго заведенія, засвидѣтельствовавшаго всѣ его знанія. Слѣдовательно, о назначеніи его преподавателемъ французскаго языка въ семинаріи не могло быть и рѣчи. Если въ его аттестатѣ нѣтъ отмѣтки о знаніи имъ французскаго языка по упущенію академическаго правленія, то объ исправленіи этого упущенія онъ долженъ былъ хлопотать самъ. Но поелику уже заведено сношеніе съ академическимъ правленіемъ, то нужно ожидать отвѣта и, по полученіи, подвергнуть дѣло все новому обсужденію. Допускать же незнающаго и до временнаго преподаванія невозможно“. Въ слѣдующемъ случаѣ выразилась замѣчательно вѣрная оцѣнка владыки относительно непригодности челоуѣка для занимаемаго имъ мѣста по духовно-учебному вѣдомству, а именно: не понравился по разнымъ причинамъ ему письмоводитель Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства П., и на одномъ изъ журналовъ правленія сего училища, незадолго уже до своей смерти, высокопреосвященный написалъ: „небезопасно имѣть на должности письмоводителя челоуѣка столь лѣгкомысленнаго и малосмысленнаго, непонимающаго, что онъ дѣлаетъ. Посему предложить г. П. въ теченіе двухъ мѣсяцевъ приискать себѣ мѣсто въ свѣтскомъ званіи и къ тому времени найти на его мѣсто другого“. И что же оказалось? Черезъ двѣ недѣли, послѣ смерти владыки, сей письмоводитель обманнымъ образомъ захватилъ изъ губернскаго казначейства денежный ящикъ училища. Но успѣвши растратить только сравнительно незначительную сумму—около 400 р.—и будучи случайно обнаруженъ, при захватѣ его полиціей ранилъ себя огнестрѣль-

нымъ оружіемъ и скоро умеръ. Насколько внимательно высокопреосвященный смотрѣлъ за аккуратнымъ исполненіемъ служащими по духовно-учебному вѣдомству даже тѣхъ обязанностей, которыя возложены были на нихъ самимъ имъ, хотя и не относившихся прямо къ учебной ихъ службѣ, видно изъ того, что, когда онъ узналъ о неаккуратномъ посѣщеніи однимъ изъ членовъ правленія засѣданій онаго, то предложилъ правленію сего заведенія доставить ему справки, въ сколькихъ засѣданіяхъ въ предшествующемъ году присутствовалъ онъ членъ правленія и во сколькихъ не присутствовалъ. Даже при отпускѣ на лѣтніе каникулы должностныхъ лицъ по духовно-учебному вѣдомству владыка требовалъ строгаго соблюденія относящагося до сего закона. Посему на докладѣ ректора семинаріи отъ 2 іюля 1890 года о состояніи семинаріи, при чемъ указывалось число лицъ, служащихъ въ оной и уѣхавшихъ на лѣтніе каникулы въ отпускъ, написалъ: „прошу о ректора семинаріи объяснить мнѣ законный порядокъ увольненія въ отпускъ на каникулярное время членовъ семинарскаго правленія и другихъ должностныхъ лицъ, напримѣръ, секретаря правленія, помощника инспектора, надзирателя. Уже ли по закону такъ просто: „заявляю, что хочу уѣхать!“ Принимаю очень близко къ сердцу нужды духовенства, владыка весьма внимательно наблюдалъ за правильнымъ распределеніемъ казенныхъ вакансій въ подвѣдомственныхъ ему духовно-учебныхъ заведеніяхъ и часто не соглашался по этому поводу съ опредѣленіями правленій о принятіи тѣхъ или другихъ учащихъ на казенное содержаніе. Такъ, въ 1887 году онъ предложилъ семинарскому правленію принять, по его собственному указанію, одного ученика на полное казенное содержаніе и четырехъ на полуказенное, а въ 1889 г., по поводу прошенія ученика семинаріи Ж. о принятіи его на казенное содержаніе и отказа семинарскаго правленія ему въ томъ, въ виду не вполне удовлетворительныхъ его успѣховъ, высокопреосвященный нашелъ, что „священникъ, имѣющій 8 челоуѣкъ дѣтей и тронихъ воспитывающихся въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣетъ право на пособіе отъ казны, и семинарское правленіе имѣетъ возможность (85 стипендій полныхъ) оказать такому священнику пособіе, почему и предложилъ правленію воспитанника Ж. принять на полуказенное содержаніе, указавъ ему въ семъ новое побужденіе къ усугубленію прилежанія въ ученіи“. Въ другомъ же случаѣ, когда правленіе Виленскаго женскаго духовнаго училища представило ему журнальное опредѣленіе о

принятіи на казенное содержаніе нѣкоторыхъ воспитанницъ училища, владыка не нашелъ справедливымъ, утвердить сей журналъ и написалъ на ономъ такую резолюцію: „На помѣщеніе на казенное содержаніе дѣвицъ Д. М. и О. М.—буду согласенъ, если правленіе удостовѣритъ меня, что священникъ А. М., имѣющій трехъ дѣтей и П. М. (имѣющій 4-хъ малолѣтнихъ неустроенныхъ дѣтей) бѣднѣе и многосемейнѣе прочихъ священниковъ, дочери которыхъ на казенное содержаніе не приняты“. На другомъ же журналѣ правленія того же училища и потому же предмету владыка написалъ: на „казенное содержаніе, вмѣсто дѣвицъ О. М. и Д. М., предлагаю принять Н. О., отецъ которой имѣетъ 5 человекъ дѣтей и душевно-больную жену, и воспитанницу того же класса Н. П., отецъ которой имѣетъ 11 человекъ дѣтей отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 20 лѣтъ, и четверо изъ нихъ въ учебныхъ заведеніяхъ“. А правленію Ж. духовнаго училища въ августѣ 1890 года онъ предписалъ, чтобы всѣ прошенія относительно принятія на казенное содержаніе, какія поданы, вмѣстѣ со свидѣтельствами о семейномъ и имущественномъ положеніи просителей, съ указаніемъ на списокъ, кого правленіе, согласно мнѣнію, по настоящей статьѣ предполагаетъ принять, и впредь всегда представлять. Иногда владыка, по своему отеческому снисхожденію, приходилъ на помощь ученику въ нуждѣ, при неудобствѣ оффиціального содѣйствія, путемъ неоффиціальнымъ. Такъ на прошеніи священника К. о помѣщеніи сына его, ученика семинаріи, въ Свято-духовскій монастырь на квартиру и столъ, за невозможностію оставаться ему въ семинарскомъ общежитіи, какъ не внесшему денегъ за свое содержаніе, высокопреосвященный архипастырь уже дрожащей рукою (это было 9-го ноября 1890 г., наканунѣ дня смерти) написалъ: „О. намѣстнику поручаю дать пріютъ въ монастырѣ мальчику К., ученику семинаріи, вмѣстѣ съ послушниками до праздника Рождества Христова, подъ непремѣннымъ условіемъ, если будетъ вести себя хорошо“. Такъ какъ, согласно уставу духовныхъ училищъ, извѣстная часть вопросовъ, касающихся жизни оныхъ, предоставлена обсужденію училищныхъ съѣздовъ отъ духовенства, то не неумѣстно будетъ замѣтить при семъ, что владыка самъ за цѣлый годъ впередъ назначалъ сообразное время для открытія съѣзда и поименно депутатовъ, не любя, впрочемъ, назначать на оный молодыхъ священниковъ, какъ малоопытныхъ, а благочинныхъ, или же помощниковъ ихъ. При семъ, считая назначеніе депутатомъ на съѣздъ большою честью

для священника, владыка очень былъ недоволенъ, когда кто-либо изъ назначенныхъ имъ на съѣздъ священниковъ отказывался отъ сего и потому на прошеніи священника Ч. объ увольненіи его отъ должности депутата Жировицкаго съѣзда, написалъ слѣдующую далеко нелестную для сего священника резолюцію: „Въ консисторію. Объяснить священнику Ч. все неприличіе и неосновательность сего прошенія. Священникъ, не-пріемлющій оказываемой ему чести и отказывающійся сидѣть съ почтенными людьми и разсуждать съ ними о предметахъ не малой важности, не даетъ о себѣ добраго понятія“. Но, при всей внимательности владыки къ членамъ съѣздовъ духовенства, которая, наприм., сказывалась въ томъ, что онъ съ членами съѣздовъ по Виленскому училищному округу нерѣдко посѣщалъ вмѣстѣ и семинарію во время ужина учениковъ, и женское духовное училище—во время обѣда воспитанницъ, причемъ какъ бы въ знакъ видимаго уваженія къ о.о. депутатамъ увольнялъ воспитанницъ отъ учебныхъ занятій на день, или 2, когда ему представлялось, что извѣстное дѣло обсуждено съѣздомъ недостаточно основательно, онъ отказывалъ съѣзду въ утверженіи его постановленія по сему дѣлу. Такъ, на протокольномъ опредѣленіи съѣзда духовенства Жировицкаго округа, о закрытіи приготовительнаго класса въ Жировицкомъ училищѣ, высокопреосвященный написалъ: „такъ какъ сей вопросъ былъ постановленъ внезапно, безъ всякой предварительной разработки и единственно, какъ кажется, по подражанію, по министерству Народнаго Просвѣщенія распоряженію, и въ заявленіи училищнаго правленія обслѣдованъ поверхностно, то не представляется возможности нынѣ же закрыть приготовительный классъ и необходимо оставить его въ настоящемъ положеніи“.

Будучи въ своей частной жизни весьма бережливъ и расчетливъ, высокопреосвященный Алексій строжайшимъ образомъ требовалъ этой бережливости и въ экономіи духовно-учебныхъ заведеній и, можно по справедливости сказать, стоялъ на стражѣ каждой копѣйки, которая шла на содержаніе сихъ заведеній и учащихся въ нихъ. Цѣлый рядъ резолюцій его по экономическимъ дѣламъ, одна другой требовательнѣе и строже, вполне доказываютъ это. Такъ, на одномъ изъ протоколовъ съѣзда духовенства Виленскаго училищнаго округа, въ которомъ сей съѣздъ просилъ членовъ правленія училища заботиться о бережливомъ расходованіи суммъ на содержаніе учащихся и нужды училища, владыка написалъ: „къ мнѣнію духовенства,

выраженному во 2-мъ пунктѣ постановленнаго съѣздомъ, присоединяюсь вполнѣ и съ своей стороны предлагаю училищному правленію церковную копѣйку беречь всемѣрно, не скупясь на нужды и заботы по удовлетворительному веденію училищной экономіи. Бюджетъ высокъ. Почти до 200 руб. на каждаго воспитанника. Не должно возвышать еще болѣе“. Недовольный положеніемъ экономической части въ одномъ изъ духовныхъ училищъ, владыка 21 февраля 1888 года по поводу объясненія, даннаго правленіемъ училища, по его же требованію, о количествѣ хлѣба, израсходованнаго на учениковъ, положилъ такую резолюцію: „объясненіе эконома не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, да и не отъ него требовалось объясненіе, а отъ правленія, на обязанности котораго лежитъ веденіе училищной экономіи. Остается неизвѣстнымъ, считаетъ ли правленіе объясненіе эконома правильнымъ и удовлетворительнымъ и смотритъ ли за экономомъ, или же все сдано въ его безотчетное распоряженіе. Считаетъ ли правленіе правильнымъ такіа заявленія и дѣйствія эконома, что нынѣ, наприм., выдается 8 пудовъ муки и нынѣ же записывается, что изъ нея получено 11 пудовъ 37 фунт. хлѣба, хотя хлѣбъ въ печи еще не былъ“. Въ другой своей резолюціи, по тому же дѣлу и въ томъ же училищѣ, владыка предложилъ членамъ правленія внимательнѣе относиться къ дѣлу наблюденія за экономіей, написавъ на журналѣ сего правленія отъ 27 іюня 1888 г.: по статьѣ 5. утверждается. Какъ поводомъ предложенія двухъ членовъ правленія служатъ недовѣріе къ дѣятельности эконома, то рекомендуется имъ, сверхъ рекомендованнаго прежде личнаго приема поступающихъ продуктовъ, еще личный же и ежедневный надзоръ за выдачею продуктовъ изъ кладовой и за приготовленіемъ изъ нихъ хлѣба и кушанья въ хлѣбной и на кухнѣ и за раздачею приготовленнаго ученикамъ въ столовой. Членовъ правленія отъ духовенства всякій разъ, когда они бывають въ училищѣ,—приглашать въ столовую, кладовую и кухню, дабы и они осуществляли право надзора, порученнаго имъ духовенствомъ, не на бумагѣ только, но и на самомъ дѣлѣ, въ чемъ и заключается главная задача ихъ служенія, за которое духовенство платитъ и деньги“. О внимательномъ разсмотрѣніи высокопреосвященнымъ даже повидимому такихъ для него маловажныхъ документовъ, какъ еженедѣльные отчетныя вѣдомости по семинаріи о приходѣ и расходѣ съѣстныхъ припасовъ, свидѣтельствууетъ слѣдующая его резолюція, положен-

ная на таковой вѣдомости въ декабрѣ 1886 г. „Къ 6 декабря оставалось печенаго хлѣба 76 пудовъ 25 фунтовъ. Невѣроятно положить, чтобы дѣлались такіе большіе запасы продукта, который не готовится въ запасъ на долгое время. Впрочемъ, здѣсь нужно предположить неправильность записи, 2) расходъ соли въ $23\frac{1}{4}$ фун. въ день также представляется превышающимъ дѣйствительную надобность; 3) не достаточно ясно представляется заготовка чернослива за декабрь мѣсяцъ въ количествѣ 24 пудовъ, тогда какъ мѣсячный расходъ чернослива только 3 пуда 2 фун. Предлагаю правленію объяснить мнѣ это, не ясное для меня“. Правленіе семинаріи во исполненіе сей резолюціи представило удовлетворительное объясненіе. Цѣны на постановку съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ на нужды духовно-учебныхъ заведеній также строго разсматривались владыкою, при чемъ онъ предлагалъ правленіямъ иногда или войти въ соглашеніе съ тѣмъ или другимъ подрядчикомъ, соглашавшимся отпускать извѣстный продуктъ дешевле, или же иногда своею резолюціей самъ оставлялъ подрядъ за извѣстнымъ лицомъ, которое ему представлялось болѣе благонадежнымъ и уступчивымъ въ отношеніи цѣны. Такъ, 20 декабря 1888 года онъ предложилъ правленію семинаріи (въ виду возвышенія цѣнъ на мясо) сдѣлать еще попытку къ удержанію цѣны предыдущаго года и предложить это подрядчику Немзеру, или же еще пригласить другихъ поставщиковъ“. Результатомъ сей резолюціи было то, что подрядчикъ Н. согласился поставлять мясо по прежней цѣнѣ. Когда же въ 1890 году этотъ подрядчикъ снова возвысилъ цѣну на поставку въ семинарію мяса, владыка, указавъ въ своей резолюціи семинарскому правленію на то, что Немзеръ въ духовномъ училищѣ беретъ за пудъ говядины по 3 руб. 60 коп., а въ семинаріи, по непонятной причинѣ, требуетъ 3 руб. 70 коп., и на то, что правленіемъ не разсмотрѣно еще заявленіе Ч., представляющее значительное пониженіе цѣнъ на всѣ предметы сравнительно съ цѣнами Гинцбурга,—предложилъ правленію подвергнуть это дѣло новому разсмотрѣнію, съ вызовомъ обоихъ подрядчиковъ. А на журналѣ правленія Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства онъ однажды прямо написалъ, что изъ предметовъ, (на которые происходили торги), предоставить поставку 1) ржаной муки, 2) ячменной крупы, 3) просиной, 4)—гречневой—Г., по объявленной имъ цѣнѣ. Поставку же говядины предоставить Р. по 2 руб. 30 коп. за пудъ,—К.—пшеничную муку 1-го сорта

отдать по 1 руб. 85 коп. за пудъ, перловую крупу за 1 руб. 50 коп. за пудъ и ячменную крупу за 1 руб. 65 коп. за пудъ. Мытье бѣлья предоставить А. М. на прежнихъ условіяхъ“. Когда же случилось, что правленіе Виленскаго духовнаго училища, несмотря на неоднократныя предложенія владыки заключить контрактъ на поставку извѣстныхъ матеріаловъ именно съ подрядчикомъ Б., не исполнило сего, представляя свои доводы, тогда высокопреосвященный на одномъ изъ журналовъ сего училища по этому предмету положилъ резолюцію, „что, не имѣя возможности продолжать съ правленіемъ училища пренія, онъ предоставляетъ правленію училища поступить, по его усмотрѣнію, не докладывая ему, а прочее утверждается“.

Выгоды духовно-учебныхъ заведеній по отдачѣ въ аренду принадлежащихъ имъ земель или домовъ также вынуждали владыку неоднократно не соглашаться съ правленіями сихъ заведеній по сему пункту. Поэтому, когда правленіе семинаріи сдѣлало постановленіе о продажѣ одного участка земли, принадлежащаго семинаріи, высокопреосвященный отказался утвердить журналъ, указавъ въ своей резолюціи на то, что онъ не находитъ никакихъ основаній для необходимости продать плацъ, данный, по Высочайшему повелѣнію, на увеличеніе средствъ содержанія Литовской духовной семинаріи“. Имѣя же въ виду сохранить неприкосновенность сихъ участковъ земли (чиншевы), владыка предложилъ, между прочимъ, правленію семинаріи „потребовать отъ всѣхъ чиншевиковъ непременно документы, на основаніи которыхъ они владѣютъ монастырскою, или семинарскою землею, посоветовавшись при семъ съ опытнымъ юристомъ, не могутъ ли быть отобраны плацы отъ чиншевиковъ и плательщиковъ и чтобы, при предполагаемой выдачѣ новыхъ документовъ, имѣть особенную осторожность и все производить не иначе, какъ съ утвержденія епархіальнаго начальства“. Въ другомъ же случаѣ, когда правленіе Виленскаго женскаго духовнаго училища предложило отдать въ аренду участокъ земли, принадлежащій ему, владыка, усмотрѣвъ могущій произойти ущербъ для интересовъ училища при подобной отдачѣ въ аренду, написалъ на журналѣ правленія резолюцію, въ которой указалъ на то, что „такъ какъ правленію училища неизвѣстна арендная плата, которую приносятъ и можетъ принести огородная земля при училищномъ домѣ, то онъ и предлагаетъ правленію училища сдѣлать публикацію объ отдачѣ означенной земли въ арендное содержаніе для выстройки дома, или для введенія огорода, а

объ оказавшемся имѣть сужденіе въ свое время. Съ домовладѣлицею Шуръ завести судебное дѣло, если, по провѣркѣ земельромъ и по совѣту съ юристомъ окажется, что она училищною землею завладѣла дѣйствительно, и искъ противъ нея не безнадеженъ“. Въ тѣхъ же интересахъ матеріальной выгоды для того же женскаго училища владыка не согласился съ правленіемъ онаго относительно отдачи принадлежащаго училищу дома арендатору М. на условіяхъ, на которыхъ согласилось было правленіе, а назначилъ цѣлую комиссію изъ постороннихъ для училища лицъ, съ участіемъ, впрочемъ, членовъ правленія онаго, для подробнаго осмотра дома, съ цѣлью опредѣлить степень доходности его и приблизительно къ тому опредѣлить арендную сумму, за которую можно было бы отдать сей домъ. Мало того, владыка и самъ счелъ необходимымъ побывать во дворѣ сего дома и осмотрѣть его. Результатомъ назначенія посторонней комиссіи изъ опытныхъ лицъ и самоличнаго осмотра дома владыкой было то, что хотя домъ былъ отданъ въ аренду прежнему арендатору, но не на 12 лѣтъ, какъ прежде, а на 6, и съ весьма значительно увеличенною суммой аренды.

Въ заключеніе обзора дѣятельности высокопреосвященнаго Алексія, какъ начальника духовно-учебныхъ заведеній, приводимъ слѣдующія его двѣ резолюціи, которыя свидѣтельствуютъ объ его отеческомъ отношеніи къ учащимся и заботливости его о миролюбіи между духовно - учебными заведеніями, нарушеніе котораго архипастырь совершенно справедливо считалъ великимъ зломъ для оныхъ. Такъ, по поводу рапорта смотрителя Ж. д. у. о появленіи болѣзни инфлюенціи въ училищѣ, владыка написалъ: „озаботьтесь, чтобы больные были совершенно отдѣлены отъ здоровыхъ, дабы не заразить ихъ. Дезинфекція и врачебныя мѣры, надѣюсь, принимаются своевременно и основательно. Отпустите желающихъ учениковъ 20 декабря и собратъся прикажите непременно 8-го января. Благословеніе Господне со всѣми вами и Христосъ съ вами“. По поводу возникшихъ немирныхъ отношеній между правленіями семинаріи и В. духовнаго училища изъ-за ревизіи въ оноу, произведенной преподавателемъ семинаріи Н., владыка, прочитавъ уже нѣсколько взаимныхъ объясненій съ одной и другой стороны по поводу сей ревизіи, и нужно думать, наскучивъ оными, положилъ конецъ взаимнымъ пререканіямъ сихъ правленій резолюціей отъ 8 марта 1889 г., написавъ: „по статьѣ 1-й просить только разъясненія семинарскаго правленія по вопросу, изложенному въ

параграфъ 6-мъ мнѣнія училищнаго правленія, а прочее не со-общать во избѣжаніе чернильной войны, для дѣла бесполезной, а для постороннихъ лицъ соблазнительной“.

Повидимому, на основаніи сдѣланнаго нами обзорѣнія жизни и дѣятельности высокопреосвященнаго Алексія въ Литовской епархіи можно предполагать, что онъ былъ любимъ и цѣнимъ въ оной своими подчиненными. Но на самомъ дѣлѣ этого далеко не было. Объясненіе этой причины отчасти даетъ почтенный публицистъ и знатокъ положенія дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, А. П. Владиміровъ, который пишетъ слѣдующее: „не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что покойный архіепископъ Алексій, одинъ изъ лучшихъ нашихъ іерарховъ, былъ весьма не-любимъ сѣверо-западнымъ православнымъ духовенствомъ изъ „мѣстныхъ“ за то, что онъ былъ слишкомъ великоруссъ, вво-дившій въ епархіи „московскіе порядки“ и опредѣлявшій на мѣста священническія въ краѣ великоруссовъ, что, впрочемъ, было основнымъ пунктомъ муравьевской церковной политики“.¹

Главною же причиной нерасположенія къ пр. Алексію со стороны не малаго числа его подчиненныхъ былъ его очень зоркій глазъ, проникавшій всюду, все видѣвшій и не дававшій воли никому. Эта пронизательность владыки, не позволявшая „обдѣлывать свои дѣлишки“, конечно, была не по вкусу многимъ лицамъ, особенно когда они, подавъ поводъ владыкѣ къ неудовольствію противъ себя, лишались его довѣрія. Вотъ та-кія-то „униженные и оскорбленные“ лица и распространяли молву о пр. Алексіѣ, что онъ „очень придирчивъ и злопамя-тенъ и мелочень, потому что входитъ въ такія дѣла, которыми архіерею и не слѣдовало бы заниматься“. Слово „кацапъ“ или „москаль“, какимъ нерѣдко называли пр. Алексія, какъ велико-росса по рожденію и убѣжденію, многіе изъ „мѣстныхъ“, представлялось для враговъ владыки очень удачнымъ назва-ніемъ, которое въ одномъ словѣ содержало указаніе на всѣ недостатки, какіе только, по ихъ мнѣнію, имѣлъ архипастырь. Есть пословица: „въ городѣ рубятъ, а въ деревнѣ щепки ле-тятъ“. Неудивительно, что распространяемая о пр. Алексіѣ его недоброжелателями, преимущественно, конечно, виленскими, не-благопріятные о немъ слухи доходили и притомъ въ преувел-иченномъ видѣ и до разныхъ болѣе или менѣе близко отстоя-щихъ отъ Вильны уголковъ обширной Литовской епархіи и на-

¹ О положеніи Православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ. 79 стр.

ходили себѣ вѣру въ тѣхъ, кто мало или и совсѣмъ не зналъ сего архипастыря.

Переходя теперь къ описанію домашней—частной жизни высокопреосвященнаго Алексія, прежде всего слѣдуетъ въ ней отмѣтить простоту и скромность, которыя служили отличительными чертами оной.

Ежедневный порядокъ его жизни былъ таковъ: въ пять часовъ утра владыка уже вставалъ. Одѣвшись и умывшись, и помолившись Богу, онъ шель въ Крестовую церковь къ литургіи, которая начиналась въ то время, когда высокопреосвященный жилъ въ Вильнѣ, въ 6¹/₂ ч. утра. Это дѣлалось для того, чтобы присутствовавшіе за службою по очереди семинаристы могли своевременно явиться къ учебнымъ занятіямъ въ семинарію. Въ первые два года служенія владыки литургія начиналась въ 7 часовъ утра. Когда же росписание семинарскихъ уроковъ было составлено такъ, что ученики могли своевременно являться на оныя въ томъ только случаѣ, если служба будетъ начинаться въ 6¹/₂ ч. утра, — пр. Алексій поступилъ охотно своимъ временемъ въ пользу семинаристовъ. Къ приходу его въ церковь, проскомидія должна была быть совершена, но не закончена такъ, чтобы дискосъ и потиръ не были закрыты. Пришедши въ алтарь, владыка дѣлалъ три земныхъ поклона у престола и, приложившись къ нему, подходилъ къ жертвеннику. Здѣсь онъ совершалъ поминовеніе всѣхъ своихъ присныхъ и знаемыхъ, имена которыхъ были внесены въ его совершенно ветхій и избитый помянникъ. Число этихъ именъ было такъ велико, что на поминовеніе ихъ требовалось не мало времени. Тѣмъ не менѣе не помянутымъ не оставался никто изъ записанныхъ въ его помянникѣ. На нѣкоторыхъ страницахъ въ помянникѣ о „здравіи“ было замѣтно много зачеркнутыхъ именъ, какъ видно, лицъ, отшедшихъ уже въ вѣчность и перенесенныхъ на страницы памяти объ усопшихъ. Но, кромѣ того, при семъ помянникѣ имѣлось многое множество отдѣльныхъ записочекъ, какъ-то: о здравіи болящихъ или объ упокоеніи новопреставленныхъ. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ родственниковъ, владыка не только самъ совершалъ поминовеніе ихъ, но и посылалъ въ Виленскіе монастыри извѣстную лепту денежную съ просьбою поминать ихъ въ теченіе сорока дней. Помянувши, владыка становился на свое обычное мѣсто въ алтарѣ, по правую сторону, предъ аналоемъ, на которомъ лежали богослужебныя книги, по которымъ онъ и слѣдилъ за порядкомъ совершаемаго богослуженія.

Послѣ литургіи владыка преходилъ въ столовую (если только у дверей церкви не стояли просители), гдѣ уже ожидалъ его горячій самоваръ на столѣ. Онъ самъ заваривалъ чай, который держалъ въ деревянной шкатулкѣ, запертой на ключъ. Предъ чаемъ кушалъ просфору, принесенную изъ церкви, и затѣмъ пилъ чай изъ чашки, въ накладку, а въ скоромные дни — съ молокомъ, прибавляя въ чай булку. За чаемъ онъ сидѣлъ, если позволяли просители, долго, просматривая газеты или же прочитывая дѣловыя бумаги и налагая на оныхъ резолюціи. Послѣ чая начинался пріемъ посѣтителей и просителей, которымъ онъ не отказывалъ въ пріемѣ даже въ 10 часовъ вечера, если обстоятельства заставляли просителя безпокоить владыку въ такое позднее время. Просителей по дѣламъ принималъ отдѣльно, такъ что каждый могъ свободно рассказать свое дѣло, тѣмъ болѣе, что владыка съ терпѣніемъ, подолгу, выслушивалъ просьбы и, въ предѣлахъ законности, обѣщалъ удовлетворить оныя. Выходившій отъ архипастыря съ обѣщаніемъ удовлетворить его просьбу могъ быть совершенно увѣреннымъ, что владыка исполнитъ свое обѣщаніе. Очень часто высокопреосвященный надѣлялъ просителей брошюрами и благословлялъ иконами, причемъ провожалъ до лѣстницы или до дверей передней. Внимательность владыки къ просителямъ высказывалась, между прочимъ, въ томъ, что онъ, живя лѣтомъ на своей Тринопольской дачѣ, въ 7 верстахъ отъ Вильны, и зная, что для многихъ изъ просителей далеко неудобно являться къ нему туда по своимъ дѣламъ, однажды въ недѣлю, въ заранѣе назначенный имъ день, являлся въ Вильну къ 10 часамъ утра и оставался въ своемъ зимнемъ домѣ дотолѣ, пока не оставалось никого изъ тѣхъ лицъ, кто имѣлъ къ нему дѣло. А если принять во вниманіе то, что архипастырь каждую недѣлю аккуратно совершалъ богослуженіе въ воскресные и праздничные дни или въ Святодуховскомъ монастырѣ, или же въ соборѣ, являясь при этомъ къ оному своевременно, а послѣ богослуженія заѣзжалъ въ свой домъ, — то становится очевиднымъ, насколько просители, безъ обремененія для себя и съ обремененіемъ для архипастыря, могли являться къ нему по своимъ дѣламъ. Находясь въ Вильнѣ, владыка въ свободное отъ посѣтителей время посѣщалъ учебныя заведенія или дѣлалъ нужные визиты, которые, въ праздники Пасхи и Рождества Христова, за своею многочисленностію, отнимали у него очень много времени. Живя же въ Тринопольѣ — на дачѣ, свободное время отъ посѣтителей и дѣлъ

высокопреосвященный посвящалъ прогулкамъ по своему прекрасному и обширному саду, изъ оранжерей котораго букеты обязательно предлагались имъ высокопоставленнымъ посѣтительницамъ на его дачѣ, и которыя отнимали не мало у него времени, какъ въ Тринополь, такъ и въ Вильнѣ, и которыхъ онъ тѣмъ не менѣе съ терпѣніемъ выслушивалъ. Вниманіе архипастыря къ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ какъ изъ Виленскаго духовенства, какъ-то: ректору семинаріи, игуменіи женскаго монастыря, кафедральному протоіерею, такъ и изъ свѣтскихъ, — сказывалось, между прочимъ, въ томъ, что онъ, послѣ раздробленія на Пасхѣ артоса въ храмѣ Свято-духовскаго монастыря, коего былъ настоятелемъ, чрезъ своего эконома посылалъ часть артоса симъ лицамъ, собственноручно написавъ на конвертѣ, въ коемъ лежала часть артоса, имя, отчество и фамилію лица, коему она предназначалась. Этотъ и другіе подобнаго рода знаки вниманія со стороны владыки, равно какъ и вообще личныя достоинства его, пріобрѣли ему глубокое уваженіе со стороны виленскаго интеллигентнаго общества и способствовали тому, что всякое желаніе владыки, направленное къ пользѣ того дѣла, которому онъ служилъ въ Литовской епархіи, съ предупредительностію исполнялось. А это обстоятельство въ Сѣверо-Западномъ краѣ, населенномъ католиками и евреями, имѣетъ очень большое значеніе, такъ какъ предостерегаетъ ихъ отъ попытокъ, и очень часто успѣшныхъ, къ тому, чтобы причинить вредъ церкви православной, если гражданское начальство выказало бы несочувствіе или замедлило придти на помощь православію или русскому дѣлу. Освободившись отъ просителей или посѣтивъ учебныя заведенія, владыка садился за обѣдъ, иногда очень поздно — часу въ четвертомъ. Столъ его отличался вообще простотой и умеренностію. Въ воскресные и праздничные дни обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ. Во первыхъ, разварной рыбы, во-вторыхъ супа или ухи, въ-третьихъ, жаркаго съ огурцами и, наконецъ, сладкаго мучнаго, при чемъ къ супу въ эти дни обязательно подавались прожки. Въ будничные дни обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, при чемъ изъ праздничнаго стола выпускалось или разварное или жаркое. Въ посты владыка не разрѣшалъ себѣ на рыбу, вкушая ее только въ томъ случаѣ, если за трапезой у него находился кто-либо изъ гостей, напр. преосвященный викарій. Обычною его пищею въ постъ былъ одинъ манный грибной супъ, который ему нерѣдко присылался изъ женскаго монастыря. Въ воскресные и въ

праздничные дни въ посты, кромѣ маннаго супа, подавалось еще какое-нибудь кушанье къ его столу, но во всякомъ случаѣ—не рыбное! Подобнаго порядка въ отношеніи стола владыка строго держался и во время своей тяжелой и продолжительной болѣзни. Кушая же у кого-либо, пр. Алексій ѿлъ все предлагаемое, чтобы не смутить хозяина, конечно, кромѣ мяснаго. Когда же владыка дѣлалъ столъ для гостей, а это было нерѣдко, то дѣлалъ, какъ можно лучшей, ничего для того не жалѣя. Принимая съ поздравленіемъ на первый день Пасхи, послѣ литургіи, духовенство, высокопреосвященный предлагалъ ему на розговѣнье только рыбное и молочное, а мяснаго на столъ у себя не допускалъ, объясняя это тѣмъ, что не должно дѣлать рѣзкаго перехода отъ строгаго поста къ мясному, во избѣжаніе вреда для желудка. Весь столъ владыкѣ обходился въ мѣсяць около 40 руб. Живя въ Тринополѣ на дачѣ, когда тамъ жили его близкіе родственники: братъ Николай Ѳедоровичъ Лавровъ, бывшій помощникъ смотрителя Угличскаго духовнаго училища, съ супругой, двѣ родныя племянницы Мартыновы и братъ ихъ Александръ Васильевичъ Мартыновъ — нынѣ протоіерей и профессоръ богословія въ Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ, — преосвященный въ постные дни кушалъ вмѣстѣ съ ними, а въ скоромные дни—отдѣльно. Къ столу, обыкновенно устраивавшемуся на террасѣ, сдѣланной имъ же самимъ, владыка часто приглашалъ гулявшихъ по саду родственниковъ посредствомъ звонка, подобно тому, какъ въ монастырѣ призываютъ братію на трапезу. На террасѣ онъ любилъ обѣдать потому, что могъ сидѣть на сквозномъ вѣтрѣ, котораго не только не боялся, но даже любилъ. Столъ для родственниковъ владыка принималъ на свой счетъ, а не Св.-духовскаго монастыря, при чемъ они обѣдали и отдѣльно отъ него, когда посѣтители не позволяли архипастырю обѣдать вмѣстѣ съ ними въ 2 часа дня. Вина у себя за столомъ онъ никогда не употреблялъ, а въ другихъ мѣстахъ—въ гостяхъ—пилъ очень немного, обыкновенно смѣшивая его съ водою. Онъ очень любилъ, особенно лѣтомъ, фрукты и сельтерскую воду. Послѣ обѣда, въ Тринополѣ, онъ совершалъ прогулку, а въ зимнемъ домѣ—читалъ и затѣмъ шелъ къ богослуженію въ свою церковь, которое состояло изъ вечерни и утрени и начиналось въ 4 часа. Служба начиналась только съ приходомъ его въ церковь, послѣ того, какъ очередной іеромонахъ получалъ отъ него благословеніе. Если же что-либо задерживало владыку, то онъ дѣлалъ распоряженіе начинать

службу безъ него, а самъ приходилъ въ церковь, какъ только позволяло время, и очень скорбѣлъ, когда не могъ совсѣмъ побывать за богослуженіемъ.

Послѣ вечерняго богослуженія, вмѣсто чаю, пилъ горячую воду съ сахаромъ или вареньемъ, такъ какъ опасался бессонницы отъ употребленія вечеромъ чая. Точно также никогда онъ не ужиналъ. Въ баню ходилъ очень рѣдко и любилъ холодокъ. Одѣвался дома очень просто—обыкновенно въ черную шерстяную рясу и на груди носилъ простую панагію. Но въ праздничные дни, отправляясь въ церковь къ богослуженію, одѣвался вполне соотвѣтственно торжеству дня, при чемъ церковныя облаченія надѣвалъ по большей части привезенныя имъ изъ Москвы, какъ сдѣланныя по росту его и весьма благолѣпныя. Ложился спать высокопреосвященный Алексій очень поздно, часто засиживаясь за бумагами и употребляя также много времени на колѣно-преклоненную молитву. Особенно много и усердно молился владыка во время приготовленія къ исповѣди и святому причастію, что онъ обязательно исполнялъ каждый постъ, а великимъ постомъ два раза—въ первую и страстную седмицу. Въ ежедневномъ распредѣленіи его времени много онаго отнималось у него на служебную и частную переписку съ очень многими лицами, и которая была потому очень обширна. На всякое письмо или телеграмму отъ кого-либо съ привѣтствіемъ въ праздники Рождества Христова и Пасхи, или въ другое время, или съ просьбой о помощи, утѣшеніи, владыка немедленно и собственноручно отвѣчалъ благодарностью, или словомъ утѣшенія и, если требовалось, прилагалъ къ оному матеріальную помощь. Отъ своего секретаря владыка требовалъ только, чтобы онъ записалъ въ книгу его резолюціи, получилъ или передалъ дѣло въ консисторію или въ другое, куда слѣдовало, мѣсто и иногда кое-что переписывалъ. Очень многія бумаги владыка составлялъ и переписывалъ самъ и самъ же запечатывалъ въ конвертъ и надписывалъ на ономъ, куда слѣдовало его отправить. Важнѣйшія резолюціи и бумаги онъ писалъ предварительно на-черно на бумагѣ, свернутой въ видѣ ленты, при чемъ листъ бумаги разрѣзался на четыре полосы, которыя въ длину склеивались между собою гуммиарабикомъ. Если ему требовалось что-либо исключить изъ написаннаго и замѣнить его другимъ, тогда владыка, не дѣлая помарокъ, отрѣзывалъ отъ бумаги и вставлялъ новый клочекъ бумаги, на которомъ и писалъ что нужно было. Послѣ его смерти осталось много та-

кихъ катушекъ, исписанныхъ цѣликомъ, и которыя, къ сожалѣнію, равно какъ и писанная его рукой собственная автобіографія, были преданы сожженію. Отношенія владыки къ служащимъ въ его домѣ были вѣжливыя¹, исполненныя благожелательности, но въ то же время и требовательныя. Если приходилось ему кому-либо изъ нихъ дѣлать словесное замѣчаніе, то онъ дѣлалъ это тихо, спокойно и кротко, но, вмѣстѣ съ симъ, въ этомъ замѣчаніи всегда былъ отпечатокъ власти и повелѣнія. Каждый изъ служащихъ при немъ лицъ старался, по возможности, всегда быть на своемъ мѣстѣ и не отлучаться изъ дома, такъ какъ зналъ, что владыка этого не любилъ. Желалъ онъ также, чтобы лица, составляющія его свиту въ домѣ, обязательно вмѣстѣ съ нимъ присутствовали за богослуженіемъ въ Крестовой церкви. Всѣ служащіе въ его домѣ ему были хорошо извѣстны, и лицъ, замѣченныхъ въ чемъ-либо предосудительномъ, онъ удалялъ отъ себя и старался замѣнить ихъ лицами, болѣе надежными въ отношеніи благоповеденія. Это, на примѣръ, видно изъ слѣдующей его резолюціи, положенной на докладѣ эконома архіерейскаго дома, о необходимости отпустить изъ тринопольскаго загороднаго архіерейскаго дома садовника Ш., подлежавшаго отбытію воинской повинности и объ удаленіи изъ числа при семь домѣ служащихъ С. „Садовника Ш. отпустить, а другого, способнаго и честнаго, возьмите, по общему соглашенію съ отцемъ намѣстникомъ и казначеемъ. С—у благополучный путь“. Изъ лицъ, служащихъ въ архіерейскомъ домѣ при особѣ самого владыки, особеннымъ вниманіемъ его пользовались, конечно, экономъ и секретарь. Они, между прочимъ, одни только знали о днѣ ангела архипастыря—23 ноября, по множеству телеграммъ, которыя изъ Москвы присылались ему въ этотъ день, тогда какъ въ Литовской епархіи никто не зналъ о томъ, по

¹ Слѣдующій случай изъ домашней жизни преосвященнаго Алексія характеризуетъ, между прочимъ, его смиреніе и снисходительность къ служащимъ у него. Въ одно изъ вечернихъ богослуженій въ Крестовой церкви Виленскаго архіерейскаго дома какая-то дама дала нѣсколько денегъ прислуживавшему въ алтарѣ по очереди ученику духовной семинаріи Т. на свѣчи. Послѣдній, не видя у свѣчнаго ящика обычно стоящаго здѣсь келейника и, не зная, какъ поступить съ данными ему деньгами, доложилъ о томъ стоявшему въ алтарѣ преосвященному Алексію. Послѣдній не обнаружилъ ни малѣйшаго негодованія на отсутствовавшаго келейника, вышелъ изъ алтаря къ свѣчному ящику, разыскалъ ключикъ, отворилъ ящикъ и, раздавъ всѣмъ желавшимъ свѣчи, возвратился на свое мѣсто въ алтарь.

скромности владыки, не желавшаго принимать торжественныя поздравленія. Богослуженіе въ этотъ день владыка совершалъ въ церкви, находящейся въ домѣ генераль-губернатора, по случаю храмоваго праздника въ оной. Ежегоднешнее же поминовеніе митрополита Іосифа, совершаемое 23 ноября, по указу Св. Синода, владыка со всею торжественностью—а именно: съ заупокойнымъ всенощнымъ бдѣніемъ наканунѣ и на слѣдующій день съ литургією и съ паннихидой по окончаніи оной, совершалъ 22 числа. Въ праздники Рождества Христова и Пасхи высокопреосвященный давалъ денежную награду своей свитѣ, напимѣръ, эконому и секретарю по 10 руб., равно и другимъ, соотвѣтственно занимаемому мѣсту. Въ эти же дни онъ давалъ приличное вознагражденіе въ пользу причта кафедральнаго собора за славленіе въ его покояхъ, которое совершалось кафедральнымъ протоіереемъ, послѣ литургіи въ соборѣ, при пѣніи всего городского духовенства и архіерейскихъ пѣвчихъ, которыхъ владыка награждалъ особо, равно какъ протодіакона и иподіаконовъ кафедральнаго собора. Внимательность архипастыря къ служившимъ въ его домѣ особенно проявлялась во время болѣзни, постигавшей кого-либо изъ нихъ, а также и послѣ смерти. Такъ, напимѣръ, онъ неоднократно навѣщалъ своего эконома, іеромонаха Макарія, когда онъ, отправившись по дѣламъ архіерейскаго дома, былъ выброшенъ изъ экипажа лошадыю и получилъ сильный ушибъ ноги, заставившій его пролежать въ постели не малое время. Точно также онъ часто навѣщалъ во время тяжелой болѣзни бывшаго своего секретаря С. И. Смоктуновича, прочиталъ самъ ему отходную, а послѣ его смерти самъ совершалъ выносъ его тѣла въ кафедральный соборъ, отслужилъ литургію заупокойную и послѣ отпѣванія сопровождалъ погребальную процессію до Свято-духовскаго монастыря. Будучи самъ очень бережливъ, владыка и въ экономіи архіерейскаго дома и монастыря наблюдалъ строжайшую экономію и весьма внимательно разсматривалъ всѣ счета, при чемъ неоднократно указывалъ кому слѣдовало, что, по его мнѣнію, можно было бы пріобрѣсти по болѣе сходной цѣнѣ. Благодаря ему, арендная плата за угодія, принадлежащія архіерейскому дому и Свято-духовскому монастырю, увеличилась весьма значительно противъ прежняго времени. Между прочимъ высокопреосвященный Алексій былъ противъ сдачи въ арендное содержаніе какихъ-либо угодій на такое продолжительное время, какъ 12 лѣтъ, совершенно справедливо полагая, что за это время

стоимость известнаго угодія можетъ значительно измѣниться. А для того, чтобы вѣрнѣе опредѣлить стоимость какаго-либо отдавашагося въ аренду угодія, онъ назначалъ комиссію изъ людей свѣдущихъ, при чемъ иногда и самъ лично осматривалъ оныя. Такъ, напр., онъ однажды предпринялъ путешествіе съ исключительною цѣлію осмотрѣть бывшія въ арендѣ у одного католика угодія Свято-духовскаго монастыря въ 30 верстахъ отъ Вильны и совершилъ это путешествіе въ простомъ тарантасѣ вмѣстѣ съ намѣстникомъ Свято-духовскаго монастыря и экономомъ архіерейскаго дома. На пути онъ заѣхалъ въ приходскую Подберезскую церковь и затѣмъ уже проѣхалъ къ арендатору. Послѣдній приготовилъ было для угощенія высокопреосвященнаго зажаренную на корѣвѣмъ маслѣ рыбу и чай со сливками. И каково же было смущеніе его, когда высокій гость отказался и отъ рыбы и отъ сливокъ, вслѣдствіе бывшаго въ тотъ день поста. Такъ владыка, голодный въ теченіе цѣлаго дня, а равно и его спутники вернулись вечеромъ на лѣтнюю дачу его, при чемъ на возвратномъ пути все время ѣхали подъ проливнымъ дождемъ. Пріѣхавши домой, владыка, забывая о себѣ, прежде всего позаботился о своихъ голодныхъ и продрогшихъ отъ дождя спутникахъ, и тотчасъ же изъ своихъ рубѣ предложилъ каждому изъ нихъ по большой рюмѣ водки и закуску, а послѣ—чай. Благодаря бережливости владыки и строжайшей внимательности къ экономической части Свято-духовскаго монастыря, послѣ смерти его оказалось капитала въ семь монастырѣ какъ наличными деньгами, такъ и процентными бумагами до 30.000 р. Въ своемъ мѣстѣ мы уже замѣтили, что владыка сдѣлалъ значительное пожертвованіе на приведеніе храма въ Свято-духовскомъ монастырѣ въ благолѣпный видъ. Теперь прибавимъ, что онъ пожертвовалъ именно четыре тысячи р. на окончаніе работъ въ ономъ, выразивъ при томъ желаніе, чтобы эти деньги по книгамъ значились пожертвованіемъ отъ неизвѣстнаго. А довольствуясь отъ монастыря скромнымъ содержаніемъ, владыка отказался въ пользу братіи монастыря отъ принадлежавшей ему по закону третьей части братской кружки. Не мало сдѣлано высокопреосвященнымъ Алексіемъ и для украшенія загороднаго своего дома—въ Тринополѣ. Такъ, нашедши здѣсь въ саду бывшую прежде католическую часовню, обращенную затѣмъ въ бесѣдку, владыка, скорбя о томъ, что она получила такое назначеніе,— снова обратилъ ее въ часовню, которая и была имъ приведена въ вполне приличный видъ съ наружной и внут-

ренной стороны, при чемъ онъ сдѣлалъ внутри ея живописныя изображенія Покрова Пресвятыя Богородицы, св. Іосифа Обручника (ангела митрополита Іосифа), священномученика Макарія, митрополита Кіевскаго (ангела архіепископа Литовскаго, послѣ митрополита Московскаго, Макарія) и св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго (ангела бывшаго архіепископа Литовскаго Александра и самого владыки). Въ Тринопольскомъ же саду, высокопреосвященный Алексій, зная, что его предмѣстниками было сдѣлано для него то или другое, болѣе или менѣе полезное, что напоминало о нихъ, на память по себѣ сдѣлалъ по всему лугу сада насыпную аллею, обсаженную кедромъ, которая и получила названіе Алексѣевской. Насколько онъ заботился о сохраненіи лѣса, находящагося при угодіяхъ архіерейскаго загороднаго дома, видно изъ того, что владыка, когда жилъ на дачѣ, требовалъ, чтобы скорѣе покупали дрова на отопленіе дома только бы не трогали изъ своего лѣса, хотя онъ состоялъ изъ 378 десятинъ, даже изъ сухостоя, объясняя это свое желаніе тѣмъ, что, если допустить взять изъ своего лѣса хотя нѣсколько деревьевъ сухостоя, будетъ вырублено много хорошаго лѣса.

Помня предсмертное завѣщаніе своей матери быть милостивымъ къ нищимъ, владыка строго исполнялъ оное. Такъ онъ завелъ у себя въ домѣ еженедѣльную раздачу въ субботу милостыни нищимъ у воротъ архіерейскаго дома, не различая вѣроисповѣданія просящихъ оной. Раздача денегъ до 10 к. производилась экономомъ, а болѣе того — самимъ владыкой, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не вполне довѣряя словамъ просителей, поручалъ своему эконому провѣрять дѣйствительную нужду просителя и при этомъ иногда оказывалось, что проситель, жаловавшійся на свою крайнюю бѣдность и указывавшій свое мѣстожителство, никогда тамъ и не жилъ.

Эти же толпы нищихъ осаждали архипастыря, когда онъ выходилъ послѣ богослуженія изъ церкви, гдѣ служилъ, и онъ собственноручно одѣлялъ ихъ. Бывало много случаевъ, что владыка оказывалъ помощь нуждающимся такъ, что они совершенно не знали имени своего благодѣтеля. Кромѣ того, во всѣ благотворительныя учрежденія и пріюты архипастырь аккуратно къ праздникамъ Пасхи и Рождества Христова посылалъ свою щедрую лепту. Но заботясь о чужихъ, владыка, по заповѣди апостольской, не забывалъ и своихъ родныхъ, которымъ щедро благотворилъ при жизни своей и обезпечилъ по смерти своей. Послѣ смерти владыки не осталось завѣщанія; наслед-

никомъ оставшагося имущества остался братъ его Н. Θ. Лавровъ. Денегъ осталось 16 съ половиной тысячъ въ билетахъ и наличными. Осталось, кромѣ того, очень много цѣнныхъ иконъ, которыя въ настоящее время размѣщены въ разныхъ мѣстахъ въ храмѣ Свято-духовскаго монастыря, а также еще — разныхъ цѣнныхъ вещей, какъ серебряныхъ и золотыхъ рясъ, такъ и подрясниковъ сшитыхъ и матерій кусками, — все подарки московскіе. На каждой изъ такихъ вещей находилась сдѣланная самимъ владыкой надпись, отъ кого вещь получена. Весьма цѣнная библиотека высокопреосвященнаго, состоявшая изъ ученыхъ книгъ по разнымъ отраслямъ богословскихъ наукъ и особенно по каноническому праву, а также рукописей, поступила, къ сожалѣнію, въ Свято-духовскій монастырь, гдѣ она, по своему специальному характеру, не можетъ имѣть надлежащаго значенія. Ей прямое мѣсто — въ библиотекѣ Липтовской духовной семинаріи, куда поступила цѣнная библиотека митрополита Іосифа, архіепископа Александра, отказанная по его завѣщанію, а также — и преосв. Смарагда, епископа Ковенскаго, переданная братомъ его сюда. Книги изъ библиотекъ послѣднихъ двухъ святителей имѣютъ на себѣ печатные ярлыки, свидѣтельствующіе о томъ, откуда онѣ поступили.

Въ заключеніе сдѣланнаго нами краткаго очерка жизни и дѣятельности высокопреосвященнаго Алексія остается пожелать, чтобы на горизонтѣ нашей отечественной церкви появлялось болѣе такихъ свѣтилъ, каковымъ былъ сей пріснопамятный іерархъ, и чтобы читатели сего очерка снисходительно отнеслись къ тѣмъ недостаткамъ въ нашемъ трудѣ, которые, можетъ-быть, съ теченіемъ времени восполнятся лицами, принявшими на себя трудъ составить полную біографію сего святителя, коему да будетъ вѣчная память.

Приложіе.

Речь, сказанная протоіереемъ Иоанномъ Котовичемъ по въ Бозь почившемъ высокопреосвященнѣйшемъ Алексѣ, архіепископѣ Литовскомъ и Виленскомъ, 11-го ноября 1890 г., въ залѣ архіерейскаго дома.

Не стало, братіе, въ средѣ нашей глубокочтимаго архипастыря! Уже второй день мы усердно собираемся въ эту храмину, но не за тѣмъ, чтобы питаться и укрѣплять себя духовною пищей отъ созерцанія архипастыря, возносящаго свои облагодатствованныя молитвы о насъ Богу, а чтобы съ печальными молитвами церкви излить и свою скорбь, и свои молитвы о внезапно почившемъ архипастырѣ въ той мысли, яко нѣсть челоувѣка, иже поживетъ и не согрѣшитъ.

Въ глубокой трауръ облеклась Литовская паства. И не она одна переживаетъ нынѣ минуты скорби; всюду, гдѣ узнаютъ о кончинѣ владыки, чувство печали овладѣетъ сердцемъ, особенно же скорбная вѣсть отразится глубокимъ слѣдомъ въ центрѣ духовной и религіозной жизни нашего отечества — въ Москвѣ, которой почившій принадлежалъ и тѣломъ, и духомъ, которую онъ сердечно любилъ всѣми своими симпатіями и которая достойно отвѣчала этой любви.

Особенно тяжела и невознаградима оплакиваемая нами потеря потому, что смерть пресѣкла нить жизни почившаго архипастыря во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи и крѣпости его богатыхъ духовныхъ силъ, въ чаяніи отъ его плодотворной дѣятельности благихъ послѣдствій и дѣлъ для св. церкви. Еще за нѣсколько минутъ до роковаго признака болѣзни, и я, недостойный, и мои сослужители наслаждались хорошимъ видомъ его здороваго лица, его благодушіемъ и обмѣномъ мыслей по нѣоторымъ дѣламъ епархіальнаго управленія; но настало время исполниться смотрѣнію Божію о насъ и о почившемъ — и вотъ все лучшее смѣнилось на худшее и сила смерти наложила свою тяжелую руку на тѣлесный обликъ почившаго.

Неисповѣдимы судьбы Божіи яже о нашемъ вхожденіи въ міръ сей и исхожденіи!

Но не можемъ не вторить при видѣ сего печальнаго зрѣлища то, что безпрерывно слышится вокругъ онаго: какъ намъ жаль, владыко святыи, что ты такъ безвременно оставилъ насъ. Да, братіе, жаль, истинно жаль! Изъ благодатнаго состава православной церкви восхпщенъ смертію архипастырѣ — лучший знатокъ и истолкователь каноническихъ и юридическихъ основъ ея, горячій, непреоборимый и побѣдоносный защитникъ вселенскихъ правъ ея и ея положенія въ государствѣ и обществѣ, среди переменяющихся условій и бытовыхъ, и государственныхъ.

Восхищенъ изъ благодатнаго состава церкви православной—архипастырь, примѣрнѣйшій и строгій исполнитель церковно-богослужебнаго устава, показавшій намъ всю красоту и благолѣпіе церковнаго богослуженія, его вліяніе на душу истинно вѣрующаго, забывавшаго подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ молитвословіи почившаго владыки и продолжительность богослуженія, и естественную усталость силъ.

Изъ среды нашей восхищенъ смертію архипастырь, который сближалъ и объединялъ общество съ церковію, вносилъ миръ и молитвенное благословеніе въ наши семейства, который искренно радовался нашимъ радостямъ и успѣхамъ и скорбѣлъ надъ нашими бѣдами и печалями. Самъ испытавшій страшные удары жизни, привыкшій ограничивать свои потребности до крайняго предѣла, онъ всецѣло отдавалъ себя на помощь и утѣшеніе искушаемымъ несчастіями жизни; за видимые знаки любви и сыновяго, всецѣло глубокаго уваженія къ нему со стороны почитателей и лицъ имущихъ, онъ въ еще бѣльшей степени щедро благодотворилъ немущимъ и въ особенности случайному и безпріютному сиротству.

Изъ нашей среды восхищенъ смертію архипастырь, для котораго забота о дѣтяхъ, какъ основѣ жизни семейной, общественной и государственной, о просвѣщеніи ихъ въ духъ вѣры и любви Христовой, на почвѣ закона Божія, стояла на первомъ планѣ. Въ простотѣ сердца наши дѣти чужали всѣмъ своимъ существомъ любовь и ласку владыки, и кто не знаетъ, или не видѣлъ, какъ они свободно себя чувствовали въ его присутствіи, съ какою любовью спѣшили принять его святительское благословеніе и благоговѣнно наклоняли свои головы подъ его благодотствованную десницу, жаждая ея возложенія или прикосновенія.

Какъ сонъ, какъ слѣдъ царящаго въ воздухѣ орла, прошло все это скоро, и бранные останки святителя Божія сокроются отъ насъ навсегда, но дѣла его, какъ выраженіе духовной дѣятельности и выдающихся дарованій, не умрутъ; память о нихъ будетъ въ сердцахъ нашихъ будить лучшія чувства и мирно витать у его гробницы.

Владыко святыи! Во время неопустительнаго совершенія безкровной жертвы, когда твои святительскія руки держали св чашу, а уста произносили молитвенное о насъ поминаніе, ты слышала въ церкви единодушную молитву и о себѣ. Да будетъ и нынѣ, когда ты присутствуешь здѣсь тѣломъ, а духомъ витаешь въ горнемъ мірѣ, во благо тебѣ и твоему спасенію въ царствѣ славы, наша единодушная молитва:

Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во Царствіи Своемъ всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Речь, сказанная преподавателем Литовской духовной семинарии, Димитріем Середонингъ¹, по перенесеніи тѣла архипастыря изъ Крестовой церкви въ кафедральный соборъ, предъ началомъ великаго заупокойнаго всеобщаго бдѣнія, 12 ноября 1890 г.

Незабвенный и милостивѣйшій усопшій архипастырь! Пока зяющая могила, по грозному опредѣленію Божию первому чело-вѣку: „земля еси и въ землю отыдеши“, пока она не заключила тебя въ свои холодныя объятія и не сокрыла тебя, нашъ зашедшій свѣте, отъ насъ, до глубины души опечаленныхъ твоимъ внезапнымъ отшествіемъ: продли столь обычную въ дни земнаго твоего житія ласковость ко всѣмъ обращающимся къ тебѣ и во имя ея дозвожь мнѣ нарушить твое священное субботствованіе отъ дѣлъ земныхъ, твой тихій покой настоящимъ словомъ. Дозволь еще разъ поучиться намъ у тебя, святитель Христовъ, хотя теперь уже около сихъ драгоценныхъ ризъ твоего бессмертнаго духа, поучиться здѣсь, куда благочестивая душа твоя всегда съ такою ревностью спѣшила на молитву, гдѣ такъ часто горѣла она всеозаряющимъ пламенемъ любви къ Свѣтоподателю и своимъ яркимъ пламенемъ возжигала и въ насъ искру Божию. И хотя не зримъ тебя „ктому предстояща“, ибо уста твоя упразднишася, очп угасостъ и не видятъ рыдающихъ“; но по святительской ревности твоей о спасеніи твоихъ осиротѣлыхъ чадъ, по любви твоей къ намъ, вразуми насъ и въ безмолвіи твоёмъ, ибо „любы николиже отпадаетъ“... „николиже“, и тѣмъ болѣе въ твоёмъ сердцѣ, умѣвшемъ мудро сочетать законъ любви съ закономъ правды.

Но и мысленно безсиленъ шествовать по царственнымъ стезямъ твоихъ добродѣтелей, ибо ты высокій образецъ для всѣхъ и въ неустанномъ трудолюбіи, и въ горячей преданности дѣлу, и въ добросовѣстнѣйшемъ отношеніи ко всѣмъ своимъ обязанностямъ,—словомъ, истинный образецъ разумнаго употребленія времени, силъ и всѣхъ даровъ Божіихъ, останавливаюсь на томъ, что особенно благопотребно намъ, какъ учащимъ и учащимся, и что обильно содержится въ твоей духовной сокровищницѣ—это направленіе нашихъ познаній, нашего просвѣщенія.

Достославный архипастырь!

Во днѣхъ плоти твоя, ты много лѣтъ потрудился въ вертоградѣ высшей духовной науки, пріютившейся въ нашемъ россійскомъ Сіонѣ—въ достославной обители пр: Сергія Радонежскаго. И какъ чисто, какъ возвышенно религіозно-нравственно было твое служеніе наукѣ. А въ нашъ вѣкъ просвѣщенія далеко не частое такое служеніе наукѣ! Увы! не рѣдкость встрѣтить об-

¹ Скончался 12 сентября 1894 г. въ санѣ архимандрита (съ именемъ Антоній) и въ должности ректора Таврической духов. семинаріи.

лечеднымъ въ плоть и кровь то отталкивающее, то уродливое образованіе, которое съ умственнымъ развитіемъ законопреступно соединяетъ возмутительное слѣпотствованіе въ области религіозно-нравственной. Этотъ болѣзненный разладъ между головой и сердцемъ, между умомъ и волей, составляетъ истинное бѣдствіе человѣчества — и мрачныя знаменія его, какъ постепенно разрастающееся землетрясеніе, поглощаетъ вѣковое благосостояніе мирныхъ жителей, разновременно проносились мутнымъ потокомъ по трепещущему лицу почти всей земли, взимаясь унести собою „во страну далеку“, расхитить, подобно блудному сыну, священнѣйшія убѣжденія человѣчества въ вопросахъ вѣры, жизни и духа. Это бѣдствіе породило тамъ, за-границей, въ этой широкой лабораторіи антихристіанскихъ теорій — всѣ соблазнительныя теоріи, взимающіяся на разумъ Божій, прямо воинствующія противъ христіанства... Но се нашъ добрый учитель!.. Се предлежитъ онъ! У него мы научаемся мудрому искусству приводить разумъ въ кроткое послушаніе вѣры, поучаемся обильному сочными, зрѣлыми плодами умѣнію вмѣстѣ съ научнымъ образованіемъ — образовывать въ себѣ христіанина, точно же, научаемся быть всегда христіанами. Глубокая религіозность при высокомъ умственномъ развитіи, не любившемъ выставять себя на показъ, да прославится отъ человѣкъ, вѣра и знаніе составляли въ почившемъ архипастырѣ стройное — единое уже въ то время, когда онъ еще узами семейными платилъ свою дань міру и былъ наставникомъ академіи. А что была эта религіозность, при постепенно расширявшемся умственномъ кругозорѣ, когда незабвенный нашъ владыка, послуживъ міру и природѣ, сколько сего опредѣлилъ Тотъ, Кто далъ законы семьи, воспринялъ монашество и со славой восшелъ на высшія іерархическія ступени; кто, братіе, не знаетъ сего, хотя разъ видѣвшій священнослуженіе его, каждое дѣйствіе котораго носило печать внутренней духовной мощи представившагося и такъ неотразимо вліяло на предстоявшихъ. Служить Богу, молиться Богу было для него не все ли равно, что для голоднаго искать утоленія голода пищей, а для мучимаго жаждой — идти къ водѣ. И этотъ духовный гладъ, эта жажда были неутолимы. Таковъ, братіе, и вообще удѣлъ всякаго истиннаго совершенства: чѣмъ ближе подходитъ къ нему бессмертный духъ, тѣмъ глубже прозрѣваетъ въ неизмѣримую даль своего разстоянія отъ него. Такъ и нашъ почившій архипастырь: чѣмъ далѣе восходилъ по пути богопочтенія къ Господу, тѣмъ сильнѣе жаждалъ этого, дондеже не померче свѣтъ очію его — и вся жизнь его является какъ бы одною непрерывною пѣснью хвалы, благодаренія и прошенія ко Господу. Чувство утомленія въ этомъ подвигѣ ему извѣстно было развѣ по слуху; оно сгорало въ снѣдавшей его ревности по домѣ Божіемъ, по Бозѣ... Се, братіе, истинное просвѣщеніе!.. Но чье око прозритъ всѣ лучи сего свѣтильника, блиставшаго въ этой разноплеменной окраинѣ земли Русской и такъ преждевременно, по человѣческому разсужденію, угасшаго! При томъ же горестъ омрачаетъ

мысли и, подобно болѣзни глазъ, не позволяетъ чисто разсмотрѣть, что должно. И вотъ мы, убитые горемъ, какъ потерявшіе благороднѣйшую часть существа своего, ибо, по истинѣ, ты, незабвенный архипастырь, глубоко наполнялъ наши души, — усердно просимъ тебя, припадая къ твоему духовному величію: вдохни и въ насъ хотя слабую искру твоего истиннаго просвѣщенія, озареннаго религіознымъ пламенемъ! Поброй насъ, немощныхъ, твоею мощію и научи при просвѣтлѣніи разума свѣтомъ науки осіяваться и другимъ совершеннѣйшимъ свѣтомъ — свѣтомъ хожденія по пути закона Божія! Этотъ путь содружнаго сожитія ума, воли и сердца ты совершалъ царски, вразуми своимъ примѣромъ и насъ, да вселится въ насъ обильно страхъ Божій, да не поревнуемъ той юродивой мудрости, которая только надмѣваетъ, но не назидаетъ. Знаніе холодное, безжизненное, мертвое, знаніе безъ соотвѣтствующаго упражненія воли въ правдѣ Божіей, — было чуждо почившему архипастырю и въ служеніе его академіи, и во всю послѣдующую дѣятельность: онъ страшился такого, столь обычнаго въ наше время, разлада, какъ смертнаго грѣха. „Иже сотворить и научить, сей велій наречется въ царствіи небесномъ,“ — вотъ какое изреченіе Спасителя всегда одушевляло его. Но не оно ли должно занимать самое главное, самое высшее мѣсто и въ душахъ насъ, учащихъ и учащихся. Не должны ли и мы, подобно окружаемому нами дорогому мертвецу; болѣе всего ревновать по религіозно-нравственному развитіи и такимъ образомъ всякое знаніе разума направлять къ возвышенію нашего нравственнаго достоинства. Братіе! Кто премудръ и художъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя“ (Іак. 3, 13). И высокій умъ, и обширныя познанія при блуждающей по распутьямъ міра сего волѣ и сердцѣ, не по духу Христову, не есть мудрость. Это ложное просвѣщеніе. И такъ, братіе, въ своемъ просвѣщеніи будемъ ревновать о той истинной мудрости, которая чѣмъ болѣе обогащается познаніями, тѣмъ шире раскрываетъ объятія сердца для любви къ Богу и ближнимъ, чѣмъ беззавѣтнѣе примѣняется къ самой безднѣ премудрости, смиряя вичливый разумъ предъ вѣрой, тѣмъ сладостнѣе упоется самою вѣрой. Тогда и мы, братіе, приобщимся мощнаго духа нашего любвеобильнаго архипастыря — это нашъ долгъ, и это будетъ самый драгоцѣнный памятникъ ему отъ насъ.

Ты же, святитель Христовъ, да увидеши въ чертогъ вѣчнаго блаженства, да обрящещи покой въ нѣдрахъ праведныхъ отецъ и праотецъ нашихъ и да узриши лики ангеловъ и святыхъ!

„Вседержителю Господи! Душу раба твоего упокой въ селеніяхъ праведныхъ, идѣже свѣтъ твой сіяетъ всѣмъ достойнымъ, Едине многомилостиве“. Аминь.

Слово, сказанное въ Виленскомъ кафедральномъ соборѣ во время заупокойной литургіи 13 ноября преподавателемъ Литовской духовной семинаріи и законоучителемъ женскаго духовнаго училища¹, священникомъ Николаемъ Извъковымъ.

Жительствовавъ во благочестіи и украшенъ жрецъ и приноситель Божественныхъ Таинствъ, Твоимъ Божественнымъ повелѣніемъ преjde отъ житейскихъ мольвъ къ Тебѣ: его же Спасе прїимъ, спаси и съ праведными упокой, (стих. на погреб. священ.).

Вотъ, слушатели христіане, предъ нами еще новая жертва, поверженная во гробъ и при томъ внезапно, безпощадною рукой смерти. Давно ли видѣли мы нашего архипастыря, повидимому, бодрого и какъ-будто значительно оправившагося отъ прежняго недуга. Не онъ ли еще такъ недавно, въ день Архистратига Божія Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ, совершалъ божественную литургію, во время которой молился о своей паствѣ и возносилъ заупокойное моленіе о приснопамятномъ для сего края графѣ Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ? И вотъ молитвенникъ нашъ лежитъ во гробѣ, сомнувши на вѣки свои молитвенныя уста, и пришелъ въ сей святой храмъ, гдѣ послѣднее время такъ часто служилъ², не для молитвы о своей паствѣ, а для того, чтобы эта осиротѣлая паства помолилась объ упокоеніи его въ нѣдрахъ Авраама и причтеніи къ лику праведныхъ. По истинѣ: странное смерти таинство, надходитъ бо всѣмъ въ безгодіи, естество растлѣвается нуждею, старцы взимаютъ, игумены, книжники, учителя, суетная мудрствующая тлѣть, епископы, пастыри. (Стих. на погреб. священ.).

Правда, изъ глубины ветхаго завѣта доносится до слуха нашего гласъ вопіющій: „земля еси и въ землю отъидеши“ (Быт. 3, 19 ст.). Но въ то же время и тотъ же ветхозавѣтный праведникъ, записавшій сіе изреченіе Іеговы, сказалъ намъ, что, при всемъ оскудѣніи дней нашихъ, предѣлъ нашей жизни есть семьдесятъ, аще же въ силахъ и осемдесятъ лѣтъ (Пс. 89, 10 ст.). А между тѣмъ нашему архипастырю былъ только 61 годъ, такъ что скорбь наша объ его утратѣ еще болѣе увеличиваетъ при мысли, что смерть его, по нашему человѣческому соображенію, была преждевременна. Поражая ужасомъ мысль и чувство человѣка, разрушая всѣ его планы и земные расчеты, смерть, кажется, отнимаетъ и самый смыслъ у жизни. Но слово Божіе, умудряющее насъ, возводя наше мысли и чувства отъ земли къ небу, говоритъ намъ: живемъ ли мы — для Господа живемъ; уми-

¹ Нынѣ пресвитеръ Москов. Благовѣщенскаго придворнаго собора.

² По причинѣ передѣлокъ, производившихся въ храмѣ Свято-духовскаго монастыря.

раемъ ли — для Господа умираемъ, и потому всегда Господни. Живымъ и нагляднымъ свидѣтельствомъ такого возвышеннаго взгляда на жизнь и смерть представляетъ намъ почившій нашъ архипастырь, жизнь котораго до самой послѣдней минуты была направлена къ тому, чтобы жить для Бога, своею жизнью прославлять Отца Небеснаго. Прослѣдимъ же внимательно его жизнь. Сынъ священника Ярославской губернии, давшей намъ уже другаго святителя ¹, прекрасный залогъ своей будущей свѣтлой дѣятельности вынесъ почившій изъ домашняго воспитанія — это чистое, цѣломудренное, духомъ истиннаго благочестія проникнутое сердце. Это благотворное вліяніе семьи отразилось на немъ такъ же, какъ и на житіи древнихъ великихъ святителей: Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Получивъ первоначальное образованіе въ родной своей семинаріи, онъ, какъ даровитѣйшій воспитанникъ оной, поступаетъ въ 1850 году для дальнѣйшаго образованія подъ кровъ преподобнаго Сергія въ Московскую духовную академію. Совершивъ здѣсь кругъ своего образованія и вступивъ на поприще ученаго труженика, почившій святитель и среди ученыхъ занятій, здѣсь же, въ обители преподобнаго Сергія, все болѣе и болѣе приумножалъ свое благочестивое направленіе къ достиженію въ мѣру исполненія возраста Христова, подавалъ назидательный примѣръ своимъ академическимъ слушателямъ. Почти каждый день видѣли его за службой въ храмѣ обители, а дни памяти преподобнаго Сергія, предъ мощами котораго онъ такъ часто молился съ особеннымъ благоговѣніемъ, чтились глубоко покойнымъ. И при этомъ свѣтъ молитвы онъ обрѣталъ и источникъ отрады и утѣшенія, и силу въ своихъ ученыхъ трудахъ. Но, кромѣ сего, онъ находилъ отраду въ кругу своихъ сослуживцевъ по академіи. А каковы были эти сотоварищи? Это были мужи, именитые силой, совѣтующе разумомъ. Среди ихъ былъ и благостнѣйшій архипастырь, первенствующій среди сего священнаго собранія іерарховъ ², бывшій начальникъ по ученой службѣ покойнаго, и ко-
ему Господь судилъ проводить почившаго въ мѣсто упокоенія. Къ этому тѣсно сплоченному академическому кругу принадлежали протоіереи: Ѳедоръ Александровичъ Голубинскій, Петръ Спиридоновичъ Демицинъ, Александръ Васильевичъ Горскій, Петръ Симоновичъ Казанскій, преосв. Михаилъ ³ и друг. Уже одни эти имена могутъ свидѣтельствовать о томъ, какая завидная доля выпала почившему принадлежать къ сей семьѣ Филаретовскихъ учениковъ. И владыка никогда не забывалъ о своихъ академическихъ товарищахъ, молясь о нихъ и при жизни, и по смерти ихъ. Такъ уже въ бытность свою въ Вильнѣ, получивъ извѣстіе о смерти преосв. Курскаго Михаила, своего то-

¹ Разумѣемъ предшественника его по Литовской кафедрѣ, архіепископа Александра. † 1885 г. 28 апр.

² Нынѣ высочайшепреосв. митрополитъ Московскій и Коломенскій Сергій.

³ Скончался въ 1887 г. въ санѣ епископа Курскаго.

варища, владыка тотчасъ же выѣхалъ въ Курскъ, чтобы отдать послѣдній долгъ своему сотоварищу. За эту братскую любовь твою, владыко, и ты пользовался отъ архипастырей любовью. Что, какъ не доказательство сего, представляетъ толпѣй сонмъ собравшихся для погребенія твоего святителей! И въ санѣ епископа почившій архипастырь пользовался великою любовью всѣхъ, кто только имѣлъ счастье войти съ нимъ въ общеніе по службѣ ли то, или просто по одному собесѣдованію. Что же вызвало къ нему такую любовь и уваженіе во всѣхъ—отъ вельможи до простолюдина? Это его благоговѣйное истовое служеніе, его всегдашняя готовность оказать каждому одолженіе, его пріятливое обращеніе даже съ низшими—однимъ словомъ, его умѣнье быть всѣмъ—вся, да всяко нѣкія пріобрѣтать. Несмотря на множество и разнообразіе дѣлъ по должности Московскаго викарія, владыка не прерывалъ духовной связи съ дорогою для него академіей, удостоивая ее своими посѣщеніями каждое 1-е октября, въ день ея храмоваго праздника, и очень нерѣдко во дни докторскихъ и магистерскихъ диспутовъ въ академіи. Мы живо помнимъ, съ какою радостью встрѣчали мы, студенты академіи, владыку на вокзалѣ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ изъ Москвы, и съ какимъ чувствомъ уваженія лобызали его благословляющую десницу. Подъ мудрымъ руководствомъ почившаго начало свою жизнь и постепенно крѣпло новоучрежденное при академіи братство преподобнаго Сергія для вспоможенія бѣднымъ студентамъ оной, коего предсѣдателемъ онъ былъ до самаго своего отъѣзда изъ Москвы въ здѣшній богоспасаемый градъ. Всего только 5 лѣтъ съ небольшимъ управлялъ владыка Литовской епархіей. Но и въ это непродолжительное время имъ было сдѣлано немало для блага ея. Преемнику приснопамятныхъ іерарховъ — митрополита Іосифа и архіепископовъ Макарія и Александра выпало на долю отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей воссоединенія униатовъ съ православною церковью. Сколько пришлось тогда покойному, только-что возвратившемуся изъ Петербурга, понести трудовъ и заботъ, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать это выдающееся событіе. И это ему вполнѣ удалось.

Нужно ли говорить о совершеніи почившимъ служенія во храмѣ Божіемъ? Это священнослуженіе было истовое, благоговѣйное, съ строгимъ соблюденіемъ церковнаго устава. Для нѣкоторыхъ оно казалось утомительнымъ. Но ревнители устава церковнаго находили въ немъ истинное духовное наслажденіе. Даже въ послѣднее время, когда, послѣ тяжелой болѣзни, перенесенной имъ, можно было ожидать, что онъ сократитъ продолжительность въ совершеніи имъ богослуженія, — онъ не позволилъ себѣ этого. Такъ, 29-го іюня сего года, въ Борунскомъ монастырѣ владыка, пошедши въ церковь къ богослуженію въ 10 часовъ утра, вышелъ изъ нея въ половинѣ седьмаго часа вечера, пока не благословилъ всѣхъ и не одѣлилъ крестиками и книжками. Нечего и говорить о томъ, что эта черта характе-

ра почившаго снискала ему всеобщее уваженіе и любовь не только православныхъ, но и иновѣрцевъ. Кто не знаетъ, что владыка не пропускалъ ни одного воскреснаго дня безъ совершенія божественной литургіи, ни одного будничнаго дня—безъ того, чтобы не присутствовать при совершеніи двукратнаго богослуженія, и когда бы онъ не молился о своей паствѣ. Да, великаго молитвенника лишились мы въ лицѣ почившаго. Какъ идутъ къ нему, какъ строителю Таинъ Божіихъ, обладавшему величественною осанкой и важностью при совершеніи богослуженія, слова премудраго: „Какъ онъ былъ славенъ въ кругу народа при исхожденіи изъ дома завѣсы! Какъ утренняя звѣзда среди облаковъ, какъ луна, полная во дни свои, какъ солнце, бросающее лучи на храмъ Всевышняго, и какъ радуга, сіяющая въ величественныхъ облакахъ, какъ цвѣтъ розы въ весенніе дни, какъ лилія на источникахъ водныхъ, какъ вѣтвь ливанова въ лѣтніе дни, какъ огонь и ливанъ въ кадилъницѣ, какъ сосудъ, искованный изъ золота, украшенный всякими драгоценными камнями, какъ маслина, пускающая плодъ, какъ кипарисъ, возвышающійся до облаковъ. Когда онъ надѣвалъ на себя великолѣпное одѣяніе и возлагалъ всѣ украшения, то просвѣщалъ при восхожденіи на святой жертвенникъ окружность святилища; когда же онъ принималъ жертвенныя части изъ рукъ священниковъ и самъ стоялъ у рѣшетки жертвенника, а вокругъ его вѣнецъ братій, то онъ былъ, какъ кедровая отрасль на ливанѣ, а они, какъ финиковыя вѣтви (Сирах. 50, 5 — 14). Нужно ли говорить о любви почившаго къ благолѣпію св. храмовъ? Тотъ св. храмъ, въ коемъ суждено на вѣки опочить ему, — приведеніемъ въ настоящее благолѣпіе никому другому обязанъ, какъ владыкѣ, который внесъ отъ себя не малую лепту на украшеніе его. И какое горячее попеченіе имѣлъ почившій объ успѣхѣ работъ въ семъ храмѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ дня освященія его! Но сіе не суждено было ему. Во всякомъ случаѣ, благоуукрашеніемъ церкви Свято-духовскаго монастыря онъ неизгладимыми письменами запечатлѣлъ на скрижаляхъ исторіи Литовской епархіи по себѣ память. Какъ администраторъ, архипастырь нашъ отличался твердымъ характеромъ. Выслушивая охотно совѣты людей, свѣдущихъ по извѣстному вопросу, онъ принималъ сіи совѣты къ свѣдѣнію, а рѣшалъ дѣло самостоятельно, по долгомъ и тщательномъ размысленіи. Отъ сего можетъ быть происходило иногда замедленіе въ дѣлахъ, но не въ ущербъ, а во благо самому дѣлу. Административный постъ его былъ особенно труденъ, потому что ему приходилось часто въ своей дѣятельности соприкасаться съ иновѣрными элементами, и онъ въ такихъ случаяхъ дѣйствовалъ съ мудростью и еротостью по заповѣди Спасителя: будите мудри яко змія и цѣли яко голубіе. Доступность его для всѣхъ была непримѣрная: двери его покоевъ всегда были открыты для всякаго, имѣвшаго въ немъ нужду, отъ ранняго утра и до поздней ночи. Для вдовъ и осиротѣвшихъ семействъ духовенства Литовской епархіи онъ

былъ благосердый и сердобольный отецъ. Какъ начальникъ духовно-учебныхъ заведеній, онъ также оставилъ по себѣ добрую память. Не онъ ли поднялъ въ нихъ и своимъ властнымъ внушеніемъ, а болѣе всего собственнымъ примѣромъ духъ церковности. При благословеніи воспитанниковъ послѣдняго выпуска Литовской дух. семинаріи, владыка самъ замѣтилъ, что такой церковности онъ не наблюдалъ ни въ какой другой семинаріи. Особенно великую утрату понесло въ лицѣ покойнаго наше женское духовное училище, для воспитанницъ котораго онъ всегда былъ любящимъ отцомъ: поступятъ ли вновь воспитанницы въ училище, владыка или самъ лично, или же чрезъ начальницу, шлетъ каждой изъ нихъ образокъ и съ собственноручною надписью молитвенникъ; наступаютъ ли праздники Рождества Христова и св. Пасхи, весьма щедрая лепта посылается отъ него имъ, чтобы дать имъ возможность имѣть невинное развлеченіе при однообразной училищной жизни; кончаютъ ли курсъ воспитанницы—владыка является на экзаменъ по Закону Божію, а послѣ онаго раздаетъ каждой по книгѣ съ собственноручною надписью. Да мало ли и другихъ благодѣяній наше училище получило отъ него? И дѣти за то очень любили его. Кто видѣлъ ихъ слезы, кои онѣ пролили, когда узнали о неожиданной кончинѣ своего отца, коего въ самый день смерти онѣ ожидали къ себѣ въ училище, и ту поснѣшность, съ которою онѣ первыя явились къ праху святителя облобызать его хладную десницу, — тотъ подтвердитъ, что онъ дѣйствительно пользовался ихъ любовью. Нужно ли распространяться о частной жизни почившаго? Привѣтливость его обращенія всѣмъ извѣстна. Несмотря на достаточное содержаніе, владыка велъ жизнь очень скромную. Онъ былъ по-истинѣ для всѣхъ насъ учителемъ воздержанія. Строгость соблюденія имъ монашескихъ обѣтовъ относительно пищи была настолько велика, что во время своей тяжелой болѣзни онъ, несмотря на всѣ увѣщанія докторовъ, не измѣнилъ своей обычной скудной трапезы. А что сказать о его щедрой милостынѣ неимущимъ? Кто видѣлъ въ эти дни около его праха толпу простолюдиновъ всякаго вѣроисповѣданія, проливавшихъ горькія слезы о немъ, тотъ понялъ, что это во-истину былъ сиропитатель.

Владыко святыи! Смиренно просимъ тебя,—прости насъ всѣхъ, если когда-либо чѣмъ оскорбилъ тебя, или имѣли какое-либо нареченіе на тебя. Мы же, братіе, не престанемъ молиться о почившемъ архипастырѣ, чтобы Господь сподобилъ его святаго стоянія съ избранными своими, въ надеждѣ воскресенія. Аминь.

Речь доцента¹ Московской духовной академіи Н. А. Заозерскаго надъ гробомъ высокопреосв. Алексія.

Владыко святыи, учителю, учителю!

Какъ неожиданно раздавшійся среди яснаго дня громъ, поразила насъ, соотечественниковъ, учениковъ и даже присныхъ твоихъ вѣсть о кончинѣ твоей. Точно густая, непроницаемая туча омрачила и полила дождемъ слезъ спокойно-тихий путь нашъ жизненный. Святая обитель Сергіева, началоположница иноческихъ подвиговъ твоихъ, знаменитая и родная твоя академія, сердце Россіи и краса Православія—Москва, свидѣтельница первыхъ лѣтъ епископства твоего, скорбятъ по поводу твоей безвременной кончины. Кто, кто тамъ не скорбитъ о разлукѣ съ тобой? Какое званіе, какой чинъ церковный не имѣютъ тамъ среди себя плачущихъ и болѣзнующихъ?!

Но что сіе привѣтственное мое обращеніе къ тебѣ, когда от вратился слухъ твой, закрыты очи, сомкнулись уста твои для прибывшаго издалека лицезрѣть тебя одного изъ многочислѣннѣйшихъ и, не обинуясь скажу, любимѣйшихъ учениковъ твоихъ? Учителю, учителю! Что сіе сотворилъ еси!

Къ вамъ теперь, священный соборъ архипастырей, іереи Божіи, и вся досточтимая, благовѣрная, православная паства Виленская, обращеніе мое. Молю васъ, выслушайте простое и краткое слово свидѣтельства моего о жизни и подвигахъ святаго мужа во временной его отчизнѣ.

Это былъ одинъ изъ почетнѣйшихъ учителей и ученыхъ Московской духовной академіи. Священные церковные каноны, законодательства благовѣрныхъ греческихъ царей и все отечественное законодательство, до церкви относящееся, онъ зналъ въ такой глубинѣ и широтѣ, — что требовало, конечно, напряженнаго и самоотверженнаго труда, — что приводилъ въ удивленіе въ одинаковой мѣрѣ и юристовъ-теоретиковъ, и даже юристовъ-практиковъ. Но при такомъ ученomъ авторитетѣ это былъ мужъ, исполненный глубокаго смиренія относительно своихъ достоинствъ и христіански-гуманнѣйшій человекъ. Чѣмъ особенно поражало въ немъ первое изъ этихъ качествъ, это — строжайшее отношеніе къ своему слову, особенно, когда касалось оно любимой имъ науки. Онъ былъ именно чуждъ совершенно тѣхъ недостатковъ, какими въ настоящее время, какъ болѣзнию самую заразительною, страдаютъ многіе, мнящіеся быть учеными, — недостатковъ суесловія и тщеславія. Онъ не только не искалъ ученой славы и популярности, но ревниво заботился укрыть свое имя и при изданіи тѣхъ немногихъ произведеній своего самоотверженнаго ученаго труда и таланта, которыя имѣли рѣдкое по силѣ своей вліяніе на современный намъ церков-

¹ Нынѣ ординарнаго профессора.

ный строй. Его слово было ясно, сильно и правдиво, и нельзя было не покоряться ему. Его научныя убѣжденія были непоколебимы; бессильны были для нихъ соблазны личной временно-жизненной, счастливой перспективы, а о невыгодахъ, соединенныхъ съ твердостью храненія этихъ убѣжденій, и говорить не стоить: онъ презиралъ ихъ.

Это былъ христіански-гуманнѣйшій учитель нашъ. Какую внимательность обнаруживалъ онъ къ недоразумѣніямъ, къ заявленіямъ нашихъ ученическихъ нуждъ — это трудно представить. Мы, ученики его, беспощадно отнимали у него время, свободное — казалось намъ — отъ служебныхъ его занятій, спрашивая его, какъ поступить тамъ, какъ — тутъ, какъ преодолѣть такую-то трудность въ данныхъ намъ ученыхъ работахъ. И онъ все выслушивалъ, все взвѣшивалъ, все разяснялъ, помогалъ, совѣтовалъ, ободрялъ, утѣшалъ. И все это кротко, привѣтливо, ласково. Да, по-истинѣ, если слушая лекціи его, мы были наставляемы при погу его — то у него дома, — о, не забыть намъ этого христіански отечески-привѣтливаго и радушнаго дома! — мы учились при гостепріимствѣ его, онъ, учитель и начальникъ нашъ, былъ здѣсь между нами яко служай.

Божію Промышленію угодно было почти внезапно возвести его на высоту епископства Московской паствы. Казалось — не подготовленъ онъ былъ къ сему, казалось, — невозможно было ему послѣ весьма скромнаго общественнаго положенія, имъ долготворенно занимаемаго, въ надлежащей скорости найтись въ этомъ новомъ высококомъ и многотрудномъ служеніи: но не то произошло на дѣлѣ. Онъ съ первыхъ дней епископства сталъ епископомъ, какъ будто давно уже былъ епископомъ. Вѣрую во-истину, что божественная благодать Всесвятаго Духа въ священной хиротоніи оросила духъ его, какъ давно приготовленную и удобренную добродѣтельную ниву, и эта нива быстро возростила добрый и прекрасный плодъ духовный. Но, отцы и братіе! Высота предмета сего превосходитъ мои силы. Посему да сохранится о семъ слово свидѣтельства моего. Что непосредственно представлялось взору, что доступно было слуху, — о томъ лишь мнѣ подобаетъ рещи слово. Глубоко благоговѣйныя церковною красотой православія священнослуженія почившаго святиителя неотразимо дѣйствовали на духъ, возвышая, окрыляя и укрѣпляя его, и дѣлали малочувствительною для тѣла ихъ продолжительность. Призывной благовѣсть къ священнодѣйствию его вызывалъ въ душѣ благодатно-радостное движеніе: „возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ“.

А домъ его архіерейскій? Но здѣсь — думается мнѣ, лучше воздержаться отъ собственнаго слова, и привести на память то, что свидѣтельствовалъ вѣкогда блаженный Августинъ о святомъ Амвросіи, епископѣ Медиоланскомъ. Бывъ профессоромъ въ Миланѣ и желая облегчить полную сомнѣній душу свою, сколько разъ пытался онъ бесѣдовать съ знаменитымъ епископомъ и не могъ: почему? — „Потому, что — говорить — отягчали его толпы на-

рода со своими мірскими тяжбами, которыя онъ ревностно старался уладить, и я, такимъ образомъ, не могъ открыть своихъ сомнѣній и получить отъ него ихъ разрѣшеніе. Не много затѣмъ времени, какое оставалось у него, онъ употреблялъ для поддержанія тѣла пищей и души — чтеніемъ.“ И самъ блаженный Августинъ о своемъ собственномъ епископствѣ свидѣтельствовалъ: „взгляните на труды, которыми мы, епископы, такъ обременены, что иногда отъ нихъ и тѣлесно страдаемъ... Но мы несемъ эти тяжкіе труды не безъ утѣшенія отъ Господа, а въ надеждѣ на вѣчную жизнь, въ которой получимъ обѣщанную награду за претерпѣніе до конца.“ И мнѣ, въ качествѣ молодого наставника въ Московской академіи, сколько разъ нужна была бесѣда со своимъ учителемъ, но каждый разъ я видѣлъ, что отягчали учителя моего толпы народа, не менѣе меня жаждавшего его наставленій.

Но боюсь, что я уже превзошелъ мѣру слова. Къ тебѣ послѣднее обращеніе мое, владыко святой и незабвенный учитель! Прости насъ, можетъ-быть, своими частыми доуками сократившихъ дни драгоцѣнной для насъ жизни твоей! Не забудь насъ и тамъ предъ престоломъ Всевышняго въ молитвахъ твоихъ о насъ! Но что же скажу я въ утѣшеніе скорбящимъ и жаждающимъ утѣшенія во временной отчизнѣ твоей? Я скажу, что въ день честнаго погребенія твоего, во всечестномъ соборномъ храмѣ святителя Христова Николая собрался—Божіей благодати, тако устроившей, церковный соборъ архипастырей, игуменовъ, іереевъ и всего причта церковнаго и народъ христіанскій многъ зѣло, для принесенія усердной молитвы объ упокоеніи твоёмъ и воздаяніа тебѣ церковной чести. Скажу еще, что уготовано тебѣ и мѣсто упокоенія во всечестномъ храмѣ святыхъ, славныхъ мучениковъ Виленскихъ, при досточтимыхъ гробахъ ихъ, скажу, что и тамъ покой твой будетъ въ честь ¹.

¹ Вся эти рѣчи были напечатаны въ *Литов. Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1890 г.